3к26
П488

БИБЛИОТЕКА
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ
МОЛОДЕЖИ

ПОКУШЕНИЕ НА ЛЕНИНА

1941

«НОВАЯ МОСКВА»

4/II 1574
93
27/VIII 913
13/III 687
20/12 2933
3 ФЕВ 2846
291, 584
9/II 699
13/II 1210
31/I 1210
14/II 3307
1841
1885945

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ МК РЛКСМ

ЭК26.
П-61
Л.

ПРОВЕРКА 1930 г.
ЭК26
П488

ПОКУШЕНИЕ НА ЛЕНИНА

30 АВГУСТА 1918 г.

ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ, ГАЗЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ 1918 г., НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ИЗ ПРОЦЕССА ЦК ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ, ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСА КАПЛАН И ДР.

СОСТАВИЛ П. ПОСВЯНСКИЙ
ПОД РЕД. Н. ОВСЯННИКОВА
И СТ. КРИВЦОВА.

ПК
1885945

ВТОРОЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ и ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

Омская областная
научная библиотека
им А. С. Пушкина

„НОВАЯ МОСКВА“
1925

Отпечатано в типографии Администр. Отдела Моссовета им. М. И. Рогова, Петровка, 38, в количестве 9.000 экз. Гублит № 23.462.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Настоящий сборник имеет целью об'единить под одной обложкой все наиболее ценное из появившегося в печати по поводу покушения на Владимира Ильича Ленина 30 августа 1918 года. Задачей редакции было не только исчерпать, по возможности, все опубликованные материалы, относящиеся к покушению, но и представить событие в том разрезе, как оно переживалось рабочей массой и большевистской партией в 1918 году, в обстановке ожесточеннейшей гражданской войны. С этой целью в издание включен ряд хроникерских заметок и рассказов очевидцев, часто неточных и противоречивых, напечатанных в „Правде“ и „Известиях ВЦИК“ в ближайшие дни за покушением. Уделено также место посвященным покушению заседаниям ВЦИК, Московского и Ленинградского Советов, откликам с фронта, корреспонденциям из районов и ряду газетных статей по поводу покушения.

Для уяснения настроений эпохи характерно, что при всем потрясающем значении события партийные и советские газеты того времени дают очень немного фактического материала о самом покушении, еще менее характеризуют обстановку болезни и лечения Владимира Ильича, уделяя чрезвычайно мало места личному и интимному. Если мы узнаем о тяжелых переживаниях Владимира Ильича, его тяжких страданиях и колебаниях между жизнью и смертью, то только из позднее опубликованных и притом чрезвычайно скупых воспоминаний близких к Владимиру Ильичу людей. Газеты 1918 года обо всем этом молчат Они делают политические выводы из фактов и зовут на дальнейшую борьбу. В передовицах „Правды“ чувствуется затаенная боль автора, но всю силу своего пера он на-

правляет в сторону политического анализа и учета борющися сил. И только по откликам из районов, по резолюциям с мест мы можем судить, с какой скорбью партия и самые широкие рабочие массы переживали вести о покушении и болезни своего вождя, страдая душой вместе с ним, но в то же время ни на минуту не складывая оружия и с новой энергией продолжая его дело.

Отравленные пули были направлены эсеровской рукой в вождя пролетарской революции в тот момент, когда самому существованию „Советского оазиса" грозила величайшая опасность. Насильственный Брестский мир разорвал временный блок большевиков с левыми эсерами, заключенный на другой день после Октябрьской победы. Левые эсеры, в то время бесспорно представлявшие некоторые середняцкие и другие более состоятельные круги крестьянства, опутанные, как всякий мелкий буржуа, рядом псевдопатриотических предрассудков, не могли примириться с необходимостью на время отступить перед победоносным тогда германским империализмом, чтобы сохранить очаг революции и тем самым взорвать позднее и самый германский империализм. В марте 1918 года они вышли из Совета Народных Комиссаров; в июле они решились на открытый мятеж против Советской власти, выставив пушки в Трехсвятительском переулке в Москве, и открыли фронт на востоке чехо-словацким полкам, состоявшим на службе у Антанты, предварительно попытавшись путем убийства графа Мирбаха, немецкого посла в Москве, втянуть молодую Советскую Республику в новую войну с Германией.

Брестский мир, отрезав Советскую Россию от Западной Европы, оторвал от нее обширные территории на западе и юге. Немецкая оккупация докатилась до Пскова, угрожая Красному Питеру; Минск был захвачен польскими легионерами. На Украине сидел гетман Скоропадский, опираясь на оккупационные немецкие штыки. Дон захватил Краснов, который вел переговоры с Вильгельмом о союзе. На Кубани организовалась из первых офицерских добровольческих полков деникинская армия. Грузинские меньшевики привели в Закавказье турок. Армянские дашнаки пригласили в Баку из северной Персии англичан, захвативших в

Туркестане Красноводск и Асхабад. В Оренбурге засел казачий атаман Дутов. Владивосток с весны был оккупирован японцами, явившимися туда с ведома и согласия эс-эровско-меньшевистского „демократического“ земства. На далеком Мурмане высаживались первые английские эшелоны, готовясь к такой же высадке в Архангельске. В белой Финляндии при помощи немецких войск торжествовала кровавая контр-революция, тысячами расстреливая восставших в начале 1918 г. финских пролетариев. Наконец, на Урале и Волге образовался грозный чехо-словацкий фронт, организованный Антантой при содействии русских социалистов-революционеров (правых).

Заседавший в Москве 6—14 мая 1918 года VIII Совет партии социалистов-революционеров постановил „восстановить восточный фронт“ и начать с Советской властью борьбу „всеми доступными средствами“, одновременно войдя в самое тесное сотрудничество с державами Антанты. Результатом первого решения было предоставление французским главнокомандованием в распоряжение эс-эров „для борьбы за учредительное собрание и восстановление восточного фронта Антанты“ чехо-словацких батальонов, организованных Керенским летом 1917 г. из австрийских пленных на русском фронте и после Брестского мира по соглашению Советской власти с Францией подлежавших эвакуации на западный фронт через Владивосток. В захваченной чехами Самаре образовался эс-эровский „комитет членов Учредительного собрания“, опиравшийся на иностранные штыки и русское офицерство и приступивший к формированию „народной армии“ путем принудительной мобилизации колебавшегося и обманутого крестьянства. Чехословацкими полками при содействии прочей белогвардейщины были последовательно захвачены Самара, Уфа, Екатеринбург, Челябинск, Пермь, Симбирск и Казань. Нижний-Новгород находился под непосредственной угрозой нападения. Образовался весьма серьезный фронт, скрепленный чехо-словацкими войсками. Изнуренная трехлетней империалистической войной, Советская Россия только что приступала к организации Красной армии, и первое время на новый фронт могла бросить только разрозненные и недисциплинированные партизанские отряды, еще незакаленные

в боях. Одновременно внутри гражданских фронтов контр-революция подымала голову. Антантовские миссии, переселившиеся в Вологду, чтобы быть ближе к оккупационным английским войскам, двигавшимися с севера, разбрасывали миллионы на организацию белогвардейских заговоров, взрывы железнодорожных мостов и продовольственных складов. Процесс Локкарта, агента английской миссии, раскрыл попытку подкупа латышского батальона, охранявшего Кремль, и установил покушение на захват Совета Народных Комиссаров. Савинков тайно рыскал по Москве, организуя черносотенных офицеров и бандитов. Ярославль был захвачен белогвардейцами; понадобилась правильная осада, чтобы их выбить из города. Контр-революция, организованная на антантовские деньги, об'единяла в своих рядах все буржуазные партии, начиная от меньшевиков-активистов (плехановцев) и социалистов-революционеров и кончая кадетами и черносотенцами, готовясь торжествовать близкую победу. Казалось, еще несколько решительных ударов и сопротивление рабочего класса и революционных слоев крестьянства будет сломлено.

В такой обстановке Центральный Комитет партии социалистов-революционеров решил перейти к выполнению второй части программы, намеченной VIII Советом партии. Против руководивших пролетарской революцией большевиков было решено употребить „все средства борьбы", т.-е. пустить в ход террор. Процесс социалистов-революционеров в Верховном Трибунале летом 1922 года детально вскрыл контр-революционную роль партии социалистов-революционеров, являвшейся игрушкой в руках Антанты и действовавшей на англо-французские деньги. На суде, в присутствии обвиняемых, была гласно вскрыта и доказана организация террористических актов эсеровским ЦК через посредство особой боевой организации, возглавлявшейся Семеновым и Коноплевой. Последние двое, после колчаковского перевота в Сибири и ликвидации чехо-словацкого фронта, отказались от борьбы с Советской властью, решительно став на ее сторону, и вместе с некоторыми рабочими-боевиками (Усов, Зубков и др.) вскрыли позорную работу эсеровского ЦК, у бывших членов которого до

настоящего времени не хватает мужества сознаться в содеянном.

В июне 1918 года, по мере того, как укреплялся чехословацкий фронт, решено было произвести ряд террористических покушений на большевистских вождей. 20 июня был убит в Ленинграде пролетарский трибун и любимец рабочих Володарский. Готовились покушения на Троцкого и Ленина. 30 августа, днем, эсеровский выстрел сразил в Ленинграде Урицкого, вечером в Москве отравленные пули впились в Ленина, выступавшего на митинге перед рабочими. Несколько дней жизнь Владимира Ильича была в величайшей опасности.

Революции был нанесен жестокий удар, от которой, казалось, ей не оправиться. Но случилось чудо. Террор, который во времена царизма был сильнейшим оружием в руках партии социалистов-революционеров, обратился против нее самой. Массы поняли, что когда стреляют в их вождя, стреляют в них самих, и, проявив необычайную энергию, раздавили гадину контр-революции.

Ближайшие за покушением дни сентября 1918 г. явились поворотным моментом в истории гражданской войны. Красная армия на восточном фронте перешла в наступление. 7 сентября была возвращена Самара; 10—занята Казань; 12—Симбирск. Ставка контр-революции была бита. Ноябрьская революция в Германии разорвала брестскую петлю, затянутую вильгельмовскими генералами на шее Советской России, и вывела русскую революцию из узких, национальных рамок на простор международной борьбы. Сменивший эс-эров на востоке. Колчак не мог наверстать утраченного и был обречен на долгое сидение в Сибири чтобы в конце 1919 года погибнуть под пулями сибирских партизан.

Через месяц Владимир Ильич оправился и уже на заседании Московского Совета 22 октября 1918 года выступал публично, еще раньше приступив к политической и советской работе. Еще пять лет неустанно напряженного труда, неукротимой энергии и проникновенной, почти всевидящей мысли он отдал мировой революции. Ему вместе с пролетариатом пришлось пережить много побед и поражений. Советская революция окончательно закрепилась

в России и завершилась образованием грозного для капиталистических стран Союза Советских Социалистических Республик. Дело международной революции взял в свои руки основанный Лениным 5 марта 1919 года Коммунистический Интернационал, на западе и востоке подымая пролетариат и угнетенные, эксплоатируемые народы к новой победоносной борьбе.

Самого вождя пролетарской революции и творца III Интернационала 21 января 1924 года не стало. Слишком напряженная работа легла на Ленина. Слишком много пришлось мыслить и работать гениальному его мозгу.

Ленин устал и сошел в могилу. Революция потребовала себе в жертву его жизнь, как 30 августа 1918 года она потребовала его кровь.

Теперь, когда нет Ленина, но живет и крепнет его дело, при воспоминании о тяжелых днях лета 1918 года, невольно возникает вопрос, не сыграли ли все же отравленные эс-эровские пули роковой роли, сократив время работы и революционного служения вождя? Не послужили ли оставшиеся в теле Ленина куски ядовитого свинца тем толчком, который явился началом усталости и артериосклероза переутомленного мозга?

Но если даже и так, если покушение 30 августа подорвало здоровье вождя, то тем большая ответственность ложится на нас за его дело и на то молодое поколение, которое теперь строится в ряды Партии и Комсомола, чтобы довести до конца победу над капиталом. И нет сомнения, что на долю подрастающего поколения выпадет великое счастье завершить дело Ленина в мировом масштабе.

Н.-Овсянников.

НА ЗАВОДЕ б. МИХЕЛЬСОН

(ныне имени В. И. Ленина)

ПЕРВЫЕ ИЗВЕСТИЯ.

Воззвание ВЦИК.

Всем Советам Рабочих, Крестьянских, Красноармейских депутатов; всем армиям, всем, всем, всем.

Несколько часов тому назад совершенно злодейское покушение на тов. Ленина.

Роль тов. Ленина, его значение для рабочего движения России, рабочего движения всего мира, известны самым широким кругам рабочих всех стран.

Истинный вождь рабочего класса не терял тесного общения с классом, интересы, нужды которого он отстаивал десятки лет.

Тов. Ленин, выступавший все время на рабочих митингах, в пятницу выступал перед рабочими завода Михельсон в Замоскворецком районе гор. Москвы.

По выходе с митинга тов. Ленин был ранен. Задержано несколько человек, их личность выясняется.

Мы не сомневаемся, что и здесь будут найдены следы правых эс-эров, следы наймитов англичан и французов.

Призываем всех товарищей к полнейшему спокойствию, к усилению своей работы по борьбе с контр-революционными элементами.

На покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов революции.

Товарищи! Помните, что охрана наших вождей в ваших собственных руках. Теснее смыкайте свои ряды, и господству буржуазии вы нанесете решительный, смертель-

ный удар. Победа над буржуазией лучшая гарантия безопасности вождей рабочего класса.

Спокойствие и организация! Все должны стойко оставаться на своих постах.

Теснее ряды!

Председатель ВЦИК Я. Свердлов.

30 августа 1918 г. 10 час. 40 мин. вечера.

Первые сведения о покушении.

Вчера, около 9 часов вечера, на тов. Ленина, выступавшего с речью на заводе б. Михельсона, было произведено покушение.

При выходе с митинга Ленина остановили две женщины, которые повели с ним разговор о свободном провозе полутора пудов муки на основании последнего декрета Московского Совета.

В то время, как они задерживали Ленина, раздалось три выстрела, которыми председатель Совнаркома был ранен в руку и спину.

Стрелявшая задержана. Тов. Ленин перевезен в Кремль. По словам врачей, положение больного не внушает опасений.

„Правда", 31 августа 1918 г.

В городе.

Весть о покушении на председателя Совета Народных Комиссаров моментально облетела весь город.

Весть эта не вызвала никакого замешательства в рядах пролетариата. Наоборот, всюду слышались речи о необходимости теснее сплотиться вокруг вождей и усилить до крайней беспощадности борьбу с контр-революцией.

Белогвардейцы притаились. Никаких выступлений не было. В городе полное спокойствие.

„Известия ВЦИК", 31 автуста 1918 г.

Общий вид завода имени Владимира Ильича со стороны Павловской улицы.

ОЧЕВИДЦЫ О ПОКУШЕНИИ [1])

На заводе б. Михельсона, где произошло покушение на тов. Ленина, только и разговоров, что об этом злодейском и предательском нападении.

Из разговоров с председателем местного фабрично-заводского комитета удалось выяснить следующие подробности относительно обстановки, при которой было совершено покушение.

* * *

Еще задолго до прибытия тов. Ленина пришла на митинг та женщина, которая потом была ранена стрелявшей. Она держала себя как-то совершенно по особенному: взволнованная ходила и все, как будто, порывалась говорить Можно было предположить, что она—партийный работник, но ее никто не знал. Она стояла около трибуны, когда тов. Ленин, улыбаясь, протиснулся к трибуне. Она воскликнула, как будто, даже с восторженной радостью: „Ленин здесь!“ Жадно стояла и слушала. Стрелявшая женщина явилась позднее, уже во время речи тов. Ленина.

Когда тов. Ленин кончил и пошел к выходу, дорогу ему преградил сначала гимназист, брюнет, лет 16, в гимназическом пальто. Он подал записку, которую тов. Ленин взял и, не останавливаясь, пошел дальше, взобрался на лесенку, ведущую во двор. Две женщины подошли к тов. Ленину с обеих сторон и одна из них спросила, почему отбирают хлеб на железных дорогах; тов. Ленин от-

---

[1]) Рассказы очевидцев, спешно записанные на месте происшествия корреспондентами „Правды“ и других газет в 1918 г., страдают существенными неточностями, особенно в части, касающейся выводов о покушении. Процесс эс-эров в 1922 г. установил более точную картину покушения.

ветил, что издан декрет, чтоб не отбирали. В это время раздались выстрелы, и тов. Ленин был ранен. Одновременно была ранена одна из женщин, занимавших тов. Ленина разговорами при выходе на двор.

Стрелявшая успела выбежать за ворота и была схвачена уже на улице. Она закрыла лицо рукой, но ей сказали: „Нечего закрываться, умела стрелять, умей и людям в лицо смотреть". Левой рукой она пыталась достать что-то из кофточки. Ее отвели в военный комиссариат. Говорят, что у нее нашли отравленные папиросы. [1])

Раненую отвели в больницу. Когда пришли в Петропавловскую больницу взять белье для раненой, то выяснилось, что она кастелянша из этой больницы. Похоже на то, что она явилась совершенно невинной жертвой террора буржуазной наймитки.

Покушавшаяся на тов. Ленина—интеллигентка лет 35, одета прилично и скромно. Держится нервно. Называет себя правой эс-эркой, последовательницей Чернова.

На вопрос, как она решилась оставить пролетариат без вождя, лепечет, что Ленин—изменник социализму, так как разогнал учредительное собрание. Большевики захватчики и предатели, насилием добившиеся власти. Они—враги народа. Вся Россия должна об'единиться вокруг самарской учредилки.

Политическое и умственное ее развитие производит впечатление ниже среднего.

Другая арестованная, та самая, которая задержала Владимира Ильича у выхода с завода, лежит раненая. Ей оказана медицинская помощь. Рану она получила от одного выстрела своей же сообщницы. [2]) После покушения стоило большого труда удержать рабочих от самосуда.

„Правда", 1 сентября 1918 г.

---

[1]) Как показывают имеющиеся материалы, последнее не отвечает действительности.

[2]) О раненой оказавшейся кастеляншей Петропавловской больницы М. Г. Поповой см. дальше.

ПОКУШЕНИЕ НА ТОВ. ЛЕНИНА.

Митинг на заводе б. Михельсона проходил при большом стечении рабочих; после речей нескольких ораторов, говоривших на тему о двух диктатурах — пролетариата и буржуазии—вышел на трибуну председатель Совета Народных Комиссаров тов. Ленин, приехавший из Бауманов-ского района, где он выступал с большой речью. Встреченный бурными, долго не смолкавшими овациями, тов. Ленин произнес краткую речь, ярко поставив вопрос о необходимости выбора: или власть рабочих и беднейшего крестьянства, осуществляемая со всей революционной энергией и беспощадностью, или власть буржуазии и возвращение рабочих и крестьян под ярмо капиталистов и помещиков.

После этой речи, выслушанной с напряженным вниманием и вызвавшей огромный под'ем настроения, тов. Ленин, провожаемый бесконечными овациями, пошел к выходу; в этот момент раздались выстрелы.

Товарищи, присутствовавшие на митинге, рассказывают, что выстрелы следовали один за другим почти без промежутков, их было три или четыре.

Покушение это, совершенно неожиданное, в первую минуту вызвало обычное замешательство; лица, стоявшие ближе к тов. Ленину, бросились к нему и, оказав первую помощь, помогли ему сесть в автомобиль.

ПОДРОБНОСТИ ПОКУШЕНИЯ.

Товарищ рабочий, присутствовавший на митинге, рассказывает следующие подробности покушения:

— Тов. Ленин успел уже выйти за двери завода; он шел, окруженный густой толпой рабочих и крестьян, среди которых было много детей, в этот момент к нему подошла какая-то женщина в серой шляпе и заговорила с ним. Тов. Ленин приостановился.

Во время разговора тов. Ленина с неизвестной другая женщина протиснулась к нему почти вплотную; раздались под-ряд два—три выстрела. Тов. Ленин упал. Когда раздались выстрелы, толпа отхлынула в сторону, но сейчас

же бросилась обратно. Тов. Ленина подняли и перенесли в автомобиль.

Женщина, остановившая Ленина, бросилась было бежать, но как она, так и стрелявшая сейчас же были задержаны толпой.

Озлобление толпы было огромное. Обеих женщин едва не растерзали на месте, и стоило больших усилий удержать толпу от самосуда. Лишь убеждения некоторых партийных товарищей, указывавших, что задержанные никуда уйти не могут и что их, прежде чем казнить, необходимо допросить, так как, очевидно, здесь действовала целая организация,—предотвратили самосуд.

Рабочие, под впечатлением происшедшего, долго не расходились; настроение было крайне возбужденное, в толпе требовали безпощадной расправы с буржуазией, чтобы раз навсегда отбить у нее охоту устраивать гнусные покушения на вождей пролетариата.

В ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ.

День 30 августа 1918 года—это один из памятных дней в моей жизни. В этот день преступной рукой был ранен тов. Ленин, и я был свидетелем этого гнусного преступления.

Теперь, описывая события этого дня, мне кажется, что все же я не в силах передать всего того, что я видел и пережил за тот день.

В то время очередные митинги происходили в гранатном корпусе завода б. Михельсона, ныне „имени Владимира Ильича“. Это большое помещение, правда, скорее похожее на сарай, чем на аудиторию для митингов, но это уже наследие царского правительства, которое не строило специальных помещений, в которых могло бы поместиться большое количество рабочих. Зачем ему было строить, когда даже научные лекции, происходившие для рабочих в народном университете в аудитории при фабрике „Цинделъ“, зачастую разгонялись царскими держимордами. Как единственное большое помещение в Замоскворецком районе, находящееся в самой заселенной местности, рабо-

885945
Омская областная научная библиотека им А. С. Пушкина

чими было приспособлено для митингов свободное помещение при заводе бывш. Михельсон.

Посещаемость рабочими митингов была большая, и как ни велика она была раньше, я, бывавший почти на каждом митинге, никогда не наблюдал такого большого стечения народа, как в день 30 августа. Преобладавшее большинство были рабочие. Тут были не только рабочие завода б. Михельсона и близко проживающие от него, но также и пришедшие с окраин Москвы—из Даниловской и Симоновской слобод и из других районов.

Здесь были и мужчины, и женщины, и даже дети. В районе уже знали, что на сегоднящний митинг приедет тов. Ленин. Всем хотелось его услышать.

В то тяжелое голодное время забота всех была о хлебе, но для честного пролетария потребность услышать слово от своего вождя „Ильича" была больше чем потребность, в хлебе (трудящиеся сознавали, что слова „Ильича" есть их вся жизнь, все светлое будущее).

В $6^1/_2$ часов вечера, когда я только пришел на митинг, у помещения было уже много народа. Разделившись на группы, многие обсуждали между собою злободневные вопросы.

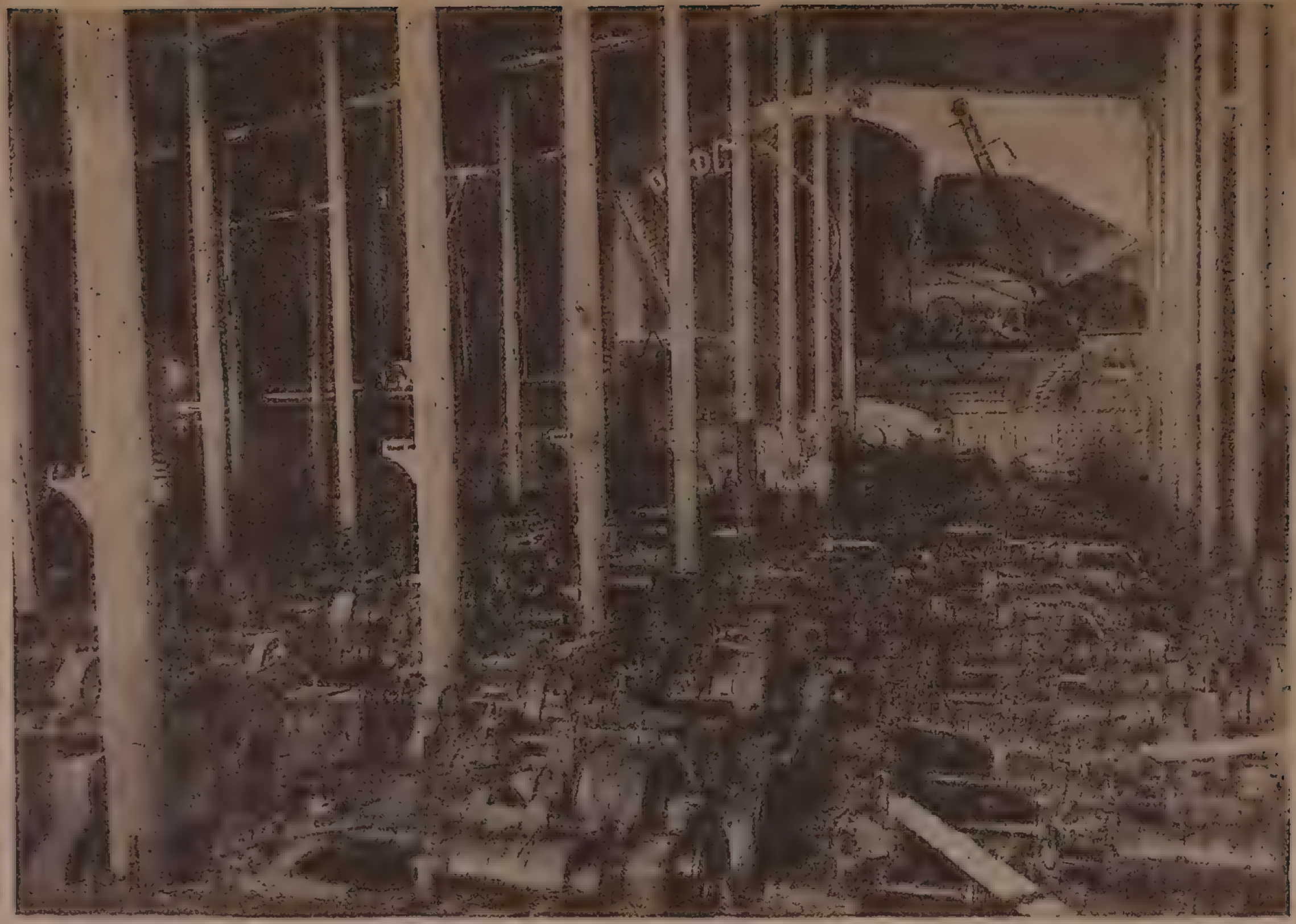
Народ все прибывал, и когда пустили в помещение и открыли митинг, то огромное помещение было совершенно полно.

Я не помню, кто говорил и что говорилось по открытии митинга до приезда „Ильича", и я думаю, вряд ли кто из присутствовавших в то время помнил что-либо, так как, мне кажется, все как то бессознательно слушали речи ораторов, а мысли были поглощены вопросом: приедет ли тов. Ленин.

И вдруг раздался взрыв аплодисментов, сначала у входа, а потом по всей аудитории. Раздались восклицания: „приехал"! „приехал"!. И наконец революционный замоскворецкий пролетариат увидел своего вождя на трибуне.

Аплодисменты долго еще не смолкали, энтузиазм был огромный и описать его я не имею слов.

Тов. Ленину сейчас же было дано слово, и достаточно было ему произнести слово „товарищи", как наступила тишина и внимание и слух были направлены на его речь.



Заводский корпус, где выступал Ильич в день покушения.

Нельзя представить себе, с какой жадностью все слушали его. Мне приходилось слышать тов. Ленина и раньше, и в этот день, как и всегда, он говорил простым, понятным для всех языком, открывая перед рабочей массой все махинации и козни Антанты против Советской России. Он не закрывал рабочим глаза на переживаемое тяжелое время и просил только немного выдержки и тогда же предсказывал скорую победу над разрухой и голодом. Трудящиеся понимали и верили ему.

Когда кончилась речь тов. Ленина, энтузиазм массы пришел в неописуемое состояние: стоял шум от аплодисментов и приветствий; неслось могучее пение Интернационала.

Когда тов. Ленин сошел с трибуны, сейчас же образовался живой корридор, по которому он проходил к выходу, а за ним шла вся аудитория с пением Интернационала. Идущие рядом с тов. Лениным разговаривали с ним, задавая какие-то вопросы, на которые он отвечал им. И в то время, когда тов. Ленин вышел из помещения на небольшой дворик перед выходом и подходил к автомобилю, в то время, когда из помещения неслось могучее „мы наш, мы новый мир построим“... раздался выстрел.

Все это произошло так неожиданно и быстро, что стрелявшего видели во время стрельбы очень немногие, в противном случае близ стоявшие от т. Ленина защитили бы его своей грудью.

Как мне пришлось слышать, выстрел был произведен в упор. Я в это время выходил из наружной двери. Когда раздался выстрел, находившееся передо мной большинство женщин бросилось обратно в помещение, увлекая напором меня с собой. Я успел увидеть только бежавших на улицу несколько человек, между которыми заметил тов. Н. Иванова; промелькнул и автомобиль, увозивший Ильича.

Первое время я не знал, кто стрелял и в кого стреляли и лишь после того, как снова пробрался на улицу, я узнал, что был ранен тов. Ленин. Увидев бежавших к Арсеньевскому переулку людей, я также побежал туда и там увидел тов. Иванова, который задержал стрелявшую женщину, оказавшуюся, как впоследствии выяснилось, эс-эркой Каплан. Товарищи Иванов, Уваров и другие, фа-

Рабочий завода им. Владимира Ильича тов. Иванов.

милий которых я не знаю, вели ее по Арсеньевскому переулку, по направлению к Малой Серпуховской улице. Их провожала большая толпа рабочих; по адресу стрелявшей неслись проклятия; у всех была жажда совершить над нею казнь сейчас же, но сознание, что она предстанет перед пролетарским судом и понесет должное наказание, спасло рабочих от совершения самосуда.

Я дошел с ними до Малой Серпуховской улицы. Когда возвращался домой мимо места, где совершилось преступление, там еще была большая толпа; все выражали негодование и в то время не было ни у кого сомнения, что стрелявшая принадлежала и действовала от какой-либо враждебной рабочему классу партии.

Теперь каждый трудящийся никогда не забудет места, где был ранен Ильич.

В память о совершенном преступлении на том месте разбит ныне сквер, который будет служить местом поклонения всех трудящихся.

Работник завода им. „Владимира Ильича“
А. Блинков.

КАК РАНИЛИ ИЛЬИЧА.

В гранатном корпусе был назначен митинг. Народ стал прибывать. В это время пришла Каплан. Внимание я на нее обратил потому, что когда она вошла, в корпусе было всего 300—400 человек, большую часть которых я знал. Она подошла к нашей группе (старые партийцы и свои беспартийные рабочие), облокотилась на стол и стала слушать, что мы говорим. Одну за другой курила папиросы, будто взволнована, но мы не придали тогда этому никакого значения. Из себя вид—потрепанные, грязные ботинки, черная юбка, с открытой головой, черная, лет 28—30, осеннее полупальто. Один из товарищей сделал предположение, что она из подпольных пропагандисток. После этого она потерялась из виду.

Открылся митинг. Не помню, кто выступал первый.[1])

[1]) Непосредственно перед тов. Лениным на митинге выступал Н. Осинский.

Когда он говорил, раздались возгласы всей массы: „приехал Ильич!“. Когда он появился на трибуне, ему сейчас же предоставили слово, потому что, когда Ильич приезжал, уже не хотели слушать никого другого. Вся речь Ильича сводилась к тому, что на нас наступает сейчас чехо-словацкая армия, и в последних словах Ильичем было сказано: „Мы все, как один, должны дать отпор чехо-словацкому фронту“...

Ильич говорил минут 50. Когда он кончил свою речь, рабочие все крикнули: „Мы пойдем на фронт все, как один!“. Посыпался гром аплодисментов. Не было даже ни одной записки подано Ильичу.

Когда Ильич кончил, он по обыкновению, схватил пальто и стал спускаться с трибуны, по дороге одевая свою кепку и пальто. В то время, когда он шел по корпусу к выходу,—а шел он, как обыкновенно, прямо сквозь толпу, и часть рабочих шла с ним и сзади, и с боков, и спереди,—подошел к нему один гимназист, лет 15—16, с какой-то запиской. Ильич несколько слов ему ответил и гимназист отошел и затерялся в толпе.

Когда Ильич стал подходить к выходу, впереди него шло несколько рабочих, а сзади громадная толпа. Когда он стал подниматься по лестнице,—у нас там есть лестница наружу, ступенек 20,—в это время сзади него шел матрос Черноморского флота. Он споткнулся и упал, чтобы масса не успела выйти сразу за Ильичем[1]). Сделался затор. Ильич вышел и с ним только человек 15—20 рабочих. Когда он вышел во двор завода, где стоял автомобиль,—от корпуса в 3 саженях,—то у самых дверей к нему обратились две женщины с просьбой дать им об‘яснения по поводу отобрания у них на железной дороге муки. Ильич им стал что-то об‘яснять на-ходу и они его сопровождали до самого автомобиля. Подойдя к автомобилю, Ильич повернулся к ним лицом и одну ногу уже поставил на сту-

---

[1]) Показания Семенова и др. на процессе эс-эров в 1922 г. установили, что матрос, о котором говорится в настоящих воспоминаниях, был дежурный боевик, эс-эр Новиков. Споткнулся он преднамеренно, задержав идущих следом за Лениным. Таким образом, между выходной дверью и автомобилем, к которому шел Ильич, образовалось пустое пространство, что дало возможность Каплан произвести выстрелы.

пеньку автомобиля. В это время, когда он говорил, Каплан, которая стояла у автомобиля (она оказалась впереди Ильича), в четырех шагах от него, произвела четыре выстрела. Произошла паника. Народ, который шел из корпуса, бросился весь назад. Произошла давка. В корпусе были слышны выстрелы. Я сразу выскочил из корпуса, пробрался сквозь толпу к выходу. У автомобиля двое или трое рабочих поднимали Ильича. Крови не было видно, но Ильич был уже без чувств, без движения. Положили в автомобиль и распорядились везти в Кремль. И здесь же увидели раненую женщуну, которая раньше подходила к Ильичу за раз'яснением насчет хлеба. Нельзя было узнать, кто стрелял в Ильича, потому что все разбежались. Но благодаря тому, что здесь были дети,—они за время революции уже привыкли к выстрелам и не боялись их,—удалось это выяснить. Они закричали: „Иванов, которая стреляла, она побежала на стрелку к трамваю!". Я бросился из ворот и увидел женщину, бегущую к Серпуховке. Я побежал ее догонять и за мной побежало еще много рабочих. Догнал, схватил и признал ту самую, которая подходила к нам до открытия митинга. Подбежали остальные рабочие и хотели сейчас же произвести самосуд,—прямо разорвать на куски. С большим усилием я и другие коммунисты не допустили самосуда. Организовали мы цепь тесным кольцом вокруг нее и повели в штаб большевиков.

Иванов, рабочий з-да Михельсон.

В ДЕНЬ ПОКУШЕНИЯ.

В пятницу к михельсоновщикам весь Замоскворецкий район стягивался—послушать Ильича, Троцкого.

В пятницу, 30 августа, громадный корпус был особенно переполнен. Собрались рабочие районы, служащие и обыватель, приютившийся в рабочих кварталах.

— Подозрителен показался мне матрос,—рассказывает михельсоновец.—Даже возмутился его поведением, когда он ворвался на трибуну и стал пить воду. Переглянулся с тов. Ивановым, ну, а тот ничего, я и оставил матроса.

Бросилась в глаза и Каплан. Курила часто, волновалась. Одета была по-простецки.

Зимний снимок сквера, разбитого на месте покушения у завода им. Владимира Ильича.

— И думали мы, что коммунистка из нашего района. Ораторов на трибуне было много, но все ждали Ильича, и дождались. Заиграл автомобильный рожок, и все в гранатном корпусе закричали:

— Ильич, Ильич, Ильич приехал!

С затаенным вниманием слушали любимого вождя, а когда Ильич спускался с трибуны, направляясь к выходу, рабочие пошли провожать его. Гимназист подошел к Ильичу с каким-то вопросом, у лестниц растянулся матрос и тем самым отделил провожающих рабочих от Ильича. А во дворе задержали две женщины, служащие больниц, обратившиеся к Владимиру Ильичу за раз'яснением:

— Почему у нас два пуда хлеба конфисковали?

А затем раздались четыре [1]) выстрела.

Рабочий завода тов. Иванов был первым, бросившимся на выстрелы.

Но убийцы уже не было во дворе завода. Ребятишки, игравшие на улице, помогли тов. Иванову и покинувшим митинг рабочим напасть на след убегавшей Каплан.

— Убить!

— Растерзать на куски!—кричали раз'яренные рабочие.

Но несколько слов тов. Иванова организовали возмущенную массу, и, окруженная цепью рабочих, убийца Каплан была доставлена в комиссариат.

— Вот видите,—показывали мне рабочие сад у завода,—здесь земля орошена кровью Ильича.

— Как он? Лучше?

— Нужен нам теперь старик, очень нужен! Выздороветь должен!

Ди—Кей.

ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ ВЫСТРЕЛ.

(Воспоминания рабочего).

Сегодня пять лет прошло с того рокового дня, когда на территории завода бывш. Михельсона раздались преда-

---

[1]) Осмотром браунинга, оставшегося на месте преступления, установлено, что в обойме были три пустые гильзы от выстреленных пуль, так что нужно считать, что было произведено не четыре, а три выстрела.

тельские выстрелы в нашего Ильича. Пройдут еще десятки лет моей жизни, но не изгладят из моей памяти этого дня.

В 1918 году тов. Ленин был частым гостем на нашем заводе. Каждую пятницу в гранатном корпусе (в котором в это время работа не производилась) шли митинги, на которых выступали т.т. Ленин, Троцкий и другие видные деятели пролетарской революции.

30 августа был очередной митинг, на который ждали Ильича. Рабочие, кончив работу в пять часов, спешили скорее на квартиру помыться и закусить, чтобы не опоздать на митинг. Приходили рабочие окрестных фабрик и заводов.

Как сейчас помню, собрание открыл председатель завкома тов. Иванов, и когда сказал: „слово предоставляется т. Ленину", раздались долго несмолкавшие аплодисменты. Когда они утихли, тов. Ленин начал говорить.

Он говорил нам „о свободе", которую готовили рабочему Керенский и Милюков, говорил о большевистской свободе, когда земля будет в руках мужика, заводы—в руках рабочих. Он звал рабочих на защиту свободы, которой грозит опасность от чехо-словаков. Свою получасовую речь он закончил призывом: „Все—на чехо-словаков!"

И опять неумолкаемые аплодисменты. Тов. Ленин уже шел к выходу, сопровождаемый толпой, когда я, в толпе сжатый со всех сторон, поднялся до середины лестницы. Вдруг раздались глухие выстрелы, которых в корпусе большинство не слыхало. Все продолжали напирать на выход. Потом—минутная паника, передние подались назад, я был крепко прижат к стене. Оказалось, во дворе, у корпуса, когда тов. Ленин подходил к автомобилю, его остановила женщина с вопросом—зачем отбирают муку на станциях? Тов. Ленин остановился и стал отвечать, а в это время раздались четыре револьверные выстрела. Стреляла в него женщина на расстоянии нескольких шагов. Вследствие минутного замешательства, она успела ускользнуть на стрелку к трамвайной остановке, где и была задержана тов. Ивановым при содействии некоторых рабочих. Стрелявшая женщина едва не была растерзана возмущенной толпой рабочих. До самой темноты в этот день на месте покушения толпился народ.

С тех пор прошло уже пять лет. На месте покушения разбит прекрасный сквер, в котором лежит камень с датой покушения, а завод бывш. Михельсона носит ныне имя великого нашего вождя Ильича.

Заканчиваю свое краткое воспоминание пожеланием, с которым, я знаю, согласны все рабочие: на месте камня воздвигнуть прекрасный памятник, чтобы знало рабочее потомство, что в борьбе за их лучшее здесь пролил кровь титан революции—Ильич.

Михельсоновец.

„Правда", 30 августа 1923 г.

РАНЕНАЯ ЖЕНШИНА [1]).

Раненая женщина оказалась кастеляншей Петропавловской больницы М. Г. Поповой. Она первая остановила тов. Ленина при выходе с митинга и тем самым косвенно способствовала созданию благоприятной обстановки для выполнения покушения.

По отзывам ее сослуживцев и врача, пользовавшего ее, выясняется, что М. Г. Попова всегда отличалась озорством и мещанским тщеславием, выражавшимся в том, что она всегда вмешивалась в совершенно посторонние для нее дела, всегда старалась забежать вперед перед власть имущими, а затем разводить сплетни по всей больнице. Ее иначе и не звали, как „ходячей газетой". В день рокового покушения на тов. Ленина, означенная Попова была приглашена своей родственницей посмотреть на „самого" Ленина. После митинга она подошла к выходившему т. Ленину и спросила, почему, несмотря на разрешение провоза муки, у ее знакомой отобрали 20 фунтов муки. Этим моментом воспользовалась гнусная наймитка, которая и начала стрелять в тов. Ленина. Сама Попова была ранена навылет; пуля, пройдя левую грудь, раздро-

[1]) Показания Семенова, Коноплевой и Усова на большом процессе эсеров в 1922 г. установили, что Попова, о которой в настоящей газетной заметке 1918 г. шла речь, не имела никакого отношения к организации покушения и, надо думать, совершенно случайно содействовала выполнению замысла Каплан, задержав Владимира Ильича у входа и, в результате, сама оказалась жертвой Каплан.

Временный памятник на месте покушения на Владимира Ильича.

била левую плечевую кость. Две дочери ее и муж были арестованы, но вскоре освобождены.

Раненая Попова находилась на излечении в одном из лазаретов на Покровке.

„Известия ВЦИК", 4 сентября 1918 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ШОФФЕРА ГИЛЯ.

„(Из книги Вл. Бонч-Бруевича: „Покушение на Вл. Ильича Ленина 30 августа 1918 г.")

...С Владимиром Ильичем всегда, еще с Петрограда, ездил очень опытный шоффер, Степан Казимирович Гиль, работавший в автобазе Совнаркома, и которого я ценил, как в высшей степени аккуратного, находчивого, исполнительного и быстро соображающего работника, знающего машину и всю работу шоффера безукоризненно. Я отметил его с несколькими другими шофферами, еще в разгар Октябрьской революции, и именно его назначил, как только потребовалось, к Владимиру Ильичу.

Тов. Гиль был почти единственным свидетелем, несмотря на огромную толпу народа, на глазах у которой стреляла во Владимира Ильича сумасбродная эсерка, видевшим всю картину покушения и все то, что было после него, почему его рассказ особенно ценен и важен.

В роковой день 30 августа Владимир Ильич выехал на митинги, в самую гущу рабочей массы.

— Сначала,—рассказывал мне тов. Гиль,—мы поехали на Хлебную биржу, где был митинг. Здесь народу было много. Митинг прошел благополучно [1]) и мы уехали на завод бывший Михельсона, на Серпуховскую улицу, где мы бывали и раньше раза два. В'ехали прямо во двор. Во дворе было много народу. Охраны ни с нами в автомобиле ни во дворе не было никакой и Владимира Ильича никто не встретил: ни завком, ни кто другой. Он вышел совершенно один из машины и быстро прошел в мастерские. Я развернул машину и поставил ее к выезду со двора, шагах в десяти от входа в мастерские.

---

[1]) Следствие выяснило, что и здесь за Владимиром Ильичем следили эсеры, но им что-то помешало выполнить задуманное покушение.

Спустя 10—15 минут ко мне подошла женщина с портфелем,—после, на следствии, выяснилось, что это и была убийца Каплан,—н спросила меня:

— Что, товарищ Ленин, кажется, приехал?

Я на это ответил:

— Не знаю, кто приехал...

Она засмеялась и сказала:

— Как же это—вы шоффер и не знаете, кого везете.

— А я почем знаю? Какой-то оратор, — мало ли их ездит, всех не узнаешь,—ответил я ей спокойно.

Она отошла от меня, и я видел, как она вошла в помещение завода.

Я подумал: „что это она ко мне привязалась? Какая настойчивая...“. Но, так как почти всегда интересующихся, кто приехал да кого привез было много, иногда даже обступали машину и рассматривали ее, то я на слова и этой женщины не обратил внимания. У нас только было одно строгое правило: никогда никому не говорить, кто приехал, откуда приехал и куда поедем дальше. Спустя, думаю, с час из завода вышла первая большая толпа народа—все больше рабочие—и заполнила почти весь двор. Я понял, что митинг кончился, и стал готовиться к от'езду и сейчас же завел машину. Через несколько минут из завода выкатилась другая большая толпа народа, среди которой шел Владимир Ильич. Я сидел на руле и машину поставил на скорость. Владимир Ильич разговаривал с рабочими, которые задавали ему много вопросов. Он очень медленно подвигался по направлению к машине. Не доходя до машины шага за три, Владимир Ильич остановился против дверцы и намеревался сесть. Дверцы были кем-то из толпы открыты. В это время он разговаривал с двумя женщинами и об'яснял им относительно провоза продуктов, и я слышал слова Владимира Ильича:

— Совершенно верно, есть много неправильных действий у заградительных отрядов, но это все безусловно устранится.

Разговор длился две—три минуты. По бокам Владимира Ильича стояли еще две женщины, немного выдвинувшись вперед перед ним. Он был тесно окружен толпой, и когда он хотел сделать последние шаги к мотору, вдруг

раздался выстрел. Я в это время смотрел на Владимира Ильича вполуоборот назад. Я моментально повернул голову по направлению выстрела и вижу женщину с левой стороны машины, у переднего крыла, целившую под левую лопатку Владимиру Ильичу. Раздались один за другим еще два выстрела. Я тотчас же застопорил машину и бросился к стрелявшей с наганом, целясь ей в голову. Она кинула браунинг ко мне под ноги, быстро повернулась и бросилась в толпу по направлению к выходу. Кругом так было много народа, что я не решился выстрелить ей вдогонку, так как чувствовал, что, наверное, убью кого-либо из рабочих. Я ринулся за ней и пробежал несколько шагов, но мне тут вдруг пришло в голову: „Ведь, Владимир Ильич один... Что с ним"?. Я остановился. С секунду была страшная мертвая тишина. Потом вдруг все закричали: „Убили, убили..."—и разом вся толпа шарахнулась бежать со двора,—и мужчины, и женщины,—и образовалась сильная давка. Я обернулся и увидел Владимира Ильича упавшим на землю. Я бросился к нему. За эти мгновения битком набитый двор уже опустел и стрелявшая женщина скрылась с толпой.

Я подбежал к Владимиру Ильичу и, став перед ним на колени, наклонился к нему. Сознания он не терял и спросил:

— Поймали его или нет?

Он, очевидно, думал, что в него стрелял мужчина.

Я слыша, что спросил тяжело, изменившимся голосом, с каким-то хрипом, сказал ему:

— Молчите, не говорите, вам тяжело...

В эту минуту поднимаю голову и вижу: из мастерских бежит в матросской фуражке какой-то странный мужчина, в страшно возбужденном состоянии, левой рукой размахивает, а правую держит в кармане и бежит стремглав на Владимира Ильича.

Мне вся его фигура показалась крайне подозрительной и я закрыл собой Владимира Ильича, особенно голову его, почти лег на него и закричал изо всех сил:

— Стой!—и направил на него револьвер.

Он продолжал бежать и все приближался к нам. Тогда я крикнул: . . . . . .

— Стой! Стреляю...

Он, не добежав несколько шагов до Владимира Ильича, круто повернул налево и бросился бежать в ворота, не вынимая руки из кармана. В это же время ко мне подбежала сзади какая-то женщина с криком:

— Что вы делаете? не стреляйте!—очевидно, предположив, что я хочу стрелять во Владимира Ильича. Я не успел еще ей ничего ответить, как в это время от мастерских раздался крик какого-то мужчины: „Это свой! свой!“, и я увидел троих бегущих из мастерских с револьвером в руках по направлению к Владимиру Ильичу. Я опять закричал:

— Стойте! Кто вы? Стрелять буду...

Они тотчас же ответили:

— Мы — заводской комитет, товарищ, свои...

Узнав одного из них, которого я видел раньше, когда мы приезжали на завод, я подпустил их к Владимиру Ильичу. Все это произошло очень быстро, в несколько минут.

Кто-то из них настаивал, чтобы я вез Владимира Ильича в ближайшую больницу.

Я решительно ответил:

— Ни в какую больницу не повезу. Везу домой.

Владимир Ильич, услышав наш разговор, сказал:

— Домой, домой.

И я вместе с товарищами из комитета,—а один из них оказался из военного комиссариата,—помогли Владимиру Ильичу подняться на ноги, и он сам, с нашей помощью, прошел несколько шагов до машины. Мы помогли ему подняться на подножку мотора и он сел на заднее сиденье в купе автомобиля, на обыкновенное свое место. Двое товарищей сели в машину, один со мной, другой внутри автомобиля. Я поехал очень быстро, изо всех сил, как позволяла только дорога, прямо в Кремль. Я несколько раз оглядывался на Владимира Ильича. Он с половины дороги откинулся всем туловищем на сиденье, полулежал, не стонал и не издавал ни одного звука. Лицо его было бледно. Товарищ, сидевший внутри, немного поддерживал его. В Троицких воротах я не остановился, а только крикнул часовым: „Ленин“,—и поехал прямо к квартире Вла-

димира Ильича, во двор. Здесь мы все трое помогли выйти Владимиру Ильичу из автомобиля. Он вышел тяжело, при нашей поддержке, видимо, страдая от боли, но не издал ни одного звука. Мы сказали ему:

— Мы вас внесем...

Он наотрез отказался.

Мы стали просить и умолять его, чтобы он разрешил нам внести его, но никакие уговоры не помогли, и он твердо сказал:

— Я пойду сам... — и, обращаясь ко мне, прибавил,— снимите пиджак, мне так легче будет итти.

Я осторожно снял с него пиджак, и он, опираясь на нас, пошел по крутой лестнице в третий этаж. Поднимался он совершенно молча. Придя к двери, мы позвонили и нам открыли. Я прямо повел его в спальню и положил на кровать. Хотел снять рубашку, но этого сделать было нельзя, и я разрезал ее.

В этот момент пришла Мария Ильинична. С криком: „что случилось?“ она бросилась сначала к нему, а потом ко мне:

— Звоните скорей! скорей!

Я тогда позвонил к Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу и все об'яснил. В это время вбежала Анна Петровна [1]) и сейчас же побежала в Совнарком, откуда с ней пришел тов. А. Н. Винокуров.

После того, как я позвонил к Владимиру Дмитриевичу, Мария Ильинична просила меня предупредить Надежду Константиновну и, как можно, осторожней. Надежда Константиновна была в комиссариате. Когда я спускался во двор, меня кто-то догнал из Совнаркома, чтобы вместе итти предупредить Надежду Константиновну. Мы стали ждать ее во дворе. Скоро она под'ехала. Когда я стал к ней подходить, она, видимо, догадавшись по моему взволнованному лицу, что что-то случилось, остановилась и сказала, смотря в упор в мои глаза:

— Ничего не говорите, только скажите, — жив или убит...

— Даю честное слово, — ответил я ей, — Владимир Ильич легко ранен.

[1]) Анна Петровна Кизас, работающая в Управделами Совнаркома почти с первого дня захвата власти большевиками в Ленинграде.

Она постояла с минуту и пошла наверх; мы молча пошли ее провожать. Вошли в квартиру. Я побыл здесь несколько минут и ушел домой...

Вл. Бонч-Бруевич.

У МИХЕЛЬСОНА.

На митинге у Михельсона мне пришлось выступать непосредственно перед тов. Лениным, и я уехал с завода за полчаса до предательских выстрелов, ранивших рабочего вождя.

Большой деревянный барак в заводском дворе. Он расположен ниже уровня земли. В это обширное здание со двора ведет несколько деревянных ступенек. Когда входишь внутрь, сразу попадаешь в обстановку настоящего рабочего митинга. Свет падает сверху и охватывает густую массу людей. Они сидят на скамейках или стоят на полу кругом деревянного помоста, на котором помещается президиум. Среди толпы много работниц в платочках. Впереди, около трибуны и у помоста, шныряют ребята. На этом митинге говорят простым языком, без завитушек, только „к делу", как того требует рабочая масса.

Всякого, кто говорит здесь, сразу охватывает и подчиняет себе пролетарская атмосфера. Рабочие ждут Ленина. Откуда-то им известно всем, что он будет сегодня. Кстати сказать, именно это отсутствие самых простых предосторожностей, самой первоначальной конспирации и облегчили работу наемников капитала. И на Хлебной бирже, и у Михельсона, где выступал тов. Ленин, публика ждала его. При всяком шуме у дверей она оглядывалась и искала его глазами.

Вот на деревянных ступеньках у входа показывается невысокая, крепкая фигура Ильича. Масса разражается бурными рукоплесканиями. Ленин торопливо проходит к трибуне, как всегда, улыбаясь добродушно-насмешливо и слегка кивая головой. Этой улыбкой вождь пролетариата отстраняет от себя овации. Он понимает, что эти приветствия необходимы и неизбежны, но он неспособен принимать их так, как принимают их политические актеры и фра-

зеры, вроде Керенского и Чернова. Лично ему они вовсе не нужны. В революции для него нет ничего личного: он весь слит с борющейся массой, он составляет живое сердце в ее груди. Это понимают и рабочие. Не было вождя, которого так любили бы и понимали, как Ленина, который был бы настолько близок массам. Он для них не герой, не кумир, не предмет поклонения—он для них их собственный коллективный разум, воплотившийся в одном человеке.

Когда они бурно радуются, видя и слыша Ленина, они радуются тому, что проясняется их общая затаенная мысль, крепнет их общая воля. Это они сами думают и говорят с Лениным — просто, ясно, глубоко, неумолимо последовательно и твердо.

Когда говорит Ленин, между ним и его слушателями сразу устанавливается живейшая связь, неразрывная связь. Это свой говорит, наилучший из своих. Никаким огнем и железом не порвать связи между рабочими и этим с виду обыкновенным человеком.

И вот, при выходе из барака, недалеко от автомобиля, в который пролетарский вождь садился один, ибо от рабочих он ничем не хочет себя охранять,—никакими штыками не отгораживает себя от массы,—к нему приближается жалкая истеричка, которая ничего общего не имеет с пролетариатом и революцией.

Это интеллигентка, которая револьвером хочет продолжить саботаж, начатый ее собратьями в канцеляриях, за пишущими машинками, среди „исходящих“ и „входящих“.

Это стреляла в рабочую революцию дряблая, бессильная и вдвойне подлая мелко-буржуазная контр-революция. Это стреляли люди бесконечно далекие от той плотной массы мужчин, женщин и подростков, которая жадно, с улыбкой, с светлой радостью проясненного сознания слушала Ленина там, в бараке.

И вы думаете, безумцы, что этим выстрелом вы сломите пролетариат, запугаете его, смутите, заставите свернуть с пути? Никогда! Этим выстрелом вы открыли огромную черную пропасть между вами и всей трудящейся массой, вы вырыли свою собственную могилу! Весь рабочий класс с затаенным дыханьем следит за здоровьем до-

Группа рабочих-очевидцев покушения на Владимира Ильича.

рогого ему человека, учителя, вождя. Весь пролетариат стоит у его постели.

А вас рабочий класс сотрет в порошок своей здоровой рукой, пока та, которую вы ранили, еще на перевязи.

Н. Осинский.

„Правда", 4 сентября 1918 г.

НАШ ИЛЬИЧ.

Мы недаром его смело и по-родному называем „нашим". Часто, в острые моменты колебаний, многие из нас обращаются за последним словом к Ильичу.

В те годы, когда каждый день по обилию и яркости событий был равен теперешним пятилетиям, можно было слышать в разговорах товарищей:

— А вы говорили с Ильичем?

— Нет.

— Напрасно, посоветуйтесь.

И товарищ, мучимый тем или иным вопросом или сомнением, отправлялся к Ильичу. Самое замечательное вот что: трудно назвать такого из членов партии, который по какому угодно вопросу убоялся бы пойти к Ильичу. Я знаю многих из очень больших (по работе) ныне товарищей, которые не боялись Ильичу высказывать самые серьезные свои сомнения.

Ильичу можно говорить все.

Он примет все сомнения, разложит их на свои ладони, взвесит, покажет сомневающемуся. Глаза у него сделаются веселыми и вдруг он весь станет, как будто, ближе. Будто стол, чернильница, лампа на столе, бумаги—все это пропало. Перед собеседником один только Ленин, его лоб—гора, под нею глаза—самоцветы. И начнет он, близкий, по-хорошему, так просто и коротко отвечать, при этом в ответе его всегда попадутся слова, которыми он наказывает за сомнение. Иногда даже не сразу взвесишь силу его острого укора. А потом уже, когда полетишь из Кремля, свободный от сомнений, уверенный, перебирая все слова разговора потихоньку, как струны,—тогда поймешь. И еще одно замечательно: всегда Ильич скажет что-ни-

будь такое, что непременно покажется необыкновенным, отчасти даже, на первый взгляд, вздорным.

Однажды, в 1918 г., мне довелось по одному серьезному делу, которое тогда предстояло нам выполнить, посоветоваться с Владимиром Ильичем не как с членом ЦИК, не как с главой русского правительства, даже не как с вождем социалистического движения, а просто как с товарищем.

Вопрос касался, между прочим, и нашей борьбы с другими „социалистическими" партиями—эе-эрами и меньшевиками. Теперь прилагательное: „социалистическое" в применении к этим партиям мы свободно берем в кавычки.

Тогда, в 1918 г., во многих из нас были еще остатки „иллюзий".

— А что вы думаете об эс-эрах?—спросил меня Владимир Ильич, внимательно выслушав мои соображения. Я ответил, как я думаю о них с точки зрения того дела, которое нам предстояло выполнить.

От нетерпенья и внутреннего несогласия с моим ответом Владимир Ильич два раза с затылка на лоб и обратно отер свою голову. Поправился на стуле и как-то остро посмотрел на меня, так что ничего, кроме его глаз, я не увидел.

— Да, ведь, эс-эры делаются заговорщиками против Советской власти,—дословно так возразил мне Ильич.

— Они,—добавил он в пояснение своей мысли,—просто стрелять будут в нас!—Это сказано было им с таким простым выражением лица и такая непреложность сказанного звучала в голосе, как бывает у деловитого крестьянина, который с твердым сознанием неизбежности говорит:

— Какое уже тут сено: при таком дожде оно все равно погниет!

Недели через три, расталкивая с большим трудом чужие спины в шинелях, пиджаках и кофтах, я пробивался к трибуне Баумановского района. На трибуне, т.-е. на сцене, сидел т. Ем. Ярославский в ожидании слова, а Владимир Ильич, то отступая, то наступая, аргументировал. При этом он, как всегда, был весел, прост и мятежен и, как всегда, какими-то невидимыми волнами связывался с публикой: казалось, она не слушает, а дышет его сло-

вами. него говорить странная: он говорит не только со всеми, но с каждым.

Этим он существенно отличается от многих из наших весьма заслуженных ораторов.

Окончив речь, В. И. Ленин, убегая от оглушительных рукоплесканий, надвинул на брови свою черную шляпу, сразу стал казаться ниже всех ростом,—во время речи он казался выше,—застегнул, торопясь, пальто. Но тут же почувствовал, что жарко, опять расстегнул и, аккуратно ступая по жиденьким деревянным ступенькам подмостков, спустился в толпу.

При самом выходе из здания, там, где стоит стол пропусков, усеянный надорванными билетами на митинг и покинутый всеми еще при самом начале речи Владимира Ильича, произошло очередное (наше русское!) замешательство. Какой-то весьма негодующий товарищ заявлял, что в Лефортове, в Веденском Народном Доме, где самый чистый пролетариат, там нет до сих пор ни одного оратора, а в Баумановском почему-то сошлись и Ярославский, и Ленин и др. Владимир Ильич сослался на то, что он сговорился ехать в Замоскворечье. Я указал на то, что командирован в Баумановский район. Тем временем Ем. Ярославский уже говорил. Негодующий товарищ весьма сумрачно настаивал, чтобы кто-нибудь немедленно отправился в Введенский Народный Дом. Поехал я. А Владимир Ильич в Замоскворечье.

Из Лефортова часов в 10 вечера я вернулся домой, а через полчаса т. Тихомиров сообщил мне о том, что случилось на заводе бывш. Михельсон.

Огнями задрожали в моем воспоминании ильичевские слова:

„Они просто стрелять будут в нас".

И тут я испытал нечто такое, чего ни раньше, ни после не испытывал: словно на мгновенье приоткрылся для меня уголок сокровенных тайн, чего-то вещего, не здешнего, не мирского. И не мирское, это не здешнее, все-таки такое простое! В самом деле, почему Ильич так предсказал? Не потому ли, что в этой области он ориентировался так же, как заботливый хозяин, который вели-

колепно знает, что произойдет с сеном, с хлебом, с ним самим при таких-то и таких-то обстоятельствах?

.Соединение великого и простого — поражает в нем. Недаром умерший недавно художник Денисов рассказывал мне, что никак не может нарисовать портрет Владимира Ильича. Водил я этого художника на с'езды, на митинги.

— Нет, не могу,—говорит.

— Отчего же?

Художник разводил руками.

Но вот, наконец, выслушав речь В. И. Ленина на с'езде Советов, где В. И. защищал ратификацию мирного договора с немцами, растроганный художник подошел ко мне:

— Вот он, оказывается, какой.

— Какой?

— Он.., но вот что.., когда он говорил, он все время казался мне то ученейшим немецким профессором в черном сюртуке, то распорядительным мужичком. От этого и рисовать его не могу, что двоится... Мужичек и профессор.

Теория и практика—и две сии едино суть в одном. До него в истории людей этого, кажется, не было.

Аросев.

„Прожектор", № 14, август 1923 г.

РЕЧЬ ЛЕНИНА НА МИТИНГЕ 30 АВГУСТА 1918 г. НА ЗАВОДЕ МИХЕЛЬСОН.

Встреченный бурей аплодисментов и шумной овацией, с краткой речью выступил прибывший из Баумановского района тов Ленин.

— Нас, большевиков,—сказал тов Ленин,—постоянно обвиняют в отступлении от девизов равенства и братства. Об'яснимся по этому поводу на-чистоту. Какая власть сменила царскую?—Гучково-милюковская, которая начала избирать в России учредительное собрание. Что же действительно скрывалось за этой работой в пользу освобожденного от тысячелетнего ярма народа? А то, что за Гучковым и прочими радетелями собралась стая капиталистов,

преследовавших свои империалистские задачи. А когда воцарился конклав Керенского, Чернова и пр., то это правительство, шатавшееся и лишенное почвы, только и пеклось о кровных интересах близкой им буржуазии. Власть фактически перешла к кулакам, трудящимся массам она ничего не давала. То же видим и в других странах.

Возьмем Америку—самую свободную и цивилизованную. Там демократическая республика. И что же? Нагло господствует кучка не миллионеров, а миллиардеров, а весь народ—в рабстве и неволе. Если фабрики, заводы, банки и все богатства страны принадлежат капиталистам, а демократическая республика рядом видит крепостное рабство миллионов трудящихся и беспросветную нищету, то, спрашивается,—где тут ваше хваленое равенство и братство?

Нет! Где господствуют демократы—там неприкрашенный, подлинный грабеж. Мы знаем истинную природу так называемых демократий.

Тайные договоры Французской республики, Англии и прочей „демократии“ нам воочию показали сущность и подоплеку всего дела. Цели и интересы такие же преступно-грабительские, как и у Германии. Война нам открыла глаза и мы ясно видим, как из защитников отечества вылезает наглый хищник и грабитель. Этому натиску хищника должно быть противопоставлено революционное действие, революционное творчество. Правда, очень трудно в такое исключительное время провести об'единение, в особенности крестьянских революционных элементов, но мы верим и в творческую силу и социальный пыл авангарда революции—фабрично-заводского пролетариата. Рабочие же прекрасно сознали, что покуда будут жить в умах феерии о демократической республике и учредительном собрании, до тех пор по-прежнему будет тратиться 50 миллионов рублей ежедневно на пагубные для них военные цели, до тех пор они никогда не увидят выхода из капиталистического гнета. Поняв это, рабочие создали свои Советы. Точно так же реальная подлинная жизнь научила рабочих понимать, что пока помещики великолепно устроены в дворцах и волшебных замках, до тех пор свобода собраний является фикцией и означает свободу собираться на том свете разве.

Согласитесь, что обещать свободу рабочим и одновременно оставлять дворцы, землю, фабрики и все богатства в руках капиталистов и помещиков,—не пахнет что-то свободой и равенством.

У нас же один только лозунг, один девиз: всякий, кто трудится, имеет право пользоваться благами жизни. Тунеядцы, паразиты, высасывающие кровь из трудящегося народа, должны быть лишены этих благ. И мы провозглашаем: все рабочим, все трудящимся!

Мы знаем, как все это трудно провести, знаем бешеное сопротивление со стороны буржуазии, но верим в конечную победу пролетариата, ибо, раз он мог выйти из чудовищных бедствий военной, империалистической грозы и водрузить на развалинах разрушенного им здания,—здание социалистической революции,—он не может не победить.

И, действительно, всюду идет сплочение сил. Благодаря отмене нами частной собственности на землю, происходит теперь живое об'единение пролетариата деревни и города. Прояснение классового сознания рабочих все рельефнее вырисовывается также и на Западе: рабочие Англии, Франции, Италии и других стран все больше обращаются с воззваниями и требованиями, свидетельствующими о близком торжестве дела всемирной революции. И наша задача дня: презрев все лицемерные, наглые выкрики и причитанья разбойничьей буржуазии, творить свою революционную работу. Мы должны все бросить на чехо-словацкий фронт, чтобы раздавить всю эту банду, прикрывающуюся лозунгами свободы и равенства и расстреливающую сотнями и тысячами рабочих и крестьян. У нас один выход:

Победа или смерть!

„Известия ВЦИК", 1 сентября 1918 г.

БОЛЕЗНЬ

БЮЛЛЕТЕНИ О ХОДЕ БОЛЕЗНИ.

Первые дни.

Официальный бюллетень № 1.

30 августа 1918 г., 11 часов вечера.

Констатировано два слепых огнестрельных поражения; одна пуля, войдя над левой лопаткой, проникла в грудную полость, повредила верхнюю долю легкого, вызвав кровоизлияние в плевру, и застряла в правой стороне шеи, выше правой ключицы.

Другая пуля проникла в левое плечо, раздробила кость и застряла под кожей левой плечевой области. Имеются налицо признаки внутреннего кровоизлияния. Пульс 104. Больной в полном сознании. К лечению привлечены лучшие специалисты-хирурги.

„Правда“, 31 августа 1918 г.

Официальный бюллетень № 2.

31 августа, 9 часов утра.

Температура 36,3. Дыхание 26. Пульс 110—120. Ночь спал с перерывами. Самочувствие лучше. Кровоизлияние в плевру не наростает. Обшее положение серьезное.

Официальный бюллетень № 3.

31 августа 12 часов дня.

Пульс 112, значительно лучшего наполнения. Температура 37,2. Больной чувствует себя бодрее. Кровоизлияние в плевру не нарастает.

Официальный бюллетень № 4.

31 августа в 7 часов вечера.

Пульс 102. Наполнение лучшее: температура 36,9; дыхание 22; общее состояние и самочувствие хорошее. Непосредственная опасность миновала. Осложнений пока нет.

Официальный бюллетень № 5.

31 августа, 12 часов ночи.

Спит спокойно, с короткими перерывами. Пульс 104, дыхание 22, температура 36,7. Рвота не возобновлялась.

Официальный бюллетень № 6.

1 сентября 1918 г. в 8 часов 30 мин. утра.

Пульс 110. Температура 37,3. Дыхание 22. Общее состояние удовлетворительное. Осложнений пока нет.

Официальный бюллетень № 7.

1 сентября 1918 г., 7 часов вечера.

Пульс 125, полный, дыхание 34, температура 38. Больной более вял в зависимости от повышения температуры. Входные раны без признаков воспаления. Повышение температуры находится в зависимости от всасывания крови, налившейся в полость плевры и область перелома плечевой кости.

Общее состояние больного позволяет приступить сегодня вечером к исследованию рентгеновскими лучами доктором Будиновым.

Официальный бюллетень № 8.

1 сентября 1918 г., 12 часов ночи.

Температура 38,2 пульс 115, хорошего наполнения, дыхание 34; с 10 часов спит спокойно.

Официальный бюллетень № 9.

2 сентября 1918 г., 9 часов 30 мин. утра.

Пульс 120, полный, температура 37,8, дыхание 24. Ночь спал сравнительно спокойно. Кашля не было. Чув-

ствует себя бодрее. Общее состояние менее вялое. На левой половине грудной клетки, сзади, выстукивается притупление. Дыхание не выслушивается, кровоизлияние в плевру.

В поврежденной верхней доле левого легкого спереди выслушиваются влажные хрипы средней звонкости и среднего калибра в небольшом количестве.

Границы сердца нормальны. Сердце не смещено. Тоны выслушиваются только у основания, но по-прежиему несколько глуховаты.

Над правой ключицей кровоизлияние почти рассосалось. Глотание совершенно свободно и безболезненно. Рука не беспокоит.

Данные ренгентовского исследования, произведенного д-ром Будиновым.

Вклиненный оскольчатый перелом левой плечевой кости, на границе средней и верхней трети. Надлом внутренней части левой лопаточной кости. Одна пуля находится в мягких частях левого надплечья, а другая—в мягких частях в правой половины шеи. Кровоизлияние полости левой плевры.

Официальный бюллетень № 10.

2 сентября 1918 года в 8 час. вечера.

Пульс 120; температура 37,5, дыхание 26, самочувствие хорошее и общее состояние удовлетворительное. Со стороны левого легкого новых изменений не отмечено. Днем спал. Появился аппетит. В вечерней консультации участвовал доктор Мамонов.

Официальный бюллетень № 11.

2 сентября 1918 г., 12 час. ночи.

Самочувствие удовлетворительное. Пульс 110. Дыхание 24.

Управделами Совнаркома Вл. Бонч-Бруевич.

„Правда“ 3 сентября 1918 г.

Официальный бюллетень № 12.

3 сентября 1918 г. в 9 час. утра.

Пульс 87, температура 37,3. Дыхание 20. Общее состояние хорошее. Ночью спал удовлетворительно. Осложнений пока нет.

Официальный бюллетень № 13.

3 сентября в 7 час. 30 мин. вечера.

Температура 37,4. Пульс 92. Дыхание 22. Положение улучшается. Осложнений нет. На лицо признаки начинающегося уменьшения кровоизлияния в левую плевру. Самочувствие хорошее.

Разговор по прямому проводу тов. Зиновьева с личным секретарем тов. Ленина.

3 сентября, 9 час. вечера.

Врачи убеждены в благополучном исходе.

Сегодня они впервые вычеркнули слово „пока“ и говорят смело: „осложнений нет“.

Владимир Ильич уже заговаривает о том, когда ему, наконец, вновь удастся выступить на рабочих митингах. Тов. Зиновьев просил передать тов. Ленину, что по его выздоровлении, Ленинградский совет будет просить его первое публичное выступление сделать в Ленинграде перед ленинградскими пролетариями, которые с замиранием сердца ждут выздоровления своего учителя и вождя.

„Известия ВЦИК“ 6 сентября 1918 г.

Официальный бюллетень № 14.

3 сентября 12 час. ночи.

Температура 37,6. Пульс 98. Дыхание 34. Самочувствие хорошее. Сон спокойный. Боли не безпокоят.

Официальный бюллетень № 15.

4 сентября 8 час. 30 мин. утра.

Температура 37,3. Пульс 82. Дыхание 20. Самочувствие хорошее. Дышит свободно. Рука не беспокоит. Ночь провел спокойно.

Официальный бюллетень № 16.

4 сентября в 8 час. веч.

Температура 36,7. Пульс 84. Дыхание 18. Кровоизлияние в плевру рассасывается. Осложнений нет. Самочувствие хорошее.

Официальный бюллетень № 17.

4 сентября, 12 час. ночи.

Температура 37,1. Пульс 98. Дыхание 26. Самочувствие хорошее.

Официальный бюллетень № 18.

5 сентября, 9 час. утра.

Температура 37. Пульс 96. Дыхание 20. Спал с перерывами без снотворных. Состояние без перемен.

Официальный бюллетень № 19.

5 сентября, 8 час. вечера.

Температура 37,6. Пульс 92. Дыхание 28. Осложнений нет. Самочувствие удовлетворительное.

Официальный бюллетень № 20.

5 сентября, 12 час. ночи.

Температура 37,6. Пульс 90. Дыхание 30. Самочувствие удовлетворительное.

Официальный бюллетень № 21.

6 сентября, 9 час. утра.

Температура 36,5. Пульс 88. Дыхание 22. Ночь спал без перерыва. Самочувствие хорошее. Осложнений нет.

Официальный бюллетень № 22.

6 сентября, 8 час. вечера.

Температура 37. Пульс 82. Дыхание 22. Общее состояние без изменений. Самочувствие хорошее.

Официальный бюллетень № 34.

10 сентября 1918 г., 8 час. вечера.

Температура 36,8. Пульс 90. Дыхание 22. Состояние значительно лучше. Больному разрешено садиться.

С завтрашнего дня бюллетени будут выходить 1 раз в день.

ПОСЛЕ ПОКУШЕНИЯ.

Близкие к тов. Ленину лица отмечают удивительное самообладание и силу воли, проявленные им в эти дни.

Когда автомобиль с раненым тов. Лениным прибыл в Кремль, тов. Ленин, все время не терявший сознания, не пожелал дождаться, когда будут носилки, чтобы перенести его в помещение, и сам поднялся по лестнице наверх.

Вчера утром, проснувшись, тов. Ленин первым долгом потребовал газеты. Врачи категорически запретили ему читать. Тогда тов. Ленин просил, чтобы ему вкратце докладывали обо всех новостях и о всех важных делах.

Все время он находится в бодром состоянии духа, шутит и на требования врачей совершенно забыть о делах отвечает, что теперь не такое время.

Когда тов. Ленину доложили о получаемых со всех концов России телеграммах от рабочих, красноармейских и революционных крестьянских организаций с выражением горячего сочувствия, он заметил, что сочувствие рабочего класса на него действует благотворнее, чем все лекарства и консилиумы врачей.

Врачи констатируют, что положение раненого улучшается, и опасность, угрожавшая его жизни, уменьшается с каждым часом.

Лечат тов. Ленина врачи: проф. Минц, В. Розанов, Вейсброд, Н. Семашко, М. Баранов, В. М. Бонч-Бруевич, А. Винокуров, В. Обух.

„Известия ВЦИК", 1 сентября 1918 г.

У РАНЕНОГО ИЛЬИЧА.

(Из воспоминаний врачей коммунистов т. т. Обуха и Вейсброда).

Беседа с д-ром Обухом.

— Я приехал домой из Моссовета и не успел еще раздеться, — рассказывает тов. Обух, — как следом за мною явились т.т. Афонин, Бричкина и еще кто-то и сообщили, что с Ильичем несчастье и требуется моя помощь. Товарищи были в подавленном состоянии и не сказали мне прямо, что произошло с Владимиром Ильичем. Инстинктивно почувствовав, что произошло нечто серьезное, я захватил с собою хирургические инструменты, и мы поехали вместе с тов. Вейсбродом на квартиру Владимира Ильича, где уже застали тов. Винокурова. Он раздевал раненого и вспрыскивал ему морфий.

Вслед за нами прибыл проф. Минц и тов. Серебряков.

Владимир Ильич лежал на кровати. По пульсу, который почти совсем отсутствовал, и местоположению ранений, положение на первый взгляд казалось безнадежным. Лишь спустя несколько минут удалось установить, что только случайный поворот головы в момент ранения спас Владимира Ильича от разрушения жизненно-важных органов, т.-е. от неминуемой смерти.

Тов. Вейсброд вместе с проф. Минцом приступили к осмотру ранений, которые оказались на шее, груди и руке. Необычайно слабая деятельность сердца, холодный пот, состояние кожи и плохое общее состояние как-то не вязались с кровоизлиянием, которое было не так сильно. Тогда же было высказано предположение, не вошел ли в организм вместе с пулями какой-то яд [1]).

Осмотром был установлен несомненный перелом левой плечевой кости, ранение левой грудной клетки и левого легкого. Как результат последнего — большое скопление

---

[1]) Следствие по процессу эс-эров в 1922 г. подтвердило, что все пули в револьвере Каплан были надпилены, вследствие чего их действие приобрело характер разрывных (деформация), и отравлены чрезвычайно сильно действующим ядом курарэ, доставленным членом Центрального Комитета партии соц. революционеров Рихтером. То обстоятельство, что Владимир Ильич избежал смертельного действия яда, по мнению экспертов, об'ясняется нагреванием пуль и порчей яда вследствие этого в момент выстрела или разложением яда вследствие его долгого хранения.

крови в полости левой плевры. Из числа трех пуль, выпущенных во Владимира Ильича, две остались в теле: одна в правой надключной ямке, другая под кожей спины.

—Обе пули,—сказал т. Вейсброд,—проделали довольно извилистый путь вокруг сердца, крупных сосудов и шейных нервов. Третья пуля, к счастью, пробила лишь пиджак Владимира Ильича, не задев его самого. За это говорит то обстоятельство, что следы от пули на пиджаке не совпадали с ранениями на теле.

— Первая ночь, проведенная раненым Влад. Ильичем в постели, была борьбой между жизнью и смертью. Сердечная деятельность была необычайно слаба. Больного донимали приступы одышки. Врачи-коммунисты несколько раз совещались с проф. Минцем. Лишь в 3 часа утра тов. Обух и проф. Минц оставили квартиру больного. При нем остался тов. Вейсброд.

— Владимир Ильич сам ясно сознавал свое тяжелое положение когда он, попросив остальных врачей выйти, задал мне вопрос:

— Вы коммунист?

Получив утвердительный ответ, он продолжал:

— Скажите мне откровенно, скоро ли конец? Если да, то мне нужно кое-с-кем поговорить.

Я успокоил Владимира Ильича, но он все же взял с меня слово, что если дело дойдет до развязки, то я должен его предупредить.

Тов. Обух отмечает громадную силу воли у Владимира Ильича в эти роковые минуты и в последующее время и самообладание его родных. Когда больному накладывали повязку на раненую руку—он не издал ни одного стона. Это всех тогда поразило.

В первую ночь был грозный момент, когда скопление крови в области плевры было слишком велико. Кровь вышла из грудной клетки во время кашля.

Утром следующего дня в пульсе и общем состоянии были замечены улучшения, но появившаяся в мокроте кровь и легкая рвота вызвали опасения, не получил ли ранения пищевод. Это означало бы неизбежный трагический исход. Был немедленно составлен консилиум, в котором, кроме т.т. Обуха и Вейсброда, приняли участие врачи-специали-

сты, В. Н. Розанов и проф. Мамонов. Консилиум не подтвердил опасений. Казавшийся опасным симптом, оказался, выражаясь медицинским термином, „фокусом“ в правом легком, который проф. Мамонов об'яснил затеканием крови в здоровое легкое из пораненного при отхаркивании.

Каждый следующий день приносил улучшение в состояние здоровья больного. В течение первых десяти дней болезни при Владимире Ильиче находились бессменно товарищи Обух и Вейсброд. Больному был предписан абсолютный покой, но предписать его было много легче, чем осуществить. Уже на пятый день болезни, вопреки строжайшему запрещению врачей, Владимир Ильич встал с постели и без посторонней помощи вышел. Товарищи-врачи пришли в ужас и дали порядочный нагоняй дежурному фельдшеру. Последний оправдывался тем, что не решился приказывать не трогаться с постели вождю мирового пролетариата.

Выздоровление шло изумительно быстро, что можно об'яснить лишь исключительно крепким организмом Владимира Ильича.

— Не надо забывать,—говорит т. Обух,—что Владимир Ильич в молодости болел малярией, тифом, воспалением легких, и вот, несмотря на это, он скорее, чем мы ожидали, стал на ноги, к радости русского и международного пролетариата.

Беседа с тов. Винокуровым.

— Мне пришлось одному из первых оказать медицинскую помощь т. Ленину. Это было около 9 часов вечера, когда я с другими товарищами поджидал открытия заседания Совнаркома.

С криками: „Доктора, доктора!“—вбежала к нам одна из товарищей-служащих.

Я нашел тов. Ленина на кровати с окровавленной рукой. Он имел силы сам подняться на третий этаж и шутить: „Подкузьмили мне руку“. Нельзя было думать, что наш славный вождь находится в смертельной опасности.

Сейчас же мною была оказана первая медицинская помощь, вызваны были наши врачи-коммунисты: тов. Се-

машко, Обух, В. М. Бонч-Бруевич, Вейсброд и хирурги-специалисты: Розанов и Минц.

Ранение оказалось несравненно тяжелее, чем это казалось на первый взгляд. Одна пуля, произведя перелом плечевой кости, застряла вверху у лопатки. Эта рана жизни не угрожала.

Но другая пуля прошла через шею, задев верхушку левого легкого и вызвав внутреннее кровотечение в полость плевры. Только каким-то чудом пуля не задела важных для жизни органов, проходящих в этом месте в области шеи—крупных кровеносных сосудов и нервов, поранение одного из коих влечет неминуемую смерть. Ночь прошла в тревоге в виду нарастающего кровоизлияния и упадка сил Но могучее сердце могучего борца за пролетариат и беднейшее крестьянство устояло в борьбе со смертельной опасностью, и уже к утру можно было сказать, что непосредственная опасность миновала, а вечером второго дня тов. Ленин уже шутил с лечащими его врачами.

Пролетариат и беднейшее крестьянство могут быть уверены, что лечение и уход за их дорогим вождем находится в руках надежных товарищей—врачей-коммунистов и лучших специалистов.

„Известия ВЦИК“, 3 сентября 1918 г.

О РАНАХ ТОВ. ЛЕНИНА.

(Беседа с тов. Семашко).

Врач, пользующий тов. Ленина, сообщает следующие подробности о течении его болезни.

— Теперь, по истечении недели после покушения на тов. Ленина, можно уже не только восстановить историю болезни его, но и сделать более определенные предположения насчет будущего.

Уже сообщалось в газетах, что тов. Ленин был ранен двумя пулями. Одна из них, переломившая левую плечевую кость, если бы не изменила своего направления, была бы, безусловно, опасною или же смертельною, ибо она прошла бы в левую часть грудной полости, следовательно, поразила бы левое легкое, если не сердце.

К счастью, ударившись о кость, она рикошетом изменила свое направление и остановилась под кожей предплечья. В результате эта пуля только причинила перелом, поражение, конечно, излечимое.

Другая пуля (которая по времени была нанесена, повидимому, первой) пробила верхушку левого легкого, прошла через шею и остановилась с правой стороны шеи. Имея в виду, что через шею проходят крупнейшие сосуды, нервы, важнейшие органы (позвоночник со спинным мозгом, пищевод, дыхательное горло), нужно признать, что эта пуля могла быть безусловно смертельной и даже вызвать смерть на месте. Отклонись она на несколько сантиметров в своем пути, повреди она перечисленные органы или сосуды—последствия были бы самые серьезные, если не безнадежные. К счастью, пуля миновала благополучно по этим чрезвычайно опасным и чрезвычайно деликатным местам.

Как показывает осмотр одежды тов. Ленина, в него была выпущена и третья пуля. Она пробила пальто его в двух местах на спине, задев вскользь, вырвала кусок из пиджака его, но, по счастью, совершенно не коснулась тов. Ленина.

Тотчас же после покушения мы констатировали у Владимира Ильича чрезвычайную мертвенную бледность, почти полное отсутствие пульса, совершенное похолодание конечностей, холодный пот на лбу. Суб'ективно он страшно страдал от сильных болей в левой стороне груди вследствие изливавшейся туда крови и от затруднения дыхания, но все время был в сознании. Вследствии анэмии мозга, его мучила частая рвота. Непосредственными опасностями после поранения были: 1) продолжавшееся кровоизлияние; 2) слабая деятельность сердца. На устранение этих опасностей и была направлена забота врачей.

Как видно из наших бюллетеней, эта непосредственная опасность миновала лишь через несколько дней. Кровоизлияние остановилось. Пульс стал лучше.

Дальше нужно было считаться с дальнейшими опасностями. К таковым относились, во-первых, опасность поранения пищевода: направление пули, а также кровь в рвотных массах (правда, небольшое количество, не боль-

ше чайной ложки каждый раз) внушали подозрение о поранении пищевода. Это было бы чрезвычайно неприятным осложнением и грозило бы серьезными последствиями, не только как результат поранения такого важного органа, но и как угроза инфекцией (заражением), ибо в пищеводе всегда находится масса инфецирующих веществ.

К счастью, пищевод пробит не был, если и было поранение его, то только в форме контузии.

Второю последовательной „непосредственной" опасностью было накопление крови в грудной области (в плевре) и поранение легкого. Последнее обстоятельство могло повлечь воспаление легких, тем более, что в первые дни в легких кое-где слышались хрипы. До сих пор посчастливилось устранить и эту опасность: хрипы исчезли, температура нормальна.

Присутствие крови в плевре является теперь главным обстоятельством, требующим особого внимания, ибо содержит в себе постоянную опасность инфецирования (заражения). Правда, всасывание сейчас идет очень успешно: бывают дни, когда уровень жидкости (притупления) понижается до двух пальцев. Поэтому пока не возникает надобности в искусственном отсасывании крови. Но тем не менее, пока есть кровь в плевре, опасность суппурации ее (заражения) существует. Многие товарищи задают вопрос, почему не спешат с извлечением пуль?

Прежде всего, пули ведут себя вполне пристойно: они не беспокоят больного, отечность около них значительно уменьшилась, так что ни суб'ективных, ни об'ективных неприятностей они не доставляют. А извлечение их в настоящий момент сопряжено с некоторыми неприятностями: беспокойство больного (которого мы должны сейчас оберегать от всяких волнений), неизбежность кровотечения, хотя бы и небольшого, а главное, возможность инфецирования открытой раны и, следовательно, инфецирования крови в плевре.

Как видно из изложенного, сейчас все основания быть уверенными, что тов. Ленин не только оправится, но и оправится скорее, чем можно было предполагать по характеру ранения.

Большую помощь в его выздоровлении оказывает его

мощный организм и твердость духа, что, как всем известно, является основой благоприятного исхода.

Из газет 1918 г.

ИЛЬИЧ ПОЧТИ ЗДОРОВ.

(Беседа с д-ром Обухом).

Я только-что беседовал с тов. Обухом. Тов. Обух, со своей обычной экспансивностью, говорит: „Ильич почти здоров: температура, пульс, сон—все физиологические отправления совершенно нормальны". Я спросил: „Значит через неделю, полторы он встанет?".—„Если не раньше,—сказал тов. Обух: — Ильич и сейчас готов встать, все рвется к работе: дай ему газеты, подай ему тов. Мещерякова (что вернулся недавно из Англии), расскажи ему что делается в ЦИК и в Совнаркоме, одним словом, проявляет живейший интерес к положению дел". — А пули? а операция? — „Ну, что ж, их хоть и сейчас можно вынуть,—они лежат почти на самой поверхности. Во всяком случае, извлечение их никакой опасности не представляет, и Ильич будет через несколько дней совершенно здоров".

Несмотря на всю оптимистичность тов. Обуха, надо думать, что он на этот раз близок к истине.

Е. Я.

„Правда", 5 сентября 1918 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ 18 СЕНТЯБРЯ 1918 г., 8 ЧАСОВ ВЕЧЕРА.

Температура нормальная. Пульс хороший. От кровоизлияния в левую плевру остались небольшие следы. Со стороны перелома осложнений нет. Повязка переносится хорошо.

Положение пуль под кожей и полное отсутствие воспалительных реакций позволяют отложить удаление их до снятия повязки.

Владимиру Ильичу разрешено заниматься делами.

Врачи: профессор Минц, Мамонов, Розанов, Б. Вейсброд, М. Баранов.

На основании этого бюллетеня и моего хорошего самочувствия, покорнейшая просьба не беспокоить врачей звонками и вопросами.

18 сентября 1918 г. **В. Ульянов (Ленин).**

ИЗ КНИГИ БОНЧ-БРУЕВИЧА О ПОКУШЕНИИ.

Владимир Ильич лежал на правом боку на второй постели, которая стояла в соседней комнате, ближе к окну, и тихо-тихо стонал... Лицо его было бледно... Разорванная рубашка обнажала грудь и левую руку, на которой виднелись две ранки на плечевой кости. Сам он был полуодет, без пиджака, в ботинках... По ту сторону Владимира Ильича, спиной к окну, стоял тов. А. Н. Винокуров, который раньше других пришел на заседание Совнаркома, и, когда узнали о несчастии с Владимиром Ильичем, он тотчас же явился в его квартиру, расположенную близко от Совнаркома. Я предложил немедленно смазать отверстие раны иодом, дабы предохранить от внешнего заражения, что тов. Винокуров сейчас же и сделал. Я стоял со стороны лица Владимира Ильича. Он открыл глаза, скорбно посмотрел на меня, и сказал:

— Больно, сердце больно... очень сердце больно.

— Сердце ваше не затронуто... я вижу раны... они в руке, и только... это отражательная нервная боль...—сказал я ему, усиливаясь быть спокойным...

— Раны видны? В руке?

— Да...

— А сердце?.. Далеко от сердца... Сердце не может быть затронуто...

И он затих, закрыл глаза. Через минуту застонал тихонько, сдержанно, точно боясь кого-то обеспокоить.

— И зачем мучают, убивали бы сразу... — сказал он тихо и смолк, словно заснул. Лицо стало еще бледней и на лбу появился желтоватый восковой оттенок.

„Как бы не умер...“—пронеслось у меня в голове.

Я бросился в соседнюю комнату к телефону и позвонил домой... Оказалось, что Вера Михайловна [1]) только-

[1]) Вера Михайловна Бонч-Бруевич (Величкина)—старый член партии, член. коллегии Наркомздрава, врач, умерла 30 сентября 1918 г.

что вышла. Ей сказали, что Владимир Ильич ранен, и она тотчас же, захватив что-то в аптечке, бросилась бежать на квартиру Владимира Ильича.

Я почувствовал, что первая помощь будет оказана, позвонил в Московский Совет и попросил дежурного члена и случайно бывших там товарищей сейчас же ехать за врачами. Выяснили по телефону: нужен немедленно Обух, Вейсброд и еще хирург. У товарищей не было машин, которые все были в разгоне по митингам. Я двинул несколько машин из автобазы Совнаркома к Московскому Совету. Три машины и самокатчиков вытребовал на дежурство в Кремль к под'езду Совнаркома. В это время позвонил тов. Садовский. Я попросил его, на всякий случай, немедленно привезти подушки с кислородом, разыскав их в московских аптеках. У нас, в Кремле, еще не была организована медицинская помощь: не было ни аптеки ни больницы, и за всем надо было посылать по городу. Затем позвонил Я. М. Свердлов, которому только-что кто-то сообщил смутные сведения о ранении Владимира Ильича. Я рассказал ему, что предпринял, и стал просить найти еще хирурга. Он ответил мне, что сейчас же пошлет за Минцем.

В это время прибежала Вера Михайловна, и когда я вошел с ней к Владимиру Ильичу, то заметил в нем сильную перемену к худшему: он был без сознания, лицо сделалось смертельно бледным и подернулось каким-то матовым, землистым цветом.

Вера Михайловна сказала мне, что от страшной боли у него может быть коляпс, что необходимо немедленно впрыснуть морфий. Я хотел бежать за морфием и шприцем, но Вера Михайловна позвонила домой; вызвала к телефону нашу дочь Лелю, рассказала ей, где взять ампулы с морфием и шприц в ее личной аптеке, и сказала ей бежать как можно скорей на квартиру к Владимиру Ильичу. Через несколько минут Вера Михайловна уже впрыскивала в ногу Владимиру Ильичу морфий и выслушала пульс. Узнав, что вызваны хирурги, она посоветовала не трогать Владимира Ильича, лишь, по возможности, освежать его, снять ботинки и, поскольку возможно, раздеть.

Случилось так, что, передавая друг другу порядочный

пузырек с нашатырным спиртом, его уронили и разбили. Комната быстро наполнилась запахом нашатыря. Я стал подтирать разлитое лекарство, подтекшее под кровать Владимира Ильича, и он вдруг очнулся и сказал:

— Вот хорошо...—вздохнул и опять забылся.

Очевидно, нашатырь его освежил, а морфий несколько утолил боль.

В это время приехали Обух и Вейсброд. Вейсброд быстро сбросил пиджак и стал готовиться к осмотру Владимира Ильича. Но тут вошел профессор Минц, Он не здороваясь ни с кем, не теряя ни одной секунды, как власть имущий, прямо подошел со стороны спины к Владимиру Ильичу, мимоходом взглянул в лицо, и отрывисто сказал:

— Морфий...

— Впрыснут...—ответила Вера Михайловна.

Минц был уже одет в медицинский белый халат; он примерил как-то руками, соразмеряя в воздухе обоими указательными пальцами, расстояние ранок на руке Владимира Ильича, на минуту задумался и быстрыми, гибкими пальцами стал ощупывать Владимира Ильича, и на лице его читалось недоумение. В комнате стояла мертвая тишина. Все, как приговоренные к смерти, ожидали последнего слова ужасного приговора. Иногда только были слышны слова профессора Минца:

— Одна в руке...

— Где другая?..

— Цела, цела...

— Крупные сосуды не тронуты...

— Другой нет...

— Где другая?

Вдруг его лицо что-то озарило, и он сам, отшатнувшись и страшно побледнев, бросился всеми своими тонкими, быстрыми пальцами вокруг шеи Владимира Ильича.

— Вот она,—указал он на противоположную, правую сторону шеи. И все стихло... Доктора переглянулись и смутились. Воцарилось ужасное, томящее изнывающее молчание... Все без слов понимали, что случилось что-то страшное, может быть, непоправимое... Минц первый, через минуту, показавшуюся вечностью, очнулся...

— Руку на картон... Нет ли картона?..

Я притащил нетолстый бумажный переплет конторской книги и лист картона, случайно бывшего в Управлении Делами Совнаркома.

Минц быстро вырезал подстилку под руку и положил на нее раненую руку.

— Так будет легче... Упор руке... Ловчей... Боль меньше...

И когда он поднял эту обессилевшую руку, показавшую явный излом свой, Владимир Ильич тихонько застонал,— так было ужасно больно чувствовать то, что случилось...

Садовский привез подушки с кислородом, которые мы положили здесь же, в углу, поблизости от кровати. Приехал Свердлов, стали сходиться товарищи. В Совнаркоме наступила тишина. Члены его сидели за столом, каждый в своем, уже привычном, кресле, получали сведения из комнат Владимира Ильича и по телефону из города, и все были крайне смущены, подавлены, убиты... Почти не говорили между собой.

Владимира Ильича раздели окончательно и стали готовить к перевязкам.

Вера Михайловна вышла в соседнюю комнату. Я знал, что ей пришлось видеть на поле битв и жестоких сражений тысячи ранений, и не только видеть, но, как врачу полевого госпиталя войны 1914 года, стоявшего у самых позиций в линии огня, непосредственно делать перевязки и операции тут же, в поле,—я знал, что она верно скажет мне о положении вещей.

— Ранение, безусловно, крайне опасное, даже смертельное, если та пуля, которая засела под челюстью, задела бы пищевод или позвоночный столб, но, видимо, этого нет. Ближайшие часы все определят. Но я уверена, — сказала она мне и товарищам,—что пуля проскользнула, ничего не задев, несколько поранив легкие, иначе была бы кровавая рвота, а этого нет, хотя прошло уже почти три часа после ранения. Он будет жив,—твердо шепнула она мне, и я до такой степени уверовал в ее слова, которые она никогда в таких случаях не бросала на ветер, что совершенно убедился, что „он будет жив...“ и именно так стал уверенно говорить товарищам...

Вл. Бонч-Бруевич.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ПУЛЬ ИЗ ОРГАНИЗМА ТОВ. ЛЕНИНА.

23 апреля 1922 года, в 12 час. дня, профессором Борхардтом при ассистенции В. Н. Розанова в присутствии главного врача больницы В. И. Соколова, народного Комиссара Здравоохранения Н. А. Семашко и д-ров Е. Д. Мамонова и Я. Р. Гольденберга председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину произведена операция; по впрыскивании полупроцентного раствора новокаина в кожу и подкожную клетчатку, в области внутренней ножки правого Sterno-cleido mastoideus [1]), произведен кожный разрез параллельно этой ножке длиной около 3 см. По рассечении мышцы вскрыта соединительно-тканная оболочка, в которой лежала пуля. По извлечении пули введен марлевый небольшой тампон. На кожу положены два шелковых шва. Повязка.

Пуля, извлеченная из раны, оказалась размером от среднего браунинга. На конце оболочка пули крестообразно подрезана через всю толщу, по протяжении всего конуса пули.

Подписи: Проф. Борхардт.
Д-р В. Н. Розанов.
Д-р Н. А. Семашко.
Д-р Я. Р. Гольденберг.

27 апреля сняты швы. Рана в хорошем состоянии, хорошо выполняется свежими грануляциями. Болезненных ощущений нет. Больной хорошо себя чувствует. Сон хороший.

27 апреля 1922 г.

Старший врач хирург. отд.
Солдатенковской б-цы В. Розанов.
Ординатор А. Очкин.

„Правда“ 27 апреля 1922 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ.

Раннее утро. Меня подняли с постели, сказавши, что нужно ехать в Кремль на консультацию к председателю

[1]) Грудино-ключично-сосковая мышца—одна из шейных мышц.

Совета Народных Комиссаров, Владимиру Ильичу Ленину, которого ранили вечером и которому стало теперь хуже. Ехал с каким-то напряженным чувством той громадной ответственности, которую на тебя возлагают этим участием в консультации у Ленина, того Ленина, который возглавляет всю нашу революцию, направляет и углубляет ее.

Сложное это было чувство; за давностью времени кое-что уже стерлось, но, кроме этой напряженности, очевидно, здесь была и доля любопытства—поглядеть поближе на вождя народа; может-быть, некоторое чувство робости...

Небольшая комната, еще полумрак. Обычная картина, которую видишь всегда, когда беда с больным случилась внезапно, вдруг: растерянные, обеспокоенные лица родных и близких—около самого больного, подальше стоят и тихо шепчутся тоже взволнованные люди, но, очевидно, уже не столь близкие к больному. Группой с одной стороны около постели раненого—врачи: Вл. Мих. Минц, Б. С. Вейсброд, Вл. А. Обух, Н. А. Семашко—все знакомые. Минц и Обух идут ко мне навстречу, немного отводят в сторону и шепотом коротко начинают рассказывать о происшествии и о положении раненого; сообщают, что перебито левое плечо одной пулей, что другая пуля пробила верхушку левого легкого, пробила шею слева направо и засела около правого грудино-ключичного сочленения. Рассказывали, что Владимир Ильич после ранения, привезенный домой на автомобиле, сам поднялся на 3-й этаж и здесь уже в передней упал на стул. За эти несколько часов после ранения произошло ухудшение, как в смысле пульса, так и дыхания, слабость нарастающая. Рассказавши это, предложили осмотреть больного.

Сильный, крепкий, плотного сложения мужчина; бросалась в глаза резкая бледность, цианотичность [1]) губ, очень поверхностное дыхание. Беру Владимира Ильича за правую руку, хочу пощупать пульс, Владимир Ильич слабо жмет мою руку, очевидно, здороваясь, и говорит довольно отчетливым голосом: „да ничего, они зря беспокоятся“. Я ему на это: „молчите, молчите, не надо говорить“. Ищу пульса и к своему ужасу не нахожу его, порой он попа-

---

[1]) Посинение.

дается, как нитевидный. А Владимир Ильич опять что-то говорит, я настоятельно прошу его молчать, на что он улыбается и как-то неопределенно машет рукой. Слушаю сердце, которое сдвинуто резко вправо,—тоны отчетливые, но слабоватые. Делаю скоро легкое выстукивание груди,—вся левая половина груди дает тупой звук. Очевидно, громадное кровоизлияние в левую плевральную полость, которое и сместило так далеко сердце вправо. Легко отмечается перелом левой плечевой кости, приблизительно на границе верхней трети ее с средней. Это исследование, хотя и самое осторожное, безусловно очень болезненное, вызывает у Владимира Ильича только легкое помарщивание, ни малейшего крика или намека на стоны. О результатах своего осмотра быстро сообщаю Вл. А. Обуху, который стоит здесь рядом со мной, нагнувшись над раненым. Вл. А. Обух, соглашаясь со всеми находимыми мною данными об'ективного исследования, все время шепотом говорил: „Да, да", и мы оба настойчиво просим Владимира Ильича не шевелиться и не разговаривать. Владимир Ильич в ответ на наши слова молчит, но улыбается. Идем в другую комнату на консультацию, по дороге в корридорчике меня останавливает Надежда Константиновна и двое из незнакомых--кто, не помню—и тихо спрашивают: „ну что?" Я мог ответить только: „тяжелое ранение, очень тяжелое, но он сильный". На консультации мне, как вновь прибывшему врачу, пришлось говорить первому. Я отметил, что здесь шок [1]) пульса от быстрого смещения сердца вправо кровоизлиянием в плевру из пробитой верхушки левого легкого, и центр нашего внимания, конечно, не сломанная рука, а этот так называемый гематоторахс. Приходились учитывать и своеобразный, счастливый ход пули, которая, пройдя шею слева направо, сейчас же непосредственно впереди позвоночника, между ним и глоткой, не поранила больших сосудов шеи. Уклонись эта пуля на один миллиметр в ту или другую сторону, Владимира Ильича, конечно, уже не было бы в живых. Военный опыт после годов войны у нас, у хирургов, был очень большой, и было ясно, что если только больной справится с шоком,

[1]) Шок—ослабление деятельности сердца и падение пульса, как результат угнетенного состояния нервной системы при сильных ушибах, ранениях и т. д. Прим. сост.

то непосредственная опасность миновала, но оставалась другая опасность, это опасность инфекции [1]), которая всегда могла быть внесена в организм пулей. Эту опасность предотвратить мы уже не могли, мы могли ее только предполагать и бояться, так как она была бы грозной: страшно было и за плевральную полость и за пулевой канал на шее, который пронизал, очевидно, в нескольких местах шейную клетчатку, да еще такую клетчатку, как заглоточную. Все эти тревоги и опасения были высказаны мною, равно как и другими врачами. Соответственные мероприятия были выработаны очень легко: абсолютный покой, все внимание на сердечную деятельность, руку временно приходилось забыть, для нее только легкая контентивная повязка, чтобы трущиеся при невольном движении отломки костей не доставляли раненому ненужных страданий.

Я с удовольствием согласился и поддерживал предложение Вл. А. Обуха пригласить вечером на новую консультацию д-ра Николая Николаевича Мамонова, большого терапевта [2]), талантливого и удивительного мастера в подходе к больному. Такой врач нам, хирургам, был нужен, чтобы детальнее следить за изменениями в плевре и в легком. Вопрос о том, нужно или нет вынимать засевшие пули, без малейших колебаний был решен отрицательно. После консультации длинное и долгое обсуждение официального бюллетеня о состоянии здоровья Владимира Ильича. Приходилось тщательно и очень внимательно обдумывать каждое слово, каждую запятую: ведь нужно было опубликовать перед народом и всем миром горькую правду, исход был неизвестен, но это нужно было сказать так, чтобы осталась надежда. После этого опять пошли к Владимиру Ильичу. Около него сидела Надежда Константиновна. Владимир Ильич лежал спокойно. Снова наша настойчивая просьба не шевелиться и не разговаривать. На это улыбка и слова: „ничего, ничего, хорошо, со всяким революционером это может случиться". А пульса все нет и нет. Вечером снова консультация и так каждый день, утром и вечером, пока дело не наладилось, т. е. 4-5 недель. Пульс восста-

---

[1]) Опасность заражения раны. Прим. сост.

[2]) Терапевт—врач по внутренним болезням. Прим. сост.

новился только через 2-ое суток, т. е. стал таковым, что его можно было назвать даже удовлетворительным. Через четыре дня общее состояние настолько улучшилось, что позволительно было подумать о том, чтобы приняться за правильное лечение перебитой руки.

Опасность инфекции как-будто миновала, и могучая натура Владимира Ильича стала быстро справляться с громадным кровоизлиянием в плевру. Выпот быстро всасывался, сердце возвращалось к нормальному положению, дышать больному становилось все легче и легче, а нам, врачам, становилось все труднее и труднее: дело в том, что как только Владимир Ильич стал чувствовать себя лучше, как только у него поокреп голос, заставить его быть спокойным, заставить его не шевелиться, не разговаривать, заставить его поверить нам, что опасность еще не миновала— представлялось совершенно невозможным: он хотел и работать, и быть в курсе всех дел. На наши приставания: всегда улыбка, всегда очень милая, но совершенно откровенная, т.-е. „я вам верю, верю, что говорите по совести, но...“ Вот это-то „но“ и заставляло нас быть благодарными переломанной руке. Рука была повешена на вытяжение и тем самым волей-неволей приковывала Владимира Ильича к постели. Сращение руки шло прекрасно,и недели через 3 появилась уже настолько хорошая спайка, что удержать Владимира Ильича в постели не представлялось нужным, так как вытягивающий груз можно было хорошо приспособить и при вертикальном положении больного.

Владимир Ильич нас, врачей, меня в частности, всегда встречал очень радушно и приветливо, хотя неоднократно высказывал свое неудовольствие, очень искренно и горячо, что нас заставляют навещать его 2 раза в день, отрывая нас от других больных; я ему на это всегда отвечал: „Владимир Ильич, ведь вы тоже больной и больной серьезный, со всех сторон“. Раз он мне на это „со всех сторон“ и ответил довольно сердито: „а разве от „этих сторон“ болезнь течет иначе? все ведь это товарищи пристают“. Я ему на это: „обязательно, Владимир Ильич, все равно, как у врачей до 7-го колена болезни текут всегда как-то шиворот-навыворот“. Владимир Ильич рассмеялся и, сказавши: „Вас не переспоришь“, со смехом стал снимать сорочку,

чтобы проделать скучную процедуру выстукивания и выслушивания легкого.

Выражаясь нашим врачебным языком, можно сказать, что случай протек изумительно гладко: выпот в плевру рассосался бесследно, легкое расправилось совершенно. Я не помню, чтобы тогда мы отмечали что-либо особенное в смысле склероза, склероз был соответственный возрасту. Спайка руки шла прекрасно, были только небольшие боли по тракту лучевого нерва, небольшие, очевидно, зависящие от ушиба этого нерва одним из отломков сломанной кости. На руку был сделан протезным заводом легкий с'емный кожаный протез с шинками, с'емный, чтобы можно было сделать массаж, и Владимир Ильич, по настоянию всех врачей, уехал на несколько недель в деревню. Уехать было необходимо, так как здесь, в Кремле, Владимир Ильич все-таки занимался, а отдохнуть и набраться сил после тяжелейшего ранения было нужно. В конце сентября Владимир Ильич приехал показаться нам, лечащим врачам, т.-е. В. М. Минцу, Н. Н. Мамонову и мне. Владимир Ильич выглядел прекрасно: бодрый, свежий, со стороны легких и сердца—полная норма, рука срослась прекрасно, так что протез свободно можно было бросить; жалоба только одна: неприятные, порой болевые ощущения в большом и указательном пальцах больной руки—результат указанного выше ушиба лучевого нерва. На этой консультации было решено, что д-ру Мамонову делать больше нечего, а мы, хирурги, увидимся еще раз недели через $1^1/_2$—2. Владимир Ильич во время этой консультации долго болтал с нами, расспрашивал меня про нашу больницу, обеспокоился тем, что у нас уже начались затруднения с отоплением корпусов, что-то записал себе на бумажке, при этом долго смеялся тому, что нигде у себя в комнате не мог найти какой-либо бумажки, говоря: „вот, что значит быть председателем". На мой вопрос, беспокоят ли его пули, из которых одна на шее прощупывалась легко и отчетливо, он ответил отрицательно и при этом, смеясь, сказал: „а вынимать мы с вами их будем в 1920 году, когда с Вильсоном справимся". На последней консультации, когда мы распрощались с Владимиром Ильичем, произошел один маленький эпизод, который хорошо выявляет удивительную

деликатность и чуткость Владимира Ильича. От Ц. К. ко мне несколько раз обращались с вопросом о гонораре за лечение Владимира Ильича. Говорил об этом и Вл. А. Обух, которого я очень просил, чтобы этот вопрос о деньгах не поднимался. Я эти разговоры передал, конечно, коллегам Минцу и Мамонову; нам казалось совершенно невозможным представлять какой-то счет Владимиру Ильичу, выздоровление которого мы сами буквально переболели.

Владимир Ильич решил этот вопрос сам деликатно и великолепно. На последней консультации были только я и В. М. Минц. Осмотрели, побеседовали немного, попросили его некоторое время массировать руку, указывали ему на необходимость беречься и позаботиться о том, чтобы в квартире было потеплее. Здесь Владимир Ильич нас насмешил и сам посмеялся: „Вы говорите—потеплее, велел себе электрическую печку поставить,—поставили, а оказывается это против декрета, вот как быть? —придется все-таки оставить... по предписанию врачей".

Хотим проститься (я не помню, кто с нами здесь еще был, кажется, Марья Ильинична),—Владимир Ильич встает как-то немного смущенный, и говорит: „на минутку", зовет в спальню. Протягивает одной рукой конверт В. М. Минцу, а другой—мне. И, буквально конфузясь, говорит: „Это за лечение, я глубоко вам благодарен, вы так много на меня тратили времени". Мы с Минцем оба смешались на несколько секунд и держались за конверты, которые оставались в руках Владимира Ильича. Выйдя из этого замешательства я, наконец, сказал: „Владимир Ильич, может быть, можно без этого—поверьте, мы рады, что вы выздоровели, искренно рады и благодарны за то, что вы выздоровели". Минц, тоже волнуясь, сказал что-то в этом роде. Владимир Ильич немного прищурился на меня, поглядел как-то пристально, бросил конверты, кажется, на постель, подошел почти вплотную, крепко, крепко пожал руку, взял меня рукой за плечо и, волнуясь очень заметно, произнес: „Бросим это, спасибо, еще раз благодарю". Сказал он это так хорошо и искренно, что мне тоже хорошо стало. Он проводил нас до двери, еще раз пожал мне не руку, а плечо и сказал: „если что-либо нужно будет—скажите". Приехавши домой, я сейчас же позвонил Вл. А.

Обуху о том, что у меня гора с плеч свалилась, рассказал ему всю сценку и сказал, что теперь вопрос о гонораре, мне кажется, ликвидирован окончательно.

Больше никакого разговору ни с кем о гонораре не было.

Нам, работникам Солдатенковской больницы, которая стоит за 2 версты от заставы, зима 1918 и 1919 г. была очень трудна—и холодно и голодно. Рядом с больницей расположен был так называемый Петровский огород. Получить этот огород для нужд коллектива служащих было крайне желательно, так как он был бы большим подспорьем, особенно в смысле снабжения картофелем. Начались хлопоты, т.-е. бесконечное хождение наших представителей по различным учреждениям и все без толку.

Наконец, я совместно с представителями нашей больницы и Октябрьской—написал прошение Владимиру Ильичу, которое и передал ему через Надежду Константиновну д-р Ф. А. Гетье (лечивший в это время Надежду Константиновну и часто бывавший у Лениных). Владимир Ильич не только быстро помог нам получить этот огород в наше общее пользование, но и потом не забывал про него все годы, звонил ко мне по телефону, спрашивал, как идут дела, не нужно ли чего еще, и много раз присылал самокатчиков с коротенькими записочками, вроде такой: „тов. Розанов, как дела на огороде, что нужно? Привет". Мы все, солдатенковские, были ему бесконечно благодарны за эту заботу. Приходилось только удивляться, как он среди груды работы умудрялся не забывать такой песчинки, как наш огород.

Когда я оперировал т. Сталина, который лежал у меня в больнице, Владимир Ильич ежедневно два раза, утром и вечером, звонил ко мне по телефону и не только справлялся о его здоровье, а требовал самого тщательного и обстоятельного доклада. Операция тов. Сталину была очень тяжелая: помимо удаления аппендикса *), пришлось сделать широкую резекцию *) слепой кишки и за исход ручаться было трудно. Владимир Ильич, видно, очень беспо-

---

[1]) Аппендикс—червеобразный отросток слепой кишки. Прим. сост.

[2]) Иссечение.

коился и сказал мне: „Если что, звоните мне во всякое время дня и ночи“. Когда на 4-ый или 5-ый день после операции всякая опасность миновала и я сказал ему об этом, у него, видно, от души вырвалось: „Вот спасибо-то, но я все-таки каждый день буду звонить к вам“. Навещая тов. Сталина у него, уже на квартире, я как-то встретил там Владимира Ильича. Встретил он меня самым приветливым образом, отозвал в сторону, опять расспросил, что было со Сталиным, я сказал, что его необходимо отправить куда-нибудь отдохнуть и поправиться после тяжелой операции, на это он: „Вот и я говорю то же самое, а он упирается, ну, да я устрою, только не в санаторию, сейчас только говорят, что они хороши, а еще ничего хорошего нет“. Я говорю: „Да пусть едет прямо в родные горы“. Владимир Ильич: „Вот и правильно, да подальше, чтобы никто к нему не приставал, надо об этом позаботиться“. А сам бледный, желтый, усталый. „Владимир Ильич, вам бы самим-то отдохнуть не мешало“.—„Нет, нет, я совсем здоров,—засмеялся, пожал руку, и почти убежал, а на пороге обернулся и сказал,—правда, правда, здоров, скоро по тетеревам“... [3])

После этого я и Владимир Ильич увидались 21 апреля 1922 г. Накануне вечером мне позвонил Ник. Ал. Семашко и сказал, что он просит меня завтра поехать к Владимиру Ильичу; приезжает проф. Борхардт из Берлина для консультации, так как нужно удалить пули у Владимира Ильича. Я ужасно удивился этому и спросил: „почему?“ Ник. Ал. рассказал мне, что Владимир Ильич последнее время стал страдать головными болями, была консультация с проф. Клемперером (большой германский профессор, терапевт), Клемперер высказал предположение и, очевидно, довольно определенно, что эти боли зависят от оставшихся в организме Владимира Ильича пуль, якобы, вызывающих своим свинцом отравление. Мысль эта мне, как хирургу, перевидавшему тысячи раненых, показалась прямо странной, что я и сказал Николаю Александровичу. Ник. Ал. со мной соглашался, но все-таки на консультацию нужно было ехать.

---

[3]) Тут небольшой пропуск.

Консультация была интересная. Я заехал за Борхардтом, и мы вместе с ним поехали в Кремль. С нами поехала еще женщина-врач, фамилии не помню, на которую была возложена обязанность быть переводчицей. Нас повели прямо в кабинет Владимира Ильича, который сейчас же вышел к нам, поздоровался, переводчице сказал, что она нам не нужна: „сами сговоримся", и пригласил нас к себе на квартиру.

Здесь кратко, но очень обстоятельно он рассказывал нам о своих головных болях и о консультации с Клемперером.

Когда Владимир Ильич сказал, что Клемперер посоветовал удалить пули, так как они своим свинцом вызывают отравление, вызывают головные боли, Борхардт сначалал сдела удивленные глаза и у него вырвалось unmöglich (невозможно), но потом, спохватившись, вероятно, чтобы не уронить авторитета своего берлинского коллеги, стал говорить о каких-то новых исследованиях в этом направлении. Я определенно сказал, что эти пули абсолютно не повинны в головных болях, что это невозможно, так как пули обросли плотной соединительной тканью, через которую в организм ничего не проникает. Пуля, лежавшая на шее, над правым грудино-ключичным сочленением прощупывалась легко, удаление ее представлялось делом не трудным и против удаления ее я не возражал, но категорически восстал против удаления пули из области левого плеча: пуля лежала глубоко, поиски ее были бы затруднительны; она так же, как и первая, совершенно не беспокоила Владимира Ильича, и эта операция доставила бы совершенно ненужную боль. Владимир Ильич согласился с этим и сказал: „ну, одну-то давайте удалим, чтоб ко мне не приставали и чтобы никому не думалось".

Сговорились на другой день проверить положение пуль по Рентгену в Институте акад. Лазарева. При рентгеноскопии пули были видны прекрасно, они немного сместились, сравнительно с тем, что мы видели на рентгенограммах сейчас же после ранения. Сделали рентгеновские снимки в разных направлениях. После этого Владимир Ильич, пошел с П. П. Лазаревым осматривать Физический Институт, но осмотр этот не удался, так как Владимир Ильич,

дойдя до комнаты, где у П. П. Лазарева были собраны материалы по Курской аномалии, заставил П. П. познакомить его с этими материалами самым подробным образом. Владимир Ильич слушал очень внимательно, о многом переспрашивал, видно, что он углубился в вопрос. Уезжая, Владимир Ильич сказал, чтобы П. П. Лазарев продолжал держать его в курсе дела. Об операции было условлено делать ее у меня завтра, 23 апреля, и что Владимир Ильич приедет в 12 часов.

Я предложил Борхардту приехать ко мне в больницу к 11 часам, думая показать ему до операции хирургические отделения, но проф. Борхардт просил разрешения приехать в 10 $^1/_2$ часов. Я, конечно не возражал, думая, что он хочет поподробнее посмотреть нашу больницу. Борхардт приехал и притащил с собой громаднейший, тяжелый чемодан со всякими инструментами, чем премного удивил и меня и всех моих ассистентов. Инструментов для операции требовалось самый пустяк: несколько кровеостанавливающих зажимов, пинцет, зонд, ножницы, да скальпель—вот и все, а он притащил их целую гору. Я успокоил его, что у нас есть все, все приготовлено, готов и раствор новокаина, есть и перчатки, и так как до приезда Владимира Ильича оставалось еще 1 $^1/_2$ часа, предложил ему познакомиться с хирургическим корпусом. Он, видно, волновался и сказал, что хочет начать готовиться к операции. После этого Борхардт стал говорить, чтобы оперировал я, а он будет ассистировать, я ему ответил, что оперировать должен он, а я с удовольствием ему поассистирую.

Борхардт еще несколько раз повторял это свое предложение, что он будет помогать при операции. Так я и до сих пор не знаю, зачем он это говорил,—думаю, из галантности. О самой операции Владимир Ильич потом как-то на перевязке сказал мне и д-ру Очкину: „я думал, что вся эта процедура будет гораздо скорее; я бы сдавил так, да и разрезал, пуля и выскочила бы; а то это все для парада было". Пришлось невольно рассмеяться и почти согласиться с ним.

Владимир Ильич приехал точно в 12 час., с ним тов. Беленький и еще кто-то. Приехал и Н. А. Семашко. В опе-

рационную вошел, конечно, только Николай Александрович, который спросил меня: „кто же будет оперировать?“ Я ему ответил: „немец, конечно, для чего же он приехал?“ Ник. Ал. согласился с этим. Операция прошла вполне благополучно, Владимир Ильич, видно, совсем не волновался, во время самой операции только чуть-чуть морщился. Я был уверен, что операция будет амбулаторная и Владимир Ильич через $^1/_2$ часа после операции, поедет домой. Борхардт категорически запротестовал против этого и потребовал, чтобы больной остался в больнице, хотя бы на сутки. Я не возражал против этого, конечно, так как стационарное наблюдение всегда гораздо покойнее. Но куда мне было положить такого пациента, как Владимир Ильич? Отделение было переполнено, но—кем? Я знал, чем каждый из них болен, но совершенно не представлял себе, что может быть на уме у моих больных.

Посоветовавшись с главным врачом Вл. Ив. Соколовым, мы решили положить Владимира Ильича в 44-ю палату на женское отделение; палата была отдельная, изолятор: лежавшую там больную легко можно было перевести в общую палату.

Владимир Ильич сначала очень запротестовал и не хотел оставаться в больнице „из-за пустяков“. Пришлось уговаривать, указывать, что после кокаина может появиться и тошнота, и рвота, может быть головная боль и нам удобнее будет его наблюдать. Владимир Ильич долго не соглашался на наши уговоры, последней каплей, кажется, были мои слова: „Я даже для Вас, Владимир Ильич, палату на женском отделении приготовил“. Владимир Ильич рассмеялся, сказал: „Ну вас“ и остался.

Это неожиданное помещение в больницу обеспокоило Надежду Константиновну и Марию Ильиничну, которые и звонили ко мне и потом приехали. Мар. Ил. беспокоилась, накормят ли Владимира Ильича. Я успокоил, сказавши, что и позаботимся со всех сторон, и накормим, и напоим.

Владимир Ильич, как всякий больной, поступающий в больницу, был проведен по всем бумагам, была написана история болезни, которую заполнил Вл. Ив. Соколов, главный доктор. Владимир Ильич беспрекословно подчинился больничным порядкам, очень любезно принял д-ра Соколова,

отвечал на все его вопросы, дал себя выслушать и выстукать. Из этой истории болезни позволю отметить только последние строчки: „со стороны нервной системы—общая нервозность, иногда плохой сон, головные боли. Специалистами констатирована неврастения на почве переутомления".

Часов в 7 вечера мой сынишка сильно порезал себе ногу, пришлось пойти с ним в корпус и положить на рану швы и повязку. Я зашел к Владимиру Ильичу, рассказал ему об этом случае, и потом он каждый день спрашивал у меня, как нога моего сына, пока у него не зажило. Эта внимательность к другим—одна из черточек характера Владимира Ильича.

Владимир Ильич чувствовал себя прекрасно, на вопрос мой, не нужно ли чего, ответил, показывая на тов. Беленького, который стоял в дверях: „Скажите ему, чтобы они не очень волновались и больных бы не стесняли". Часов в 11 вечера, когда я зашел вновь в корпус, Владимир Ильич уже спал.

На другой день утром приехал Борхардт, сделали перевязку, к 1 часу Владимир Ильич уехал домой. С Борхардтом вместе сделали еще одну перевязку, он уехал, и рану повели уже я с моим помощником д-ром А. Д. Очкиным, с нами всегда ездила и моя операционная фельдшерица Грешнова. Заживление ранки, которое велось на тампоне, длилось недели 2 $^1/_2$, ранка заживала совершенно гладко; несколько дней из-за этой ранки Владимир Ильич пробыл в Кремле и потом приезжал на перевязки из Горок. Каждый раз Владимир Ильич пенял на то, что нам приходится из-за этих перевязок терять много времени, и все хотел ездить на перевязки в больницу.

Приходилось уверять, что мы это делаем с полной готовностью и что для нас будет гораздо спокойнее перевязывать его здесь, а не в больнице. Несколько раз Владимир Ильич оставлял нас пить чай, радушно угощал, беседуя на самые различные темы. Рана уже зажила, была под корочкой; чтобы снять совсем повязку, нужно было посмотреть через день, через 2—так и договорились. Через 2 дня меня вызывают часа в 3 с конференции в больнице к телефону. У телефона Владимир Ильич: „Вы что

делаете?"—спрашивает он. „Сижу на заседании, потом пойду домой".— „А скоро ли?" „Минут через 15—20".— „Хорошо, минут через 20 я к вам приеду". Я хотел было запротестовать, но он положил трубку.

Действительно, минут через 20 Владимир Ильич приехал и прошел прямо ко мне в кабинет. Я стал было ему говорить, зачем он беспокоился, ведь я бы к нему приехал. „Я, Владимир Николаевич, сейчас ровно ничего не делал, а вы работали, нечего об этом толковать". Снял я коллодийную повязку и сказал, что можно оставаться без повязки. „Ну вот и хорошо, а то вся эта ерунда мне очень надоела". Потом Владимир Ильич стал спрашивать меня, как бы ему поблагодарить мою фельдшерицу и не нужно ли чего д-ру Очкину.

Я сказал, что фельдшерица моя очень издергалась нервами, у нее есть девочка-воспитанница которая перенесла только что какую-то детскую инфекцию и было бы очень хорошо им поехать в Крым в санаторию. Владимир Ильич записал себе это в книжку и сказал, что он об этом скажет Семашко. Про д-ра Очкина я ничего не мог сказать, сказал только, что у него жена хворает. Я стал спрашивать Владимира Ильича, как он вообще себя чувствует. Владимир Ильич ответил, что в общем ничего, только вот головные боли по временам, иногда сон неважный, настроение неважное. Я стал убеждать Владимира Ильича, что ему необходимо хорошенько поотдохнуть, бросить на время всякие дела, пожить просто растительной жизнью. А он мне на это в ответ: „Вам, тов. Розанов, самим-то надо отдохнуть. вид у вас тоже скверный, поезжайте за границу, я вам это устрою". Я поблагодарил его, но сказал, что в Германию ехать—не отдохнуть, так как невольно побежишь по клиникам, да по больницам, если ехать отдыхать, то только разве на рижское взморье.— „Ну и поезжайте" (Владимир Ильич, действительно, дал возможность мне отдохнуть в Риге, а моя фельдшерица с'ездила в Крым). Я сказал спасибо Владимиру Ильичу и опять к нему с уговорами. Владимир Ильич тепло поблагодарил меня за лечение и сказал, что он о себе, „все-таки" думает и старается отдыхать, что за этим особенно смотрит Марья Ильинична; сказал, что его беспокоит

больше не свое здоровье, а здоровье Надежды Константиновны, которая, кажется, стала мало слушаться Федора Александровича (д-ра Гетье), и просил сказать Гетье, чтобы он с ней был понастойчивее, а то она всегда говорит, что „ей хорошо“. А я в ответ: „так же, как вы“. Он засмеялся и, пожимая руку, проговорил: „работать, работать нужно“.

В. Розанов.

„Красная Новь“
№ 6 (23). 1924 г.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
И
ПОКУШЕНИЕ НА ЛЕНИНА

КРОВЬ СТУЧИТ В НАШЕ СЕРДЦЕ.

(Передовая статья в „Правде", 1 сентября 1918 г.)

Раздались эти выстрелы и произошел какой-то крутой поворот в политическом отношении. Рабочая Москва поздно легла спать в день покушения, но проснулась она на другой день с новым чувством и в новой обстановке. Все кругом ощущают это. И с твердой уверенностью можно сказать, что новое положение не хуже, а лучше прежнего. На какую-то новую ступень поднялась рабочая революция.

Что же в самом деле изменилось? Произвело ли покушение крупный сдвиг в соотношении политических сил? Очевидно, нет. Может-быть, оно повлияло на организующий центр рабочего движения. Ленин, могучий вождь, каких мало встречается в веках, выбыл на время из строя, выбыл в серьезный и сложный момент.

Может-быть, это расстроило рабочие ряды, создало дезорганизацию? Также нет, тысячу раз нет! Момент серьезен, но основные линии политики на ближайшее время предопределены. Нужна лишь организующая сила, чтобы их продолжать. Эта воля есть как в широких массах, так и в центре. Никто не растерялся и не пал духом. Наоборот, у всех замечается под'ем.

В чем же его источник? Он в том, что выстрелы в Питере и Москве с необычайной ясностью определили создавшееся положение. Они подвели всему итог, наглядно обрисовали пролетариату его неизбежную классовую задачу и, усилив сознание рабочего класса, должны породить в нем могучую волевую волну, могучий под'ем. Тот под'ем, которого нам так нехватало за последнее время для титанических задач, стоящих перед пролетариатом.

Кровь, пролитая право-эсеровскими убийцами, говорит ясным голосом. Она говорит о том, что все буржуазные и мелко-буржуазные партии слились в единый черный блок. Буржуа и царские генералы раньше казались главными вешателями, палачами и убийцами. Многим казалось, что бывшие „социалисты" заключили с черными силами противоестественный союз, что они делают по недоразумению чужое дело и плетутся в хвосте буржуазных негодяев. Им верили, когда они говорили о демократии, о свободах, о любви к народу.

Все эти иллюзии пали. Пролитой кровью соглашатели спаяли себя с буржуазной контр-революцией. Это единая семья палачей и убийц рабочего движения. Они хотят того же, чего хочет Алексеев, чего хочет Родзянко и Краснов. Они не только хотят того же, они делают то же самое. Здесь, на нашей земле, они говорят этими выстрелами: от самой верхушки до самых низов мы уничтожим, убьем организованный пролетариат, мы выпустим из него кровь. Передовые гонцы с алексеевского фронта явились к нам. Их имена: Каплан и Каннегиссер.

Пролитая кровь говорит и о другом. Она говорит, что черный блок вступает в смертельную борьбу с красным союзом рабочих и крестьян. Все средства дозволены. Еще так недавно их войска стреляли на Урале по красным войскам разрывными пулями и химическими снарядами с удушливыми газами. Теперь они готовят взрывы мостов, чтобы лишить бедняков хлеба и поставить рабочих на колени. Они стреляют в старых революционеров, признанных вождей рабочего движения.

Когда они начали против нас предательскую борьбу,— а теперь документально доказано, что еще 5 января они собирали против Советов вооруженные отряды,—мы расстреливали взятых с оружием в руках или тех, кто готовился выступить с оружием в руках. Мы арестовали отдельных вдохновителей вооруженной борьбы против пролетариата. Мы изгоняли из руководящих органов их фракции, так как во время войны соглядатаи не допускаются в штабы. Но мы не убиваем из-за угла их вождей, мы даже не арестовали их виднейших деятелей.

И вот они сами говорят: „между нами и рабочим клас-

сом борьба не на жизнь, а на смерть". Все средства для них дозволены. И глупым, жалким слюнтяем был бы тот, кто сейчас стал бы говорить, что это—наши бывшие товарищи, что можно с ними пойти на сделку и образовать с ними единый фронт. Это ваши заклятые враги, это ваши убийцы, рабочие! Они об'явили нам беспощадную борьбу, и со всеми колебаниями надо покончить.

Но эти выстрелы говорят и еще об одном. Тот, кто пробует убивать лицо, очевидно, не может убить дело. Рабочий класс уже припер их к стене: они уже впали в безумство отчаяния. И эти выстрелы — их предсмертные выстрелы. Вот что раскрывают перед нами эти покушения. Но если мы сказали, что они не породили сдвига политических сил, то это неточно. Сдвиг этот не внешний, а внутренний. Все те же силы действуют, но одна из них должна переродиться и увеличиться вдесятеро.

Эта сила—рабочий класс. Пролитая кровь спаяет его в единое целое. „Огонь очищает", но кровь очищает еще больше,—кровь лучших товарищей, пролитая на алтарь рабочей победы.

Больше нельзя, невозможно спать. Больше нельзя сваливать на другого свою долю в борьбе за мировую свободу и уничтожение буржуазной контр-революции. Уже нет борьбы только на улице, только на фронте, только руками наиболее горячих и сознательных. Враги повели борьбу в нашем доме. И отныне не только на улицах, но и в домах все до единого должны повести эту борьбу. Вся рабочая масса, весь пролетариат должен восстать. Пролитая кровь вопиет о мщении и сливает нас всех в гранитную скалу, делает нас братьями по крови. За эту драгоценную горячую кровь мы должны заплатить всей нашей кровью, всеми нашими силами.

Легендарный бельгийский борец против папско-королевского порабощения Уленспигель носил на груди ладонку с пеплом своего отца, сожженного монахами инквизиции.

В минуты уныния и слабости пепел отца стучал ему в сердце и звал к бесстрашной, беззаветной борьбе за свободу. Пролитая кровь стучит в наше сердце и зовет,—по-

велевает. Не щадя своей жизни, забыв о личных интересах, отбросив равнодушие и малодушие, все вставайте на последнюю беспощадную борьбу!

ЛЕНИН—КАПЛАН, УРИЦКИЙ—КАННЕГИССЕР.

(„Правда“, 1 сентября 1918 г.).

Когда на историческую сцену выступали великие тираноборцы — Желябовы, Перовские, Каляевы, — тогда на одной стороне были коронованные тупицы, шитые золотом мундиры, со вставной машинкой вместо мозгов, на другой—поистине героические натуры, „соль земли“, лучшие представители народа, с кругозором, о котором не могли и думать идиотики в генеральских штанах. Почему это было так? Почему истинно-человеческое превосходство было на стороне тех, кто бросал бомбы, а не тех, в кого эти бомбы попадали?

Царская клика и разнообразная бюрократия,—военная, полицейско-жандармская, поповско-архиерейская, — опиралась на класс, гнивший на корню.

Дворянчики-юнцы и их геморроидальные папаши, все жизненное назначение которых заключалось в прокучивании дедовских поместий, не были способны выдвинуть какие бы ни было творческие силы. Уже Щедрин прекрасно характеризовал их основной самый „идеальный“ лозунг: „Жрать!“.

Похотливый, вожделеющий, импотентный, исключительно потребляющий, „жрущий“ класс не мог выдвинуть ни одного „героя“, который бы хоть немного возвысился над этой поистине свинной идеологией.

Наоборот, и прогрессивная буржуазия и разночинная интеллигенция были полны тогда юношеских сил. То новое, что могло родиться, должны были родить они. Всю косность крепостнического уклада им нужно было пропустить сквозь огонь всепожирающей критики. Они должны были иметь умственные горизонты и умственный багаж, гораздо более солидный, чем их классовые враги—представители дикого поместья. Дворянство умирало, разлага-

лось, отравляло воздух продуктами своего гниения. Буржуазия и „демократическая“ интеллигенция только-только начали выступать на арену жизненной борьбы.

Теперь все эти отношения перевернулись. У власти стал, завоевав эту власть в Октябре, самый молодой и самый революционный класс капиталистического общества—пролетариат.

Теперь пигмеи, жалкие людишки, стреляют в великанов мысли, слова, дела, напряженной работы.

Ленин—и Каплан. Какое „выгодное“ сравнение для новоиспеченной Шарлотты Кордэ! [1]). Ленин—гений мировой революции, сердце и мозг мирового великого движения пролетариата,—вождь, единственный на всей земле.

Его аналитический ум дает ему возможность почти пророческого предвидения. Прочтите теперь его́ старые речи,—хотя бы на апрельской конференции 1917 г.,—и вы увидите перед собой недосягаемые образчики исторической дальнозоркости, граничащей с ясновидением. Его кругозор,—не „своя“ колокольня, а весь мир. Он „теоретически потребил“ опыт всего мирового движения и дал точную, строгую схему революции. Его республика—„Советы“, „государство-коммуны“,—которая многим была так непонятна, стала мировым лозунгом пролетариата.

Величайший аналитик, товарищ Ленин как-будто впитал в себя всю колоссальную волю к действию, какую может развить только пролетариат. Его́ рука — железная рука. Его путь — прямо́й путь, великий путь. Эта железная рука не дрожит никогда, и Ленин дважды простреленный, с пробитыми легкими, истекающий кровью, отказывается от помощи и идет сам, чтобы на следующее утро, когда еще ему угрожает смертельная опасность, читать газеты, слышать, знать, видеть, не застопорилась ли машина в локомотиве, который несет нас к всемирному перевороту.

Это—великий герой пролетариата! И потому его имя будит в рабочих всех стран одно чувство: нарастающую революционную страсть, и потому его имя так ненавистно

---

[1]) Шарлотта Кордэ—молодая девушка, убившая 13 июля 1793 г. Марата — вождя французской бедноты, пламенного революционера, которого больше чем других вождей революции ненавидели ее враги.

буржуазии всего мира: от русских купчиков до владельцев африканских золотых россыпей. Ибо он—признанный вождь мирового рабочего восстания.

И рядом с Лениным — Каплан. Узколобая, фанатичная мещаночка, которая, быть-может, искренно считает, что Ленин погубил Россию; которая, быть может, действительно не понимает, что ею водили руки тех, кто в лондонском Сити имеет свои мрачные покои или раз'езжает по Пятой аллее Нью-Йорка после деловых разговоров на улице банкиров Волл-Стрит. Становится стыдно за этих мелких людей, мелких и ничтожных, как подорожная пыль, Даже не интересно, что с ними будет. Ибо они слишком мелки, слишком ничтожны.

Или посмотрите на „студента политехникума" Каннегиссера и сравните его с его жертвой.

Товарищ Урицкий, четверть века стоявший на посту, как бессменный часовой, известный пролетариату, по меньшей мере, четырех стран, знающий чуть ли не все европейские языки, имеющий семилетнюю тюремную школу и закаливший свои нервы, как сталь...

А с другой стороны — юнкер, бегущий после убийства пролетарского вождя под сень английской торговой палаты, человек, заявляющий, что он: „еврей, но из дворян",—прямо типичная фигура, про которых „глас божий" говорил когда-то: „учись — студентом будешь, а недоучишься—офицером будешь". Боящийся своего еврейства, напирающий на свое дворянство и в то же время об'являющий себя социалистом, юный белогвардеец,—разве это недостаточно „яркая фигура"? К тому же, двоюродный братец Филоненки,—палача, того самого Филоненки, который писал когда-то палаческие шпаргалы и для генерала Корнилова.

Вот каких людей посылает буржуазия на расправу с вождями пролетариата. Жалкие люди! Жалкая, презренная буржуазия!

Мелкие, злобные душонки, которым не дано видеть ничего действительно великого, что растет повсюду, растет неудержимо и чего не опрокинуть подлыми выстрелами в спину и в затылок героев и мучеников пролетариата.

Н. Бухарин.

ЧТО ТАКОЕ ДЛЯ ПРОЛЕТАРИАТА—ТОВ. ЛЕНИН?

Внимание рабочих всего цивилизованного мира приковано в настоящее время к постели в Кремлевском дворце, где борется с раной великий вождь великой революции тов. Ленин.

С наибольшей тревогой следят за его судьбой пролетарии России; теперь, в минуту смертельной опасности для своего вождя они уяснили себе вполне, как он им дорог. Они поняли, что они могли в нем потерять, чем был и что есть для мировой революции тов. Ленин.

Мы, марксисты, не переоцениваем роли личности в истории, мы знаем, что ход исторического процесса определяется могущественными экономическими факторами, которые отводят личности, хотя бы самой выдающейся, самой гениальной, сравнительно скромное место.

Для нас история не сводится к биографии великих людей, мы знаем, что творцом форм своей общественной жизни является сама народная масса, этот подлинный демиург исторического процесса.

Но в то же время мы знаем, что и отдельная личность может сыграть громадную роль в историческом процессе в том случае, если гениальным умом она поймет направление исторического развития и направит свою деятельность сообразно с его ходом, если она сумеет срастись мыслью и чувством с классом, победа которого лежит на линии исторического прогресса, и тем самым станет его вождем.

Таким вождем, гениальным умом прочитавшим в книге судеб будущее человечества, был Карл Маркс, таким же великим провидцем является и Владимир Ильич Ульянов (Ленин), вождь величайшей из революций, которую когда-

либо знала мировая история—Российской Социалистической Революции.

Товарищ Ленин своей личностью являет необычайно удачное сочетание черт, крайне редко встречающихся и раздельно: гениального аналитика—теоретика, провидящего будущее в настоящем, и пламенного борца за лучшее будущее для обездоленных и угнетенных.

На долю Владимира Ильича выпало великое счастье, которое не было дано прежним борцам за освобождение пролетариата: он руководит победоносной социалистической революцией; в первый раз в мировой истории, вождь революции становится во главе государства, ставшего рабочим государством.

Вступая в царство социализма, человечество, по словам Маркса, кончает „доисторический период своего существования", „совершает прыжок из царства необходимости в царство свободы", приступ к этому переходу, к этому прыжку история свяжет с именем Ленина.

На истории мировой войны и порожденной ею великой русской революции 1917—1918 гг. яснее всего оказалась гениальная прозорливость великого борца. Это он своим орлиным оком еще в апреле 1917 г. провидел республику советов и государство коммуны, как форму пролетарской государственности, переходную к полному торжеству коммунизма.

Это тов. Ленин осенью 1917 года ребром поставил вопрос о пролетарском восстании против буржуазной власти, преодолев все сомнения колеблющихся элементов в наших собственных рядах. Это тов. Ленин после первой победы рабочего восстания в октябре шел, не зная сомнений и колебаний, прямо к цели—к утверждению пролетарской диктатуры.

И, наконец, тов. Ленин в начале марта с. г. настоял на заключении спасительного для революции Брестского мира, давшего Советской власти окрепнуть и развиваться.

Чем дальше идет русская революция, тем яснее становится для широких масс пролетариата великие всемирно-исторические заслуги тов. Ленина.

С ним побеждал росссийский пролетариат в битвах гражданской войны—он указал всему мировому пролета-

риату путь избавления от ужасной бойни. И мы твердо надеемся, что под его руководством еще долго пролетариат России и всего мира будет биться за полную победу социализма—и одержит над своими врагами окончательную победу!

„Петроградская Правда“, 4 сентября 1918 г.

ВЫСТРЕЛ.

Подлые убийцы метили прямо в сердце великому борцу. Но пуля прошла вершка на два левее. И тёперь гений пролетарской революции лежит окруженный близкими. Он выбит из строя. Темные силы реакции надеются—навсегда. Мы пламенно верим, что—только временно.

Ленин тяжело ранен. Во всем мире эта весть всколыхнет миллионы сердец.

Правители, капиталисты, эксплоататоры, паразиты всех стран проникнуты ликованием. Поражен сильнейший враг эксплоататоров.

Трудящиеся, обездоленные, угнетенные, все люди горькой, черной жизни содрогнутся в гневе и возмущении против палачей, посягнувших на учителя и вождя. С замиранием сердца будут всюду пролетарии ждать успокоительных известий о ходе болезни дорогого тов. Ленина.

И нет сейчас во всем мире имени, возбуждающего более жгучий интерес и волнение, чем имя Владимира Ильича Ульянова-Ленина.

Одни ненавидят и боятся.

Другие верят, любят и надеются.

Ибо Ленин—это восстание угнетенных.

Ленин—борьба до конца, до окончательной победы.

Ленин бесстрашная, последовательная, революционная мысль. Вот что такое Ленин для современного человечества.

Глупцы хотели убить Ленина!—жалкие ничтожества!

Ленина нельзя убить... Он так сросся с восставшим и борющимся пролетариатом, что нужно истребить всех до единого рабочих всего мира, чтобы убить Ленина.

Пока жив пролетариат—жив Ленин.

Разумеется, мы, его ученики и сотрудники, более, чем другие были потрясены ужасной вестью о покушении на дорогого „Ильича“, как его любовно, нежно зовут коммунисты. Выстрел наемников капитала ранил нас всех в сердце.

Но, в сущности, мы все время ждали покушений. Только слепой не видел безудержной ненависти эксплоататоров к вождю мировой революции. Они охотились за ним давно, выслеживая его, как зверя.

И все близкие к Ленину знают, как величаво небрежен был он в отношении какой бы то ни было охраны, или просто осторожности.

Тысячи раз убеждали его согласиться на некоторые элементарные меры предосторожности. Но Ильич всегда отклонял такие просьбы. Ежедневно без малейшей охраны являлся он на всякие собрания, с'езды, митинги. Неизменно делал свои небольшие прогулки и смело подставлял свою грудь выстрелам.

Негодяи из мира имущих постоянно сочиняли про Ленина всякие небылицы, особенно подчеркивая его якобы трусливую натуру.

Роковой выстрел 30 августа показал, что Ленин, напротив, был преступно смел, преступно небрежен к своей личности. Отныне партия должна вступить с ним в борьбу и заставить его поберечься для будущей борьбы во имя освобождения человечества.

Гул выстрела затих.

Что же, достигли своей цели наемники капитала?

О, нет! Все остались на своих местах. Ни паники, ни растерянности.

Нам пришлось из Питера говорить по телефону с Москвой. Все также спокойно тверд стальной голос председателя ВЦИК'а Свердлова.

Неизменно—оптимистичен А. В. Луначарский.

Ровно звучат один за другим голоса Каменева, Рыкова, Карахана, то и дело сообщающих каждый час о состоянии здоровья тов. Ленина.

Все спокойны, все за работой, за той же работой, которую указал всем нам тов. Ленин.

Мы спокойны.

Наоборот, выстрел на заводе Михельсона в Москве начинает терзать буржуазные сердца тревогой и опасениями. Они чувствуют, что на этот выстрел рабочий класс ответит залпами в грудь господ капиталистов.

На выстрел в Ленина пролетариат уже ответил взрывом массового террора против контр-революционеров.

Уже доходят первые раскаты пролетарского гнева, и руководящим кругам приходится вводить в организованное русло святое возмущение восставшего труда.

Буржуазия будет долго помнить роковой выстрел 30 августа.

А главное—никакие выстрелы даже самые мощные, не могут теперь ни на волос отклонить победоносного шествия мировой пролетарской революции.

Пусть тешится в бессильной злобе издыхающий класс, пусть скрашивает тягостные минуты своей агонии подобными выстрелами. Он обречен!

Л. Сосновский.

„Петроградская Правда“, 1 сентября 1918 г.

ЗАСЕДАНИЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р. и КР. Д.
3 сентября 1918 г.

Речь Л. Б. Каменева.

Московский Совет впервые собрался сегодня после того, как не только Москва, не только Россия, но весь мировой пролетариат был потрясен вестью о гнусном покушении на тов. Ленина. За эти несколько дней туда, в те комнаты, в которых лежит тов. Ленин, массами приходили известия и телеграммы со всех концов, где только может раздаваться свободное слово коммунизма, известие о той любви, которой окружено имя Ленина в сердце пролетариата. Одно слово встречается во всех этих приветствиях, это слово — „вождь“. И, действительно, весь тот путь, который совершил пролетариат России, чтобы из ига царизма пройти к строительству свободного пролетарского, социалистического государства, подтверждает это. Оглядываясь на этот путь, мы всюду и всюду, во всех

узловых пунктах революции, встречали имя тов. Ленина. Десятки лет тому назад он начал свою революционную работу и обнаружил все черты, необходимые для того, чтобы сделаться, действительно, вождем социальной, пролетарской революции: стихийное доверие к пролетариату, как к массе, как к классу, непобедимую уверенность, что пролетариат победит, несмотря на препятствия, несмотря на все испытываемые им поражения. Вот что дало ему силу стать во главе Первой Пролетарской Революции в мире.

Я видел тов. Ленина не только в дни побед и праздников революционного пролетариата, я видел его в дни поражения, когда после разгрома революции 1905 г. он остался во главе небольшой, незаметной кучки, и в эти моменты, моменты незаметной подпольной работы, когда нам приходилось по пальцам пересчитывать работников, оставшихся на своих местах, в эти моменты Ленин знал только одни слова: „мы победим во что бы то ни стало, а теперь надо сознать, что если нас побили, то пролетариат не должен хныкать".

Не хныкать, а работать, не покладая рук, итти непоколебимо к победе, не колебаться, раз решение принято. Вот основные заповеди, вот основные черты самого Владимира Ильича, те черты, которые позволили ему во все решительные моменты не считаться со всякими устарелыми, выхолощенными теориями социал-демократов, которые пытались связать по рукам и ногам революционный пролетариат, те черты, которые позволили ему всецело отдаться, довериться здоровому инстинкту пролетарских масс, ибо он верит беззаветно, что в самом пролетариате заложены задатки победы, и он полагает, что раз пролетариат стал на путь социалистической борьбы, он доведет ее до конца.

Вот тот исторический путь, на котором он стоял в то время, как ублюдки социализма привязывали свои теории к славному знамени марксизма, но у Ленина был другой упор,—в непоколебимой вере в массовое рабочее движение. Первые же дни революции, когда не только вожди социализма, но и пролетарские массы уже стали на путь империализма, он непоколебимо стал под знаменем про-

летариата, не обращая внимания на путь, на который встали другие.

Когда казалось, что на лежащей перед ним дороге пусто, что там только чертополох растет, что путь социальной революции заглох, Ленин был первый, который сказал: пролетариат может быть обманут, может ошибаться, но я верю, „что он поймет свой путь, и я пойду этим путем, хотя бы я остался один".

И он в эти дни, как и в те дни, когда был принужден бежать из России под угрозой столыпинской контр-революции, оставался во главе маленькой кучки верных ему товарищей, и через несколько лет он мог поднять в России знамя пролетарской социалистической революции, и не только поднять знамя, но и испытывать счастье видеть ее разрастающиеся успехи, видеть, как примыкают к ней люди, которые, может-быть, до сих пор не знали, что существует великий вождь революции тов. Ленин, что он издавна, в подполье, в эмиграции всегда неустанно проповедывал восстание пролетариата против гнета, против рабства.

На этом знамени, которое он поднял в Петрограде и Москве, начертаны эти лозунги восстания наемных рабов, и это знамя привлекает к себе все симпатии пролетариата всего мира, и мы знаем теперь, что имя тов. Ленина, главы первого социалистического государства, останется вписанным в историю, как имя освободителя и учителя пролетарских масс, как имя человека, который в самое суровое реакционное время проповедывал мировое восстание пролетариата, который никогда не поддавался на удочку охолощенного марксизма, пропитанного западно-европейским оппортунизмом.

Мировые восстания—вот знамя, которое реет над миром, восстания наемных рабов капитала, и это знамя держит товарищ Ленин. Он говорит: мы не победим одним днем или в пару месяцев угнетения и рабства, созданного несколькими тысячами лет, но создалось такое положение, что пролетарская революция может победить, хотя придется бороться годы.

Девять месяцев он стоит во главе социалистического государства, и его работа останется одним из уроков исто-

рии для всего западно-европейского пролетариата. Те, кто начнут революцию после нас, будут учиться на деле, на книгах тов. Ленина, на его декретах, на его распоряжениях. На этом они будут учиться, как класть камень за камнем в фундамент нового социалистического общества. Гнусная рука убийцы, направленная в тов. Ленина, целила не в Владимира Ильича,—она целила в мозг и сердце самой пролетарской революции. Убийца полагал, что своей пулей он сразит русскую революцию. Но сила наша не только в вождях, сила наша в самом рабочем классе. Вожди могут погибнуть, их можно переменить, но социалистический пролетариат останется. И, однако, верным был расчет, который направлял руку убийцы на тов. Ленина. Без него было бы нам тяжелее наметить правильные пути революции; без него нам бы не удалось так скоро направить руль пролетарской революции среди бурного потока гражданской войны. Но они обманулись: тов. Ленин жив и он будет с нами дальше продолжать эту работу.

Ленин крепко связан с массами. Массы чувствуют, что он плоть от плоти и кровь от крови пролетариата. Он не погибнет в одиночку, и я уверен, что если нам придется погибнуть, то Ленин погибнет только на последней баррикаде, на которой мы будем защищать социалистический строй.

Если мы девять месяцев держимся среди происков и стихийной, кровожадной вражды буржуазии, если мы девять месяцев держим Советскую власть, то мы можем смело сказать, что будем держать ее и дальше, каждый день усиливает нас и ослабляет наших врагов. Каждый день увеличивает количество наших союзников. Несмотря на то, что наше положение трудно и против нас плетут гнусные заговоры, у нас у всех есть та самая вера в неизбежность победы, которая ободряла Владимира Ильича и поддерживала его в тяжелые моменты поражений.

Мы окружены врагами, и в тот самый день, когда подлая рука убийцы была направлена в тов. Ленина, был открыт заговор англо-французских империалистов, которые подготовляли захват Совнаркома и восстание в Москве. Они пытались здесь, в Москве, подготовить восстание советских войск против народной Советской власти. Мы по-

лучили материалы и доказательства о том, что, прикрываясь дипломатическим званием и пользуясь привилегиями представителей дипломатического корпуса, англо-французские агенты замышляли свержение власти рабочих и крестьян.

Наше положение можно характеризовать кратко: Советская Россия превращена ходом событий в военный лагерь; извнутри и извне на нас идут с оружием в руках не только тайные убийцы, направляющие оружие на наших вождей, но и иностранные завоеватели, которые пытаются победить нас, отрезав от хлеба, отобрав порты и создав положение, при которым можно создать восстание против Советской власти. Мы дошли до критического момента.

Вождь наш лежит в постели, раненый предательской рукой. Внутри у нас открываются заговоры, а там, на фронте,—иностранные силы. Кто бы ни были те, кто идет против нас: чехо-словацкие генералы, японские полковники, или подосланные убийцы,—для нас разницы нет. Мы отбрасываем старые клички. Для нас существуют лишь два лагеря: лагерь коммунистов и лагерь врагов, который мы должны победить всеми средствами. Эта победа должна быть за нами для того, чтобы мы могли высоко поднять знамя социалистической революции.

У врагов мы не спрашиваем: правый ли он эс-ер, трудовик или кадет. Все это сметено в грязную корзину. Мы спрашиваем одно: берешь ли ты оружие для того, чтобы защищать Советскую Россию, или для того, чтобы поднять его против трудового крестьянства и пролетариата. С каждым врагом мы будем поступать по-военному. Мы будем защищать каждую пядь нашей территории, жизнь каждого пролетария и каждого советского работника. Пусть знают наши враги, что мы не сдадимся без боя. Они своими покушениями научили нас бодрствовать, своими беспрерывными заговорами заставили стоять на посту, как часового. Они превратили каждого из нас в часового социалистической революции. На этом пути мы будем стоять и пойдем по этому пути, как шли т.т. Володарский, Усиевич, Урицкий. Мы пойдем до конца, жертвуя собой, не щадя врагов.

Там, на фронте, вести о том, что тов. Ленин должен

был покинуть председательское место в Совете Народных Комиссаров, чтобы в постели бороться с той пулей, которую вонзила в его тело предательская рука, не вызвали паники, но вызвали прилив ожесточения и энергии. Мы должны сознать, что лучшим ответом врагам внешним и внутренним будет то, что если мы порадуем Владимира Ильича в постели вестью о том, что мы разбили и смели на фронте полки белогвардейцев и берем обратно те города (Казань, Самару и Симбирск), рабочее население которых ждет не дождется, когда придут освободительные отряды Красной армии. Лучшей вести мы не принесем Владимиру Ильичу,—Красная армия нуждается в нашей помощи, она бессильна, если мы не гарантируем того, что здесь, в тылу, твердо держим в руках ее безопасность. Чтобы она напрягла все свои силы, нужно оказать ей поддержку.

Мы знаем, что во многом у нас дезорганизация. Здесь, в Москве, много неладов.

Может-быть, далеко не все, что можно использовать, использовано для охраны Советской власти. В этом виноваты мы, как виноват тот район, который допустил тов. Ленина на митинг без охраны, одинокого, среди толпы, и безоружного, когда кругом кипит злоба.

Также, товарищи, будем виноваты мы, если мы не приложим всей энергии, чтобы оказать всевозможную помощь нашим красноармейцам. Мы должны у нас, в Советской России, наладить нашу хозяйственную организацию, построить машину государственного управления так, чтобы она шла без сучка и без задоринки, чтобы мы знали все наши склады, имели бы на учете всех людей, чтобы каждый буржуа работал бы и чтобы все органы работали гладко.

Теперь подошел момент, когда мы должны приложить всю энергию, чтобы как можно скорей наладить эту машину. Если наши враги думали, что, снимая с поста на время тов. Ленина, они внесут дезорганизацию в наши ряды, мы должны ответить: как бы высоко ни было среди нас положение тов. Ленина, как ни драгоценно его руководство, как ни могущественно поддерживал он нас в нужные моменты, когда зарождалось сомнение, как ни велика

была роль Владимира Ильича,—мы, пролетарская организация, своим сплочением, своей энергией добьемся того, что к моменту, когда Владимир Ильич придет сюда на собрание, мы сможем сказать: мы, не покладая рук, работали над тем делом, к которому вы призывали, и вот плоды нашей работы. Нам надо стремиться к победе здесь, и потому в резолюции, которую предлагает Президиум Московского Совета, мы призываем пролетариат Москвы создать по всем районам специальные отделы, специальные комиссии, которые мобилизовали бы все силы, необходимые для охраны Советской власти в Москве, и, с другой стороны, выяснили бы все, что может сделать Москва для укрепления нашего восточного фронта. Нам говорят из военного комиссариата и других мест: „у вас большие богатства, а снаряды валяются на заводах, пушки стоят без охраны". Это наше упущение. Мы должны сделать так, чтобы ни один красноармеец не имел права сказать, что московские рабочие не все дали для фронта и не рассмотрели богатств, лежащих под руками, и что они оказались недостаточно проницательными, чтобы конфисковать все имущество и усилить нашу военную казну, что они смотрели сквозь пальцы, как буржуазия создает подкопы на Советскую власть, не чувствуя на себе железного ярма, которое заставило бы выжать из этой буржуазии все, что можно. Они не жалеют пуль, направляя их в наших вождей, они не жалеют свинца, чтобы зарядить этим свинцом револьверы, купленные на английские и французские деньги. Из этих пуль мы скуем железную цепь, и на эту цепь мы посадим буржуазию.

Речь Л. Д. Троцкого.

Товарищи, те братские приветствия, какие я слышу, я истолковываю так, что сейчас, в эти трудные дни и часы, мы все, как братья, теснее чувствуем себя, все испытываем глубокую потребность плотнее примкнуть друг к другу, к нашим советским организациям, стать под наше коммунистическое знамя.

В эти исполненные тревогой дни и часы, когда наш, и, можно сказать с полным правом, мировой знаменосец пролетариата лежит на постели в борьбе со страшным

призраком смерти,—мы ближе друг к другу, чем в часы побед. Весть о покушении на тов. Ленина застала меня и ряд других товарищей в Свияжске, на казанском фронте. Там были удары,—удары справа, удары слева, были удары и в лоб. Но этот новый удар — был удар в спину из глубокого тыла. Этот предательский удар открыл новый фронт,—самый болезненный, самый тревожный для нас в настоящий момент: фронт, на котором жизнь Владимира Ильича борется со смертью. И какие бы поражения нас ни ожидали на том или другом фронте, я твердо верю в близкую победу вместе с вами, но отдельные частичные поражения не оказались бы для рабочего класса России и всего мира такими тяжелыми, такими трагическими, каким оказался бы роковой исход борьбы на том фронте, который проходит через грудную клетку нашего вождя. Можно понять, стоит лишь вдуматься, всю ту силу сосредоточенной ненависти, какую вызвала и вызовет эта фигура у всех врагов рабочего класса. Ибо природа поработала на славу для того, чтобы создать в одной фигуре воплощение революционной мысли, непреклонной энергии рабочего класса.

Эта фигура—Владимир Ильич Ленин.

Галлерея рабочих вождей, революционных борцов очень богата и разнообразна, и мне, как и многим другим товарищам эмигрантам, которые насчитывают третий десяток лет революционной работы, доводилось встречать в разных странах много разновидностей типа рабочего вождя, революционного представителя рабочего класса.

Но только в лице тов. Ленина мы имеем фигуру, которая создана для нашей эпохи крови и железа. За нашей спиной осталась эпоха так называемого мирного развития буржуазного общества, когда противоречия накапливались постепенно, и когда Европа переживала период так называемого вооруженного мира, и кровь протекала почти только в колониях, где хищный капитал терзал наиболее отсталые народы. Европа наслаждалась так называемым миром капиталистического милитаризма. В эту эпоху формировались и складывались виднейшие вожди европейского рабочего движения. Среди них мы знаем такую превосходную фигуру, как Август Бебель, великий покойник. Но он отражал эпоху постепенного, медленного развития ра-

бочего класса; ему, наряду с мужеством и железной энергией, свойственна была осторожность в движениях, ощупывание почвы. Он отражал процесс постепенного, незаметного накопления сил рабочего класса, и его мысль шла вперед шаг за шагом, как немецкий рабочий класс, в эпоху мировой реакции, лишь постепенно поднимался снизу, освобождался от предрассудков.

Его духовная фигура росла, развивалась, становилась крепче и выше. Таков был Август Бебель в своих мыслях и методах, он был лучшей фигурой прошлой, уже прошедшей и вечной эпохи. Наша эпоха сделана из другого материала. Эта эпоха, когда старые накопленные противоречия пришли к чудовищному взрыву, когда они прорезали всю оболочку буржуазного общества, когда все основы современного мирового капитализма потрясены до дна чудовищной европейской бойней народов, которая обнаружила все классовые противоречия, которая поставила народные массы перед страшной реальностью гибели миллионов во имя обнаженных интересов барыша. Вот для этой эпохи европейская история позабыла, не догадалась или не сумела создать своего вождя, и недаром: ибо все вожди, которые накануне войны пользовались наибольшим доверием европейского рабочего класса, отражали его вчерашний, но не сегодняшний день...

И когда наступила новая эпоха, она оказалась не по зубам прежним борцам, это—эпоха страшных потрясений и кровавых боев. Истории угодно было не случайно создать в России фигуру из одного цельного куска, фигуру, отражающую в себе всю нашу суровую и великую эпоху. Повторяю, не случайно.

Вы помните, товарищи, что в 1847 году отсталая тогда Германия выдвинула из своей среды фигуру Маркса, величайшего борца-мыслителя, предвосхитившего пути новой истории. Германия была тогда отсталой страной, но волею истории интеллигенция Германии переживала тогда период революционного развития, и величайший представитель буржуазной интеллигенции, богатый всей ее наукой, встал на почву революционного пролетариата и выработал программу рабочего движения и теорию развития рабочего класса. То, что предрекал Маркс в эту эпоху, то

наша эпоха должна исполнять. А для этого ей нужны новые вожди, которые были бы носителями великого духа нашей эпохи, когда рабочий класс, поднявшийся до высот исторического развития, ясно увидел перед собой великий исторический Рубикон, через который необходимо перешагнуть, если человечеству суждено жить, а не гнить, как падали, на большой исторической дороге. Для этой эпохи русская история создала нового вождя. Все, что было в старой революционной интеллигенции лучшего, ее дух самопожертвования, дерзания, ненависти к гнету—все это сосредоточилось в этой фигуре, которая, однако, бесповоротно еще в период юности порвала связь с миром интеллигенции в виду ее связи с буржуазией и воплотила в себе смысл и сущность развития рабочего класса. Опираясь на молодой революционный пролетариат России, пользуясь богатым опытом мирового рабочего движения, превратив его идеологию в рычаг действия, эта фигура ныне поднялась на политическом небосклоне во весь рост. Это—фигура т. Ленина, величайшего человека нашей революционной эпохи.

Я знаю, и вы вместе со мной, товарищи, что судьба рабочего класса не зависит от отдельных личностей, но это не значит, что личность безразлична в истории движения и развития рабочего класса. Личность не может создавать рабочий класс по образу и подобию своему и не может указать пролетариату тот или другой путь развития, но она может способствовать выполнению его задач, ускорять достижение его цели. Карлу Марксу указывали его критики и враги, что он предвидел революцию гораздо ближе, чем она осуществляется на деле. На это отвечали с полным основанием, что он стоял на высокой горе и потому расстояния казались ему короче. Владимира Ильича многие — и я в том числе — критиковали не раз за то, что он не замечал многих второстепенных причин, побочных обстоятельств. Я должен сказать, что для эпохи „нормальной“, медленного развития, это может быть недостатком для политического деятеля, но это величайшее преимущество тов. Ленина, как вождя новой эпохи, когда все побочное, все внешнее, все второстепенное отпадает и отступает, когда остается только основной, не-

примиримый антагонизм классов в грозной форме гражданской войны. Устремив вперед свой революционный взор, подмечать и указывать главное, основное, самое нужное,—этот дар свойственен тов. Ленину в высшей степени. И те, кому, как мне, суждено было в этот период близко наблюдать работу Владимира Ильича, работу его мысли, те не могли не относиться с прямым и непосредственным восторгом, я повторяю—именно с восторгом, к этому дару проницательной, пронзительной мысли, которая отметает все внешнее, случайное и берет все основное, намечая основные пути действия. Только тех вождей рабочий класс научается ценить, которые, открыв путь развития, идут непоколебимо, хотя бы даже предрассудки самого пролетариата становились временами препятствием на их пути. К этому дару мысли у Владимира Ильича присоединяется непоколебимость воли, и вот эти качества в соединении создают подлинного революционного вождя, созданного из мужественной, непреклонной мысли и стальной, непоколебимой воли.

Все мы счастливы по поводу того, что все, что мы говорим и слышим и читаем в резолюциях о Ленине, не имеет формы некролога. А ведь до этого было так близко... Мы все уверены, что на этом близком фронте, который проходит там, в Кремле, победит жизнь, и что Владимир Ильич скоро вернется в наши ряды.

Если, товарищи, я сказал, что он воплощает собою мужественную мысль и революционную волю рабочего класса, то можно сказать, что есть внутренний символ, как бы сознательный умысел истории в том, что в эти трудные часы, когда русский рабочий класс на внешних фронтах, напрягши все силы, борется с чехо-словаками, белогвардейцами, наемниками Англии и Франции, наш вождь борется против ран, нанесенных ему агентами тех же белогвардейцев, чехо-словаков, наемниками Англии и Франции. Тут внутренняя связь и глубокий исторический символ. И точно так же, как мы все уверены, что в той нашей борьбе на чехо-словацком, англо-французском и белогвардейском фронте мы крепнем с каждым днем и с каждым часом,—об этом я могу сказать, товарищи, как очевидец, непосредственно прибывший с театра военных дей-

ствий: да, мы крепнем с каждым днем, мы завтра будем сильнее, чем были вчера, послезавтра сильнее, чем завтра,—и я не сомневаюсь, что близок тот день, когда мы сможем сказать вам, что Казань, Симбирск, Самара, Уфа и другие, временно захваченные, города возвратятся в нашу советскую семью,—также мы надеемся, что одновременно и быстрым темпом пойдет процесс возрождения и оздоровления тов. Ленина. Но и сейчас, когда его образ, образ раненого вождя, на время вышедшего из строя, стоит перед нами, мы знаем, что ни на минуту он не ушел из наших рядов, ибо, на время сраженный предательскими пулями, он будит нас всех, призывает и толкает вперед. Я не наблюдал ни одного товарища, ни одного честного рабочего, у которого, под влиянием известия о предательском покушении на тов. Ленина, опускались бы руки, но я видел десятки, у которых сжимались кулаки, протягивались руки к оружию и слышал сотни и тысячи уст, которые клялись беспощадной местью классовым врагам пролетариата.

Я не знаю, дойдут ли сейчас наши слова и отклики биения наших сердец до постели тов. Ленина, но я не сомневаюсь, что он их чувствует. Я не сомневаюсь, что в своей лихорадочной еще температуре он знает, что и наши сердца бьются сейчас удвоенным, утроенным темпом. Все мы сознаем теперь ярче, чем когда бы то ни было, что мы—члены одной коммунистической советской семьи. Никогда собственная жизнь каждого из нас не казалась нам такой второстепенной и третьестепенной вещью, как в тот момент, когда жизнь самого большого человека нашего времени подвергается смертельной опасности. Каждый дурак может прострелить череп тов. Ленина, но воссоздать этот череп—это трудная задача даже для самой природы. Но нет, он встанет вскоре,—для мысли и творчества, для борьбы вместе с нами. Мы же, со своей стороны, обещаем нашему дорогому вождю, пока в наших собственных черепах есть еще сила жизни и в сердцах наших бьется горячая кровь, мы останемся верны знамени коммунистической революции. Мы будем бороться с врагами рабочего класса до последней капли крови, до последнего издыхания.

Резолюция Московского Совета Р. и Кр. Д.

Борьба не на жизнь, а на смерть кипит в России между социализмом и буржуазией. Не останавливаясь ни перед чем, буржуазная контр-революция спешит задушить социалистический пролетариат и трудящиеся массы нашей страны. Поставив себе на службу изменников социализму—правых эсеров и меньшевиков, буржуазная контр-революция их руками создает новые правительства, их устами зовет к себе на помощь иностранных завоевателей-империалистов, в их руки вкладывает револьверы, направленные против вождей рабочего класса. Покушение на жизнь Ленина есть только крайнее выражение бешеной борьбы контр-революции против трудящихся масс.

Тов. Ленин отдал все свои силы на то, чтобы учить пролетариат всей России и всего мира восстанию против угнетения, против эксплоатации, против рабства и современных рабовладельцев-собственников. Его дело увенчалось победой. Под его руководством восстали в великие октябрьские дни пролетарии, крестьяне и солдаты России и, победив своего классового врага, сломали самодержавие капитала, вырвали землю из рук помещиков. Победив, пролетарская революция призвала Ленина стать во главе первого пролетарского государства, во главе первой в мире социалистической республики. Ненависть всего мира, насилие и рабство обрушились на революционный пролетариат России и на его знаменосца, вождя и первого работника тов. Ленина.

Пуля, направленная в нашего вождя предательской рукой изменника, стремилась поразить сердце и мозг мировой социалистической революции.

Но убийцы ошибутся, пролетариат московский и всей России пойдет вперед, сметая со своего пути все препятствия. Мы будем беспощадны в борьбе за социализм против буржуазии, в защите своей рабоче-крестьянской власти против белогвардейских заговоров, в отстаивании своего социалистического отечества против иностранных завоевателей-империалистов, воедино связанных. Для нас, для всех трудящихся, для всех освобожденных Октябрьской революцией, защита наших вождей,—защита социа-

лизма, защита Советской власти. У могилы борцов-коммунистов, у постели нашего раненого вождя, М С. Р. и Кр. Депутатов и рабочие организации Москвы зовут пролетариев Москвы и всей России теснее сплотить свои ряды, скрепить боевой дисциплиной свои организации, стать поголовно на охрану завоеваний революции. М. С. Р. и Кр. Депутатов переживает вместе с Красной армией все трудности стоящей перед ней задачи, просит и требует от солдат социалистической армии стойкости, непреклонной энергии в ее трудном подвиге охраны социализма от империалистов. Московский Совет вполне сознает, что перед лицом Красной армии на него падает обязанность обеспечить ей все необходимое, охранить тыл армии от заговора и мятежей белогвардейцев, от гнусных покушений на вождей, рассчитанных на то, чтобы дезорганизовать и ослабить работу Советской России.

Всеми мерами обезвредить врагов Советской власти,— наша обязанность.

М. С. Р. и К. Д., во исполнение стоящих на очереди задач, постановляет организовать при Московском Совете и при всех районных Советах особые отделы, которым поручить мобилизовать все силы как для охраны Советской власти в Москве, так и для всестороннего обслуживания Красной армии, для укрепления и усиления ее в ее славной борьбе за Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику.

СОЕДИНЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБ. и КРАСНОАРМ. ДЕП. С ДЕЛЕГАТАМИ РАБОЧИХ, КРАСНОАРМЕЙСКИХ, ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ и СУДОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ 6 СЕНТЯБРЯ 1918 года [1]).

...Собрание переходит к следующему вопросу программы дня—чествованию титана Российского революционного движения—тов. Ленина. Покушение на его жизнь потрясло весь пролетариат, об'единенный и в чувстве любви и сострадания к пострадавшему борцу, и в чувстве негодования против белых террористов.

Перед аудиторией, застывшей в благоговейном молчании, выступает председатель Совета Комиссаров Северной Коммуны тов. Зиновьев.

Вождь Северн. Коммуны делится с собранием последним счастливым известием из Москвы: выздоровление тов. Ленина обеспечено.

В ответ на это известие раздаются горячие аплодисменты, переходящие в бурную овацию.

Как только снова воцарилась тишина, тов. Зиновьев сообщает полученную им от самого тов. Ленина в 1 час 10 мин. дня личную телеграмму из Кремля: „Дела на фронте идут хорошо. Не сомневаюсь, что пойдут еще лучше". сообщил глава Советской Республики. Новые аплодисменты огласили зал.

— Таким образом ясно одно,—продолжал тов. Зиновьев,—что тов. Ленин будет жить.—Дальше оратор дает блестящую полную новизны и интересных биографических дан-

---

[1]) Напечатано по отчету в „Петроградской Правде" от 6 и 7 сентября 1918 года. Биография Владимира Ильича Ленина, данная на этом заседании тов. Зиновьевым напечатана неполно. Более подробно и точно издана отдельной брошюрой: Г. Зиновьев. „Н. Ленин (Владимир Ильич Ульянов)" Издание Петросовета 1918 г. 64 стран.

ных характеристику раненого предательской пулей льва русской революции.

В изображении тов. Зиновьева, дышащем горячей симпатией к великому вождю, личность тов. Ленина представляется выпуклой, исполинской.

Это в полном смысле слова апостол мирового коммунизма. Тов. Зиновьев в течение 16 лет был в общении с этим могучим борцом и поэтому считал себя обязанным в данный момент сообщить собранию хотя бы вкратце подлинную биографию тов. Ленина.

— Тов. Ленину в настоящее время 48 лет. Он родился в 1870 году. Почти всю свою жизнь он отдал освободительному рабочему движению, став на черте между старыми народниками и марксистами. В молодости он принадлежал к студенческим народническим кружкам, но уже в то время одной ногой стоял в марксистском лагере и в семейном отношении спаян с революцией кровью своего родного брата казненного через повешение царскими палачами.

Отдаляясь от народовольцев, тов. Ленин продолжал уважать таких деятелей этой партии, как Перовская, Желябов и др. революционеры, явившиеся первыми провозвестниками великой революции.

Особенно он ценил знаменитого в истории революционного движения Степана Халтурина.

„Нам бы побольше таких пролетариев и мы будем непобедимы. Только из них и может быть подлинная рабочая армия,— говорил о Халтурине тов. Ленин. Пользовались его симпатиями и рабочий революционер Степан Бабушкин и ныне здравствующий, но ослепший от долголетних мучений в ссылке,—Шелгунов. Последнего он любил, как брата, особенно потому, что он вышел из рабочего класса.

В них он видел предтеч революции.

Марксистскими идеями тов. Ленин впервые заразился в Самаре, после исключения его из Казанского университета. Создав Союз Борьбы за Освобождение Рабочего Класса, он тогда же обратил на себя внимание революционных групп, увидевших в нем новую фигуру, от которой повеяло чем-то свежим. Его первое произведение, заключавшее в себе популяризацию марксизма, брошюра „О штрафах“ получает широкое распространение в рабочем классе.

Плеханов, Аксельрод и тот самый Дейч, который очутился теперь в другом лагере, отдают должное революционному гению Ленина. Они говорят: „Вот появилась новая звезда, появилась величайшая сила".

Тов. Зиновьев приводит попутно оценку Ленина, сделанную известным профессором Максимом Ковалевским. —Какой хороший профессор мог бы выйти из Ленина,— отозвался этот ученый муж, ознакомившись с его литературными произведениями.

— Да, товарищи, из него вышел вождь рабочей коммуны. А это будет побольше, чем самый гениальный из гениальных профессоров, — говорит с заметной иронией оратор.

Тов. Ленин со свойственной ему чуткостью прозрел в той же ссылке фальшь и измену рабочему классу многих революционеров и тогда же для него стало ясно, в чьи обьятья бросится некогда знаменитый Петр Струве, с которым он был связан литературной работой.

Вспоминает тов. Зиновьев и совместное пребывание с Лениным в Галиции, где годами они не слышали русской речи. Тов. Ленин томился иногда, как лев в клетке, и вел образ жизни ученого, пока не отдался работе в своей знаменитой „Искре". Первая его статья: „С чего начать" явилась программой революционной тактики и стратегии.

В ней „Искра" об'явила войну меньшевизму. Тогда еще он предвидел в эс-ерах революционных авантюристов и мелких буржуа:—„он нарисовал заранее природу партии социалистов-революционеров, а для того, чтобы это сделать нужно иметь громадную революционно-марксистскую интуицию, нужно быть гениальным, нужно быть Лениным", —восклицает тов. Зиновьев.

Дальше тов. Зиновьев рассказывает о расколе, который произошел между партией легальных марксистов, стоявших на почве компромиссов, и партией революционных марксистов. Даже вмешательство крупнейшего авторитета тов. Бебеля с его предложением третейского суда не могло слить эти два разошедшиеся навсегда революционные течения. Вспоминает тов. Зиновьев московское вооруженное восстание, которое было своего рода апофеозом большевизма, хотя это восстание и не закончилось

победой, но было вписано в почетную страницу истории революции.

Произошла первая форпостная стычка. Душою московского восстания был тов. Ленин, а руководителем тов. Богданов. Вспоминает тов. Зиновьев эпизоды из периода эмиграции, то время, как им пришлось жить в далекой швейцарской деревушке и когда до них долетели первые вести о начавшейся мировой войне.

Много было надежд, что германские социалисты будут вотировать против военных кредитов. Но ожидания оказались напрасными: социалисты высказались за военные кредиты. Тов. Ленин даже не поверил, но когда правда была на лицо, он воскликнул „II Интернационал погиб" И эти слова оказались пророческими. Пребывание Ленина в Швейцарии не давало спокойно спать многим. Швейцарское правительство за вербовку Лениным новых и новых товарищей в свою группу грозило даже высылкой, а теперь... теперь то же швейцарское правительство взяло в музей ту бумажку, на которой был автограф тов. Ленина.

Переходит затем оратор к последней стадии выдающейся деятельности этого борца за рабочее дело. Тов. Зиновьев сознается, что порой у него были колебания; думалось что власть в России не так скоро придет к советам, но Ленин был тверд и предусмотрителен. Если бы только в Октябре большевики помедлили с переворотом, с захватом власти на несколько месяцев, то уже в январе образовалась бы диктатура самой ужасной сволочи. Уже происходил набор, уже формировались контр-революционные банды. Ленин учел момент гениально и правильно. Он открыто писал за два дня до Октябрьской революции: „мы вас завтра скинем".

Заканчивая свою характеристику т. Ленина, т. Зиновьев восклицаст: „этот человек имеет все права на бессмертие". Оратор заключает свою речь пожеланием хоть немного быть похожим на этого титана революции и восклицает при долго несмолкаемых аплодисментах: „Да здравствует тов. Ленин". Аплодисменты переходят в овацию.

По вопросу о белом терроре буржуазии и правых эсеров и ответе на него со стороны рабочего класса выступает от имени Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-

революцией тов. Архипов, который в своей речи, опираясь на материалы, добытые Чрезвычайной Комиссией, устанавливает определенную виновность правых эс-еров и меньшевиков, действующих в союзе с буржуазией во всех преступных актах последнего времени.

Затем слово предоставляется представителям фракций, при чем представитель фракции левых эс-еров заявляет, что его фракция признает необходимость классового организованного террора—и вполне в этом отношении стоит на платформе Советской власти. Представителя фракции меньшевиков собрание прерывает криками „довольно, довольно", а представителя фракции правых эс-еров гражданина Микеладзе собрание слушает только после целого рода настойчивых звонков тов. Зиновьева, но все же его речь прерывается криками „убийцам нет места" и собрание весьма скептически относится к заявлениям гражданина Микеладзе, что партия правых эсеров никакого отношения к последним террористическим актам не имеет.

Прежде чем перейти к следующему пункту повестки дня, тов. Зиновьев доводит до сведения собрания, что к нему снова поступил целый ряд телеграмм с изъявлением соболезнования по поводу смерти тов. Урицкого и радости по поводу выздоровления тов. Ленина.

Из всех телеграмм тов. Зиновьев оглашает только одну—от Исполнительного Комитета китайских рабочих Москвы и Северной области, в которой они выражают надежду на то, что тов. Ленин станет скоро вождем не только Европы, но и Азии.

В заключение тов. Зиновьев предлагает увековечить память тов. Урицкого переименованием площади Зимнего дворца и Таврического дворца в площадь и дворец имени тов. Урицкого, а также послать подарок тов. Ленину от Петроградского Совета. В качестве подарка будет послан большой портрет Карла Маркса. Портрет будет покрыт подписями членов Совета. На этом заседание закрывается в 10 час. 30 мин. вечера.

Резолюция.

С невыразимой радостью Петроградский Совет Рабочих и Красноармейских депутатов узнал сегодня о том, что

вождь мирового социалистического пролетариата тов. Ленин находится на пути к выздоровлению.

Буржуазные убийцы целили прямо в сердце международного пролетариата! Они прекрасно знали, что не может быть более сильного удара для рабочих-социалистов всех стран, как убрать с поля битвы пламенного борца, вождя поколений, величайшего из вождей рабочего класса после Карла Маркса.

Покушение на тов. Ленина, убийство тов. Володарского и Урицкого, покушение на тов. Зиновьева, покушение на штаб 3-ей Армии, взрыв воинского поезда под Балашовым, взрыв Курского вокзала в Воронеже—все эти злодеяния организованы партией правых эс-еров.

Партия правых эс-еров через своих вождей Керенского, Гоца, Чернова, Авксентьева, Савинкова, Руднева—давно уже продалась буржуазии. Савинков и Керенский участвовали в заговоре Корнилова. Гоц и Руднев организовали юнкеров для палаческой расправы с рабочими. Чернов и Авксентьев уговаривали крестьян не отбирать земли у помещиков.

Теперь партия правых эс-еров действует вместе с монархистами и черносотенцами. Она является ни чем иным, как шпионской и провокаторской агентурой англо-французских банкиров. Советская Республика является осажденной крепостью. Английские капиталисты не скрывают того, что через своих агентов они надеются еще больше расстроить дело нашего продовольствия и уморить рабочих голодом.

Английские и японские банды идут на нас войной. Правые эс-еры, меньшевики, черносотенные офицеры, попы, кулаки подымают белогвардейские восстания в тылу и применяют белый террор.

В ответ на это мы заявляем: нашу рабоче-крестьянскую Республику мы превращаем в военный лагерь. Военное положение об'является повсюду. Партию правых эсеров, меньшевиков, белогвардейцев мы об'являем стоящими вне закона. На белый террор буржуазных убийц, мы ответим красным террором пролетариев, защищающих жизнь своего класса и идеалы социализма,

Отдадим свои лучшие силы на дело построения Крас-

ной армии. Будем мобилизовать год за годом. Будем ковать свою новую рабоче-крестьянскую армию.

К нашим братьям, стоящим на фронтах, мы взываем:— забудьте слово „назад", знайте только слово: „вперед". Вы боретесь за счастье и волю народа, за социализм, за Советскую власть.

Мы—с вами. Победить, или умереть—вот наш лозунг. За вами стоит вся рабочая и крестьянская Россия.

Да здравствует всемирная Коммуна! Да здравствует ее великий вождь Владимир Ильич Ульянов Ленин!

„Петроградская Правда"
от 6 и 7 сентября 1918 г.

ЗАСЕДАНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
2 сентября 1918 г.

Перед открытием заседания председательствующий тов. Свердлов в связи с покушением на тов. Ленина отметил громадную роль Владимира Ильича в русском и мировом революционном движении, как воспитателя трудящихся масс в революционном духе. Выражая надежду на скорое выздоровление тов. Ленина, тов. Свердлов предлагает следующую резолюцию, принятую единогласно:

„Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет выражает глубокое негодование по поводу гнусного покушения агента контр-революции на жизнь вождя рабочего класса и крестьянской бедноты тов. Ленина, самого выдающегося представителя современного революционного социализма во всем мире.

ВЦИК шлет ему пожелания скорейшего выздоровления. Это неслыханное посягательство на самую драгоценную для мирового пролетариата жизнь подготовлено предательской агитацией ренегатов социализма, вдохновлено черной сотней и оплачено золотом англо-французского империализма.

В лице тов. Ленина российская контр-революция, руководимая партией правых эс-эров и штабом генерала Алексеева хотела поразить великие завоевания Октябрьской

революции и нанести тяжелый удар рабочему классу. ВЦИК глубоко уверен, что преступные посягательства наймитов буржуазии не внесут смущения в ряды революционного пролетариата и не ослабят борьбы за утверждение социального строя и за уничтожение контр-революции.

ВЦИК призывает трудящиеся массы к укреплению своих организаций. Вместе с тем ВЦИК дает торжественное предостережение всем холопам российской и союзнической буржуазии, предупреждая их, что за каждое покушение на деятелей Советской Власти и носителей идей социалистической революции будут отвечать все контр-революционеры и все вдохновители их. На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов".

ИЗ РЕЧИ Л. Д. ТРОЦКОГО НА ЗАСЕДАНИИ ВЦИК
2 сентября 1918 г.

Товарищи! я не предполагал иметь возможность в эти дни выступать перед вами, перед высшим органом Советской Республики, и явился я сюда не по делам того ведомства, в котором работаю, а вызванный известием о покушении на тов. Ленина. В разговоре с товарищами по этому поводу я иначе не мог формулировать создавшееся положение, как тем, что, на-ряду с фронтами, которые у нас имеются, у нас создался еще один фронт—в грудной клетке Владимира Ильича, где сейчас жизнь борется со смертью и, как мы надеемся, борьба будет закончена победоносно для жизни. На наших фронтах победа чередуется с поражениями. Есть много опасностей, но все товарищи, несомненно, признают, что этот фронт—кремлевский фронт—сейчас является самым тревожным фронтом.

На фронте, на том фронте, весть о покушении на вождя рабочего класса не вызвала подавленности и упадка, насколько я мог судить по первому впечатлению,—нисколько, наоборот, вызвала прилив ожесточения и прилив воли к революционной борьбе. Я не должен говорить, как отнеслись сознательные борцы на фронте к тов. Ленину, когда узнали, что он лежит с двумя пулями в теле.

Мы знали, что о тов. Ленине по характеру никто не может сказать, что ему не хватает металла, сейчас у него не только в духе, но и в теле металл, и он будет еще дороже рабочему классу России.

Обращаясь к тылу фронта, я должен сказать, что не могу, к сожалению, доложить о решающих победах, но я с полной уверенностью должен сказать, что эти победы предстоят впереди, что наше положение твердо и прочно и что произошел решительный перелом, что мы теперь застрахованы, поскольку можно быть застрахованными от крупных неожиданностей, и каждая неделя будет усиливать нас за счет наших врагов. Что касается армейских масс, то они прошли известную школу, и боевую и политическую, и в этом направлении огромную роль сыграли те передовые рабочие Москвы и Петрограда, которые были отправлены на фронт. Трудно оценить то значение, которое имеет там каждый сознательный передовой рабочий. В самый критический момент, когда Казань пала и возобновились бои, т.т. коммунисты все вынесли на своих плечах.

Но есть и элементы, которые предают нас при каждом удобном случае; есть элементы шатающиеся, которые нуждаются в железном корсете, и такими железными корсетами являются 1—2 добрых коммуниста. Без коммунистов там наша армия будет небоеспособна, и если здесь многие жалуются на то, что мы обезлюдили целый ряд важнейших учреждений, то я это вполне понимаю. Эти жалобы, исходящие из известных органов, вполне понятны и естественны.

Если мы там не сломим напирающие силы, разумеется, все советские учреждения пойдут на слом, и основная советская политика сейчас действует в Казани, в Симбирске, в Самаре и на других участках нашего фронта. Поэтому все те элементы, которые вы можете дать,— дайте. Вы об'явите, что дело фронта есть сейчас центральное дело, и что вся страна является резервуаром питания этого фронта.

Вы переведете страну на положение военного лагеря; вы централизуете дело снабжения и представите в распоряжение его все необходимые рессурсы страны; вы цен-

трализуете военные управления, передавши всю военную власть в руки Военно-Революционного Совета.

Этим вы толкнете вашу волю к победе и к жизни, и, будем надеяться, что те немногие недели, в которые вождь рабочего класса встанет на ноги, мы победим на других фронтах и что весть о падении нашего врага в Самаре, Симбирске, Уфе, Оренбурге, Сибири пройдет на том заседании нашего ЦИК'А, где нашим дорогим гостем будет тов. Ленин.

„Известия ВЦИК", 3 сентября 1918 г.

ПОКУШЕНИЕ НА ЛЕНИНА.

(Страничка воспоминаний).

30 августа 1918 года я ехал с собрания на Васильевский остров. У Дворцового моста—смятение и тревога.

— В чем дело?

— Сию минуту убит Урицкий.

Всего несколько недель тому назад, едучи с Обуховского завода, я таким же образом под'ехал к месту убийства Володарского, где застал его бездыханное, но еще теплое тело.

Из Смольного позвонил Владимиру Ильичу. С волнением он выслушал сообщение о гибели Урицкого. „Я попрошу сегодня же тов. Дзержинского выехать к вам в Петроград".—Через несколько минут Владимир Ильич позвонил сам и настоятельно потребовал, чтобы были приняты особые меры охраны других наиболее заметных питерских работников.

* * *

А вечером того же дня покойный Я. М. Свердлов позвонил мне из Москвы и сообщил о тяжелом ранении самого Владимира Ильича. Мы условились с ним о том, что через каждые полчаса он будет звонить о состоянии здоровья,—выехать в Москву для меня было совершенно невозможно.

Положение раненого с каждым часом становилось все хуже и хуже. При каждом новом звонке волнение Якова Михайловича [1]) увеличивалось и его покидала обычная невозмутимость. А в моем кабинете сидела, как приговоренная к смерти, группа ближайших товарищей и с трепетом ждала этих тревожных звонков.

---

[1]) Речь идет об Я. М. Свердлове.

* *
*

6 сентября. Заседание Петроградского Совета. Внимание напряжено до последней степени. „Товарищи, в моих руках телеграмма, написанная уже самим тов. Лениным“,—говорю я. Совет разражается ураганом восторженных аплодисментов. „Телеграмма эта подана сегодня, в 1 ч. 10 м. дня из Кремля. Это, повидимому, первая телеграмма тов. Ленина после начала выздоровления. Тов. Ленин дает нам некоторые деловые указания и заканчивает телеграмму следующими словами: „Дела на фронте идут хорошо, не сомневаюсь, что пойдут еще лучше“. Таким образом, товарищи, ясно одно, что тов. Ленин будет жить на страх врагам коммунизма и на радость пролетариям-коммунистам“.

Буре восторгов, казалось, не будет конца. Такая же радость за выздоравливающего вождя, за лучшего учителя и друга пронеслась по всей стране. В каждой рабочей казарме, в каждой хижине крестьянина, куда донеслась эта весть,—она вызвала радость.

* *
*

Прошло еще несколько дней. Тревоги в Петрограде улеглись. Я в Москве. С покойным Я. М. Свердловым мы едем к Владимиру Ильичу, который живет и поправляется от раны за городом. Похудел, осунулся, но как бы помолодел. Рука повязана. По поводу покушения и состояния своего здоровья не хочет распространяться,—только пара шутливых слов. Через минуту переходим к деловым разговорам, связанным, увы, с Брестским миром.

* *
*

Как мать еще более горячо полюбит сына после постигшей его большой опасности, так страна наша, да и рабочие всего мира, еще больше, еще беззаветнее полюбили Владимира Ильича после той опасности, которая угрожала ему в первые дни сентября 1918 года.

Г. Зиновьев.

„Известия ВЦИК“, 30 августа 1923 г.

О ПЕРВОМ ПОКУШЕНИИ НА В. И. ЛЕНИНА 1 ЯНВАРЯ 1918 Г.

(Отрывок из статьи Г. Зиновьева).

О первом покушении на жизнь Владимира Ильича стали совсем позабывать. Сегодня уместно вспомнить и о нем.

1 января 1918 г., когда тов. Ленин только что от'ехал от Михайловского манежа, где он выступал на митинге перед первым отрядом социалистической армии, уезжавшим на фронт, автомобиль его был обстрелен сзади. Кузов автомобиля оказался простреленным навылет и был продырявлен в нескольких местах. Сидевший вместе с товарищем Лениным в автомобиле тов. Платтен был ранен в руку.

Это произошло в труднейшей обстановке начинавшей разгораться гражданской войны. На 5-е яиваря, т.-е. четырьмя днями позже, эс-эрами и меньшевиками была назначена пресловутая демонстрация в честь учредительного собрания. В те дни в Петрограде выходила еще легально буржуазная и эс-эровская печать. Эс-эровское „Дело Народа“ в течение нескольких недель вело неприкрытую террористическую агитацию устами Гоца, „тайно“ намекая на то, что следует „смертью смерть попрать“. Нет никакого сомнения в том, что это первое покушение на Владимира Ильича фактически было инспирировано эс-эрами. Наглость эс-эров дошла до того, что на завтра после покушения „Дело Народа“ с цинизмом писало об „инсценировке“ покушения и намекало на то, что большевики сами устроили его. В вихре событий первое покушение на Владимира Ильича вскоре было забыто.

Г. Зиновьев.

„Правда“, 30 августа 1923 г.

ПЕРВОЕ ПОКУШЕНИЕ НА В. И. ЛЕНИНА.

1 (14) января 1918 года по старому стилю, под вечер В. И. выступал в Михайловском манеже перед первым отрядом социалистической армии, уезжавшим на фронт. На митинг его сопровождали: швейцарский тов. Платтен

и пишущая эти строки. Выйдя после митинга из манежа, мы сели в закрытый автомобиль и поехали в Смольный. Но не успели мы от'ехать и нескольких десятков саженей, как сзади в кузов автомобиля, как горох, посыпались ружейные пули. „Стреляют“,—сказала я. Это подтвердил и Платтен, который первым долгом схватил голову В. И. (они сидели сзади) и отвел ее в сторону, но Ильич принялся уверять нас, что мы ошибаемся, и что он не думает, чтобы это была стрельба. После выстрелов шоффер ускорил ход, потом, завернул за угол, остановился и, открыв двери автомобиля, спросил: „Все живы“—„Разве в самом деле стреляли?“—спросил его Ильич. „А то как-же,—ответил шоффер,—я думал, никого из вас уже и нет. Счастливо отделались. Если бы в шину попали, не уехать бы нам. Да и так ехать-то очень шибко нельзя было—туман, и то уже на риск ехали“. Все кругом было, действительно, бело от густого питерского тумана.

Доехав до Смольного, мы принялись обследовать машину. Оказалось, что кузов был продырявлен в нескольких местах пулями, некоторые из них пролетели на вылет, пробив переднее стекло. Тут-же мы обнаружили, что рука тов. Платтена в крови. Пуля задела его, очевидно, когда он отводил голову В. И., и содрала на пальце кожу.

„Да, счастливо отделались“,—говорили мы, поднимаясь по лестнице в кабинет Ильича.

М. Ульянова.

„Правда“, 14 января 1925 г.

РОДНОЙ.

(„Правда“, 4 сентября 1918 г.).

— Как, говоришь, его зовут?

— Владимир Ильич.

— Вот как! Да ведь я же слыхал, да в памяти не удержалось. Даже неловко, как это я запамятовал.

— Это, брат, неудивительно: не до имени тут, в котле кипим.

— А теперь вдруг, как родной стал, о нем только и думается. Это очень, очень большой человек, я лишь умом чувствовал в нем своего человека, а теперь сердце захва-

тило и стало страшно: а вдруг бы его не стало. Вот осиротели бы, упаси, господи! Хорошее имя какое: Владимир Ильич,—с удивительной нежностью старик-рабочий передавал свои чувства соседу за работой.

И работа не спорилась, как только узнали из газет о покушении на тов. Ленина.

Везде на заводах большая часть рабочих менее проявляет свою активность к политической жизни, она больше слушает, чем говорит, но это мучительно гнусное покушение не только заставило всех говорить, оно удивительно об'единяюще на всех подействовало. И надо было случиться этому несчастью, чтобы увидеть, что таится в обычно замкнутом суровой жизнью сердце рабочего. Незаметно для него самого оно расширилось и обнаружило огромный запас нежности к своему великому товарищу, только она проявилась самым необычным, невыдуманным и безыскусственным образом: „Хорошее имя какое—Владимир Ильич".

Первый бюллетень мог посеять тревогу и ожидание осложнений в здоровьи раненого, но, странное дело, такой тревоги не замечалось: в массах была полная уверенность в выздоровлении больного. Словно между ним и пролетарской массой образовались миллионы невидимых нитей, по которым масса ежесекундно бессознательно информировалась о состоянии его здоровья. Как будто она думала: „как может перестать биться сердце, если организм жив; ведь он—это сердце и мозг пролетариата и всех прежде угнетенных,—а ведь пролетариат еще жив".

После митинга толпа рабочих окружила оратора; один с укором ему говорит:

— „Пока гром не грянет, мужик не перекрестится", так и вы: толкуете все время о белогвардейцах, контр-революционерах, гражданской войне, о врагах. действующих исподтишка,—как же вы при всем этом выпускали т. Ленина на митинг? Мало ли какая сволочь может туда пробраться. Вашего брата тоже надо было бы вздуть, как следует быть.

В толпе заговорили все сразу.

— Что он—тебе шутка!

— Добровольно на плаху голову кладут.

— Мало ли ему работы?

— Газеты есть: два слова написал и то довольно.

— Надо бы на Чрезвычайку нажать.

— Уж такое разгильдяйство, прямо слов нету.

— Выбираем, выбираем, а что они там делают, неизвестно.

— Хоть иди да сам берись.

— Отчет требовать надо...

Возбуждение не унималось, наконец, докладчику удалось перекричать:

— Да что вы на меня напали? Подите сами, запретите ему ходить на митинги, так он вас послушает!

— И послушает!—выкрикивает голос.—Как не послушает, обязан послушать. Как мы его слушаем, так и он.

— Правильно,—загудели вокруг и опять заговорили.

— Не для себя требуем, для дела.

— Не двадцать человек, один он—ну, и береги.

— Поди ты, одного выпускают, черти эдакие!

— Конечно, он пойдет, к своим идет, так ты его обереги, как следует!

— Не надо итти, совсем не надо, коли враг на каждом углу.

— Ей-богу, приедет на митинг, свистать начну!—кричит в запальчивости молодой голос.

От этого восклицания сразу все замолкли и через мгновение раздался хохот.

— Экий, Смирнов, черт!

В зал вбегает мальчишка и кричит:

— Экстренное прибавление! Ленин выздоровел.

— Ну, раз сказал все, так и уходи, не мешай,—замечает ему один рабочий, а сам вынимает кошелек и про себя ворчит: „надо взять газету,—мелюзге недорого соврать“.—Читает: „Официальный бюллетень № 7. 1 сентября 1918 г. в 7 часов вечера. Пульс 125, дыхание 34, температура 38, после проверки оказалось, что заражения крови нет“.

— Будет жить!

— Надо подтянуться...

— И уже без пощады.

И. Р.

К МОМЕНТУ.

На удар из-за угла
Мы ответим им
Бурным шквалом...
Где сгустилась,
Опустилась
Снова мгла
Тысячелетий,
Там отметим
И осветим
Мы свой путь рассветом алым!..
За оружие! Под стяг
Обагренный
Кровью павших,—
Наши крылья
Ждут усилья...
Пусть в сердцах,
В борьбу влюбленных,
Вспыхнет знойно,
Беспокойно
Пламя мести для восставших...
Мы не будем ожидать
Безмятежно
Злого срока.
Мы готовы,
В час суровый
Наступать
Волной железной,
Сквозь туман
На черный стан
Вековых врагов Востока!...

В. Александровский.

„Правда“, 5 сентября 1918 г.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ.

Выстрелы в спину и в затылок, которые почти одновременно раздались в Москве и в Петербурге и которые так знаменательно совпали с заговором, разработаным в дипломатическом притоне мистера Локкарта [1]), с необычайной резкостью подчеркнули генеральное размеживание двух мировых лагерей.

Со всех концов России несутся тысячи телеграмм от рабочих советов, от отдельных фабрик, от фабрично-заводских комитетов, от профессиональных союзов,—отовсюду. Тут и булочники, и дворники, и типографы, и металлисты, и резинщики,—словом все цехи и профессии, весь рабочий пролетариат. Характерная черта: даже те рабочие, которые отнюдь не были на стороне большевиков, вдруг внутренне почувствовали, что нападение на коммунистического вождя есть нападение на рабочий класс. Таков смысл резолюции, вынесенной на громадном собрании на Александровской железной дороге. Классовый инстинкт заставил встрепенуться даже самых отсталых.

Посмотрите на громадные груды телеграмм, резолюций, адресов. Тут есть и целые художественные произведения, разрисованные трудолюбивой рукой товарищей-рабочих, отдававших, быть может, последние ночные часы этой работе,—лишь бы только показать и доказать не «преданность», а горячую товарищескую любовь к самому лучшему из лучших товарищей, к тому, кто стоит впереди.

---

[1]) Почти в одно время с покушением на тов. Ленина и убийством Урицкого, Всероссийской Чрезвычайной Комиссией в Москве был открыт большой заговор против Советской власти. Центром этого заговора была британская миссия в Москве, начальником которой был Локкарт. Целью заговора была организация восстания в Москве, захват Совнаркома, установление военной диктатуры и т. д.

Тут есть слова, которые проникают в сердце. Рабочие не пишут обычно даже официального выражения: «Председатель Совета Народных Комиссаров». Они говорят просто: «дорогой товарищ, Владимир Ильич», а то и еще проще: «дорогой Ильич».

Так говорят только те, кто, действительно, всем сердцем связан с человеком, это действительно, человеческий, товарищеский, коммунистический язык.

Горе и тревога пролетариата были так велики, что они заразили лучших из социалистической интеллигенции, поскользнувшейся и почти окончательно павшей. Максим Горький выразил это достаточно ярко своей сдержанной, но полной горячего сочувствия телеграммой.

Несомненно, что такое же впечатление произвело покушение на вождя коммунизма и за границей. Тяжело вздохнула грудь мирового пролетариата; тревожно забилось его сердце,—ранен великий вождь! И едва только долетели первые вести об опасности, как центральный штаб мировой революции—Интернациональная Социалистическая Комиссия циммервальдцев[1])—прислал от «имени всех социалистических партий, которые видят в Российской Советской Республике рабочих и крестьян освобождение угнетенных всех стран», телеграмму с приветом коммунистам, с проклятием убийцам коммунизма, с глубокой скорбью и печалью по поводу смерти тов. Урицкого и кровавых ран пролетарского вождя.

Здесь-то и скрывается вся глубина падения эс-эров и их сподвижников. Чернов, с высоты учредительного собрания еще осмелившийся говорить о Циммервальде, должен чувствовать на своем лбу каинову печать предателя и ренегата: эту печать приложил ему сам Циммервальд. Все, что есть революционного в рабочих массах Европы, подает руку коммунистам. Все, что есть реакционного,—короли, архиереи, папы римские, генералы, палачи рабочего класса, штатские, военные и духовные,—все они сейчас на стороне убийц. С одной стороны, рабочий революционный коммунистический блок, с другой—черный блок собственников, начиная от американского миллиардера и кон-

[1]) Третий Коммунистический Интернационал организовался значительно позднее, именно, в марте 1919 года, в Москве.

чая мелким лавочником и обиженным интеллигентом. Штаб одного блока — Советская власть и Интернациональная Комиссия, штаб другого блока—тайный притон Локкарта и Лаверна, этих гнусных воров с большой дороги дипломатического разбоя.

И если товарищу Ленину, теперь всеми признанному руководителю мировой революции, пришлось показать необычайную твердость, самообладание и революционное мужество, то распутный, грязный аферист Локкарт с неизменными своими спутницами из дам полусвета, с тайным фондом для подкупа, с приемами лощеного дипломата и уголовного громилы, сумел раскрыть всю низость гнющего на корню мира наживы и разбоя.

Столкнулись два мира. Бой идет жестокий и беспощадный, такой, какого еще никогда не было в истории. За ним последует неизбежная победа мирового пролетариата.

Передовая статья „Правды“, сент. 1918 г.

ИЗ СТОКГОЛЬМА.

Интернациональная Социалистическая Комиссия шлет русским товарищам от имени всех социалистических партий, которые видят в Российской Советской Республике рабочих и крестьян освобождение угнетенных всех стран, выражения глубокой солидарности в виду борьбы соединенных сил империализма всех стран.

Вечная память тов. Урицкому.

Товарищу Ленину, в лице которого враги народа хотели сразить предводителя международной революции, Интернациональная Социалистическая Комиссия шлет горячее пожелание скорейшего выздоровления на процветание общего дела социализма.

Пусть угнетенные и эксплоатируемые всех стран поднимутся, чтобы защитить русскую революцию от международной реакции.

„Известия ВЦИК“ 4 сентября 1918 г.

ТЕЛЕГРАММА ШВЕДСКИХ СОЦИАЛИСТОВ.

Из Стокгольма получена телеграмма следующего содержания:

„Шведская левая социалистическая партия шлет русским товарищам свой братский привет и желает успеха в их геройской борьбе.

Оплакивая смерть мужественного тов. Урицкого, шлем сердечные приветы и пожелания скорейшего выздоровления, знаменосцу международной, освободительной борьбы, тов. Ленину".

А. Стрем.

„Известия ВЦИК", 6 сентября 1918 г.

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ШВЕЙЦАРИИ.

Русскому посланнику Иоффе, Берлин.

Берн, 2-го сентября в 5 час. вечера.

Прошу телеграфировать Ленину:

Представительство Швейцарской социал-демократической партии, возмущенное коварным покушением отчаявшихся контр-революционеров на жизнь признанного вождя русского и сознательного европейского пролетариата, выражает вам свое сердечное сочувствие.

По распоряжению: секретарь Платтен.

Русскому посланнику Иоффе, Берлин.

Берн, 2 сентября.

Телеграфируйте Ленину:

Желаем выздоровления, врагам на позор, нам на радость.

Батурин. Берзин. Любарский. Покровская. Шкловский. Залкинд.

ОТ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБ. и КР. ДЕП.

Разбитые в открытом бою наемники русского и иностранного капитала решились прибегнуть к единственному средству, достойному издыхающей буржуазной реакции—к убиству из-за угла.

Вчера рукой правого эсера вырван из наших рядов

незабвенный тов. Урицкий, неутомимый борец за коммуну, гроза всех агентов контр-революции.

Вчера же чья-то преступная рука посягнула на жизнь вождя миллионов пролетариев, величайшего борца, какого знала история после Маркса. Как Монблан, высится эта фигура над всем мировым рабочим движением наших дней. Буржуазия всех стран одинаково ненавидит этого апостола рабочей коммунистической революции, но бесконечно любит тов. Ленина все, что есть честного, стойкого в российском и международном пролетариате. Мы хорошо знаем, кто является действительным убийцей товарища Урицкого и организатором покушения на жизнь тов. Ленина. Зматерелые убийцы, англо-французские империалисты, те самые, которые вдохновляли убийство Жореса, об'единились с русской контр-революцией, начиная от царских генералов и кончая правым эсером. Это один отвратительный, смрадный клубок интриг и преступлений против нашего народа. С замиранием сердца все рабочие Петрограда следят за ходом болезни тов. Ленина — нашего вождя. Тов. Ленин стал нам еще во сто раз дороже, чем был до сих пор. Мы на посту. Рабочие Петрограда отомстят за каждую каплю священной крови передовых бойцов коммуны.

Да здравствует вождь великой рабочей коммуны, товарищ Ленин!

По поручению Петросовета

Г. Зиновьев.

„Правда“, 1 сентября 1918 г.

АРМИЯ В ОТВЕТ НА ПОКУШЕНІЕ.

Штаб N-ской армии.

В то время, как N—ская армия и весь пролетариат свободного Урала, в священном союзе с пролетарием Питера и Москвы, Китая, Австрии и Германии, на Урале наносит врагу Советской власти, врагам пролетариата, один за другим победоносные удары, когда прихвостни буржуазии, темные гады подавленного капитализма, угнетатели и поработители деревенской бедноты и фабричного пролетариата, растерянно бегут, спасая свою жалкую жизнь,

рассыпаются по лесам и ищут спасения,—в это время, в момент победы пролетариата, двумя злодейскими выстрелами из-за угла ранен наш великий вождь, тов. Ленин, вождь всех пролетариев России, вождь всех трудящихся масс всего мира.

Ранен тов. Ленин, под руководством которого Красная армия и все трудящиеся массы борются с контр-революцией, окончательно освобождая пролетариев от гнета капиталистов и кулаков.

Если наймиты буржуазии осмелились покушаться на нашего великого вождя, то пусть теперь все капиталисты, богачи, буржуа, кулаки, все лакеи буржуазии помнят, что железная рука восставшего пролетариата опустится на голову гадов капитализма; за каждую каплю твоей крови, тов. Ленин, N-ская армия в открытом бою отмстит тысячу раз.

Солдаты и рабочие Красной армии! Приказываю вам беспощадно истреблять врагов наших. Сомкнутыми рядами, с высоко поднятым красным знаменем идите в бой. Пусть враг чувствует месть пролетариата! Вперед за революцию рабочих и крестьян! Вперед за нашим славным вождем, тов. Лениным. Он был всегда с нами и мы будем с ним.

Врагам пощады не будет. Малейший мятеж, малейшую попытку восстать против Советской власти в тылу или на фронте приказываю карать огнем и мечем. Сомкнутыми организованными рядами восставшие рабочие и крестьяне победят своих врагов.

Вперед! Да здравствует наш вождь—тов. Ленин!

Ком. войсками N-ской армии Берзин.

С ЮЖНОГО ФРОНТА.

Родной наш вождь! Все войска южного фронта до нестерпимой боли поражены злодейством, совершенным над тобой подлыми наймитами англо-французской буржуазии, которая купила чехо-словаков и вместе с кулаками и казаками бросила их на войну с российской рабочей и крестьянской Республикой. Армия потрясена совершенным над дорогим главой Республики злодеянием, армия крепко

стиснула в своих руках винтовки, пододвинулась к пулеметам и пушкам, затягивая врагов самым тесным кольцом, сплотилась вокруг своего вождя Ленина: „не отдадим нашей социалистической республики никому". Кровь из ран вождя смоет все недуги и недостатки наши, осветит наши знамена, чтобы они победно развевались перед социалистической Республикой, когда мы принесем их в Москву на победоносных штыках.

Смерть врагам! Да здравствует дорогой вождь рабочих и крестьян и молодой Красной армии!

Подвойский.

ОТ ШТАБА ВОСТОЧНОГО ФРОНТА.

Реввоенсовет восточного фронта вместе со всеми армиями фронта, вместе со всей честной, мыслящей Россией, вместе с угнетенными всего мира, глубоко возмущен дерзким покушением на тов. Ленина. Мы не предаемся скорби и отчаянию, это не удел борющихся за мировую социалистическую революцию, наша скорбь, наше отчаяние только усугубили бы тяжелые минуты нашего горячо любимого вождя. Но не предаваясь скорби, мы не забываем тяжкой боли.

Раны Владимира Ильича—наши раны. Его физическая боль жжет огнем наши сердца больнее, чем вражья пуля.

С этого момента мы стали еще бодрее, непримиримее, еще беспощаднее к дерзкому врагу. Несокрушимой каменной стеной пролетарского ополчения мы раздавим векового врага. Девятым валом пролетарского гнева мы смоем его с лица земли вместе со всеми его прислужниками.

Каждая капля крови мирового вождя пролетариата будет отомщена массовым уничтожением всех тех, кто с оружием в руках и ядом в сердце в открытом бою или предательскими действиями выступает против пролетариата, покушаясь на его избранников, на властителя дум всего мира, на отца рождающегося III Интернационала.

Долой скорбь и уныние. Месть беспощадная всем врагам, смерть паразитам трудящихся масс.

„Известия ВЦИК", 3 сентября 1918 г.

ПИСЬМО КРАСНОАРМЕЙЦЕВ.

Дорогому тов. Ленину от красноармейцев 5-й роты 3-го московского советского пехотного полка.

Шлем привет тебе, наш добрый, славный вождь, дорогой наш товарищ, Владимир Ильич.

Мы глубоко возмущены преступными выходками наших врагов, осмелившихся вывести тебя из строя, из рядов наших великих вождей, которые ведут нас к новой жизни, в новое царство социализма, где нет ни богатых, ни бедных, ни эксплоататоров, ни эсплоатируемых, где все равны, все труженики.

Дорогой товарищ, Владимир Ильич, мы, красноармейцы 5-й роты 3 Московского советского полка, поняли вас, оценили и признали, как одного из великих вождей всемирного пролетариата, поставившего целью себе освобождение трудящегося класса от рук эксплоататоров, от разбойнической шайки и бандитов, каковыми являются буржуазия, капиталисты, веками пьющие народную кровь, от правых с.-р. лже-социалистов и изменников народа, продавших тебя за тридцать серебренников англо-французам, от царских генералов, от попов, обманывающих народ, от белогвардейских банд и от разлагающейся меньшевистской партии.

Освобождение рабочего класса и беднейшего крестьянства от ига капиталистов—твоя заветная мечта, твоя цель, твой высокий идеал, перед которым горишь ты, как факел, зажженный революционным огнем, лучи котораго светят всем угнетенным всего мира.

Ты первый воплотил в жизнь идеалы нашего учителя Маркса, ты гордо и смело шел, как солнце из мрака и туч к своей заветной великой цели, не зная ни усталости, ни преград, пока предательская рука не вывела тебя из строя.

Дорогой товарищ, Владимир Ильич, красноармейцы уже занесли ногу, чтобы придавить всех преступников против народа, всех червяков, внушающих лишь отвращение.

А тебя за твои великие подвиги и самоотверженную душу, мы, красноармейцы, называем великим, всемирным пролетарским вождем.

Мы чувствуем твою физическую и душевную боль, мы знаем, что раны твои лечат самые лучшие врачи—коммунисты и желаем от души, чтобы они скорее зажили, а душу твою будем лечить мы, красноармейцы, мы знаем, какие ей нужны лекарства, первое из них—уничтожение класса буржуазии, второе — уничтожение белой гвардии, третье лекарство—сокрушение чехо-словацких банд, очищение от них Сибири, чтобы взять оттуда хлеб, который нужен нам.

Мы все стоим на своих постах, мы все глубоко преданы святому делу революции и все перечисленные наши лекарства мы будем применять и пусть они послужат лучшими средствами для выздоровления твоей души и тела, чтобы ты мог справить вместе с нами первый светлый торжественный праздник в царстве социализма.

Желаем тебе всего лучшего и прекрасного—скорейшего выздоровления, дорогой товарищ.

„Известия ВЦИК“ 6 сентября 1918 г.

КРАСНОАРМЕЙЦЫ:

Резолюция тов. красноармейцев первого железного отряда защиты пролетарской революции, 3 Онежского партизанского и 2 Советского отрядов:

„Заслушав доклад о покушении на тов. Ленина и крепко сжав в руках винтовку, единогласно заявляем всему миру подлых конт-революционеров.

Горе вам, поднявшим свою подлую руку на защитников трудового, рабочего класса. На ваш белый террор мы ответим кроваво-красным террором.

Кровь за кровь!

Будем мстить и мстить до конца, пока не уничтожим всех врагов народа. За каждого убитого нашего борца мы уничтожим сотню представителей буржуазии и их приспешников, осмеливающихся поднять свою голову.

Мы покажем всю ширь, мощь рабочей руки. Призываем всех товарищей красноармейцев тесней сомкнуть свои ряды вокруг красного знамени коммунизма, крепче сжать в руках винтовку и на вызов подлецов ответить мощным ударом.

Да здравствует власть Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов!

Да здравствует Красная армия!

Все в ее ряды!

„Известия ВЦИК“ 3 сентября 18 г.

РАБОЧИЕ МАССЫ И ПОКУШЕНИЕ НА ТОВ. ЛЕНИНА.

Фабрика Богорова.

Фабрика Богорова, Сокольнического района, где нет ни одного члена партии коммунистов в ответ на покушение на тов. Ленина выделила добровольцев рабочих для отправки на фронт.

„Известия ВЦИК“ 6 сентября 1918 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ЗАВОДСКОГО КОМИТЕТА ПЕТРОГРАДСКОГО ПАТРОННОГО ЗАВОДА.

Да здравствует диктатура пролетариата!

Заводской комитет Петроградского патронного завода возмущенный гнусным и предательским убийством из-за угла передового борца за идеал рабочего класса тов. Урицкого и покушением на вождя рабочих тов. Ленина, выражает свое глубокое презрение наемным убийцам англо-французского капитализма и всем врагам рабочего класса.

Помня, что только борьбой можно достигнуть конечного идеала рабочего класса—социализма—возглашает: да здравствует беспощадная борьба рабочего класса с врагами народа!

Да здравствует диктатура пролетариата!

Да здравствует красный террор против контр-революции!

„Петроградская Правда“ 1 сентября 1918 г.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ БОРЦЫ ЗА БУДУЩЕЕ ТРУДОВОГО НАРОДА!

Мы, рабочие и служащие Волховской фабрики Кузнецова, на общем собрании в память погибшего от злодейской руки нашего дорогого, ценимого тов. Урицкого и ранении тов. Ленина вынесли след. резолюцию:

Клеймить проклятием врагов социалистической революции. За их злодейские поступки ответить самыми суровыми расправами.

Мы видим, что наши враги, не в силах что-либо сделать, прибегают к последнему позорному и безнадежному действию.

Но этим нас не устрашат и не прервут пути социалистической революции.

Мы, как авангард в неминуемо-грядущей мировой революции, еще с большими усилиями и тесно сомкнутыми рядами будем пролагать путь укрепления революции.

Шлем жестокое проклятие и гибель врагам!

Да здравствует Советская власть!

Да здравствуют неутомимые наши передовые товарищи-борцы за светлое будущее трудового народа!

Да здравствует грядущая мировая революция!

Председатель И. Степанов.

„Петроградская Правда“, 3 сентября 1918 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.

Общее собрание мастеров и рабочих Московского района Александровской железной дороги, заслушав доклад тов. Ярославского о покушении на жизнь тов. Ленина, заявляет, что оно относится с презрением и негодованием к тем, кто пытается выстрелами из-за угла убить вождя рабочих и беднейших крестьян. Пусть долго еще его могучая мысль работает на благо рабочего класса до полного освобождения трудящихся.

„Правда“, 4 сентября 1918 г.

ДОРОГОЕ ПРИВЕТСТВИЕ.

Среди массы телеграмм получено следующее письмо и приветствие тов. Ленину.

„Товарищи! Я прошу вас напечатать мое письмо в вашей газете. Я очень люблю тов. Ленина и болею за него, а ему

самому не могу сказать об этом. У меня нет папы, а есть только мама и Ленин!! Мама не знает, что я написала вам, она очень расстроена".

Наташа Вознесенская.

Вот письмо:

„Будь здоров, дорогой!! Я расту для твоей работы. Мама учит агитаторов на Сретенском бульваре. Я тоже буду учить, чтобы шли за тобой.

Любящая дочь Наташа.

„Правда", 7 сентября 1918 г.

ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ О ПОКУШЕНИИ НА ЛЕНИНА.

Московский комитет партии левых эсеров доставил нам нижеследующее извещение:

„Центральный комитет партии левых эсеров оповещает партийные организации о своем резко отрицательном отношении к покушению белогвардейцев на Председателя Совета Народных Комиссаров—Ленина".

Центр. ком. партии левых социалистов-революционеров.

„Правда", 1 сентября, 1918 г.

ОТ МИРНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ИЗ КИЕВА [1]).

„Вместе с нашей великой радостью по поводу неудачи возмутительного покушения против вас, дорогой Владимир Ильич, выражаем горячие братские пожелания скорейшего выздоровления.

Ничтожные политические авантюристы, потерявшие доверие народных масс и неспособные бороться в открытом бою, пытаются убийством из-за угла заставить о себе говорить и создать иллюзию своей силы. Они забывают исторические перспективы. Они забывают, что они имеют перед собой не трусливых слуг царского и капиталистического режима, а смелых и решительных борцов за святое

[1]) Раковский и Мануильский осенью 1918 года вели мирные переговоры с украинским правительством гетмана Скоропадского и находились в то время в Киеве.

дело истории, которое неуклонно будут продолжать до окончательной победы—борьбу за низвержение эксплоатации и тирании.

Наши враги из бывших революционнык партий забывают еще, что для всего народа они являются предателями и врагами революции, которые, опозоривши свое революционное прошлое, превратились в жалкие орудия международной империалистической контр-революции.

Мы глубоко убеждены, что как покушение на вашу жизнь, так и все другие попытки подлых убийств из-за угла лучших людей пролетарской революции, не смогут расшатать веру в победу, а еще больше поднимут сознательное, самоотверженное отношение пролетариата к Советской власти.

Из столицы Украины, куда мы посланы защищать интересы социалистической России, посылаем низкий поклон павшим героям и товарищеский привет борцам, сражающимся на многочисленных фронтах за дело рабочих и крестьян.

Вместе со всеми коммунистами говорим: „Сомкнем ряды!“ Час последнего и решительного боя настал. Настоящее и будущее за нами! Да здравствует любимый вождь международного пролетариата городов и деревень—Владимир Ильич Ленин!“

Раковский, Мануильский.

„Известия ВЦИК“, 3 сентября 1918 г.

ГЕРМАНСКАЯ ПЕЧАТЬ О ПОКУШЕНИИ.

Берлин, 2-го сентября.

Покушению на тов. Ленина некоторые берлинские газеты посвящают специальные статьи.

„Локаль Анцейгер“ приводит это покушение в связи с убийством графа Мирбаха: Ленин, глава московского правительства, самый энергичный и популярный представитель большевистской государственной власти, должен был бы сойти со сцены, чтобы дать торжество контр-революционным элементам. Россия, по мнению газеты, как и во время царей, осталась страной политических убийств,

как и раньше их целью является уничтожение государственной власти; но, если раньше политические убийцы стремились уничтожить власть высших кругов, то теперь они стремятся к уничтожению власти беднейших народных масс. Раньше погибал помазанник „божьей милостью", теперь—избранник властвующий милостью народа.

Газета считает также, что революционеры прежнего времени, как и теперешние, получали поддержку из-за границы и уверены в том, что высшие круги держав Согласия дали средства и орудия для политического убийства, чтобы свергнуть режим, не позволяющий России быть вовлеченной в новую войну ради английских интересов.

„Берлинер Берзен Цейтунг" считает покушение вызванным тем обстоятельством, что положение Ленина стало упрочиваться; после последних побед над чехо-словаками и несколько наладившейся организационной деятельности, положение Советской власти стало упрочиваться и поэтому соц.-революционеры употребили крайнее средство, чтобы в последний момент добиться власти: они очевидно исходили из убеждения, что пролетарское движение в России настолько связано с личностью Ленина, что его можно уничтожить отсечением его головы. В этом политическое значение покушения. Если бы врачам не удалось спасти жизнь Ленина, тогда выяснилось бы, насколько правильны надежды социал-революционеров.

Газета так же, как и „Локаль Анцейгер", не сомневается, что державы Согласия принимали участие в организации этого покушения.

По сообщению из Вены, большая часть газет также ставит в связь покушение с убийством Мирбаха и Эйхгорна и видит в нем влияние держав Согласия на социал-революционеров (Роста).

„Известия ВЦИК", 4 сентября 1918 г.

БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ О ПОКУШЕНИИ НА ЛЕНИНА.

Три отклика на выстрелы в т. Ленина.

„Вчера много радости принесли газеты. Во-первых Ленин в Москве ранен и притом безнадежно. Разве это не радость? Почему только Троцкого не сотрут с лица земли?"

Эти слова записала в своем дневнике казанская белогвардейка, сестра двух офицеров. В них она выразила безграничную ненависть буржуазии к пролетарской революции. Вождь восставших рабов ранен „безнадежно", „разве это не радость" для сброшенных в пропасть рабовладельцев?..

* * *

„Поднявший меч, от меча и погибнет",—эта житейская истина, находившая себе подтверждение на всем долгом пути человеческой истории, и поныне царствует над жизнью.

Светлый разумом итальянский мудрец Леонардо да Винчи неотступно помнил ее, все явления жизни оценивая по закону: угол падения равен углу отражения.

И то, что сообщила в субботу лаконическая радиотелеграмма Свердлова,—Ленин ранен, положение его безнадежно,—это новое подтверждение старой истины. Тот, кто мыслил укрепить в жизни свои идеи, свои желания, свои планы насилием и кровью, штыком, пушкой, пулеметом, — неизбежно должен был погибнуть от насилия и погиб...

... Большевики идейно давно изжили себя, и именно это создало положение, что он—большевизм и Ленин—было одно и то же, и что с уничтожением последнего уничтожится и первый...

... Вся большевистская постройка повисла над пропастью, лишь тонкой нитью, как и при всякой личной диктатуре, удерживаемая от падения. И этой нитью являлся Ленин. Теперь она порвана и, неуклонно несшийся в пропасть политического небытия большевизм упадет туда с катастрофической быстротой...

Итак, нельзя спорить о том, что с уходом Ленина и без того немногие дни большевизма еще сократятся, а вместе с тем, уцелеют и тысячи жизней, облегчатся многие несчастия.

Но у вопроса есть и другая сторона. Метод решения политических споров залпами, или отдельными выстрелами скажется рано или поздно... Одним выстрелом, раздавшимся в историческое сегодня, сохранившим, может быть, тысячи жизней, родится в историческое завтра эхо залпов...

Политик должен быть разумным хозяином, и, гоняясь

за сегодняшней прибылью, не может действовать так, чтобы на завтра широко открыть двери убыткам. Такие недальновидные управители губят все дело общественного прогресса."

Подведем краткие итоги этой удивительной статье.

Ленин должен был погибнуть и погиб. Вместе с ним погибнет и большевизм. От этого уцелеют „тысячи жизней, облегчатся многие несчастия".

Но что будет завтра? „Эхо залпов". За сегодняшнюю „прибыль" придется „завтра широко открыть двери убыткам". Это нерасчетливо, так „разумные хозяева не поступают". Нужно было получить прибыль без опасности убытков. Нужно было уничтожить Ленина, уничтожить большевизм так, чтобы он завтра не ответил „эхом залпов".

Товарищи, вы знаете, кому принадлежит эта чудовищная статья, в которой геометрическая „мудрость веков" так удачно соединяется с коммерцией наших дней? Вы знаете, кто так спокойно клал на весы тело нашего вождя, кто взвешивал и высчитывал „прибыль" и „убыток"?

Статья, которую мы привели почти полностью, была помещена 3 сентября 1918 года в „Рабочем Деле", ежедневной газете казанской организации Р. С.-Д. Р. П. (меньшевиков). Статья была напечатана передовой, без подписи, и, конечно, выражала точку зрения редакции, а следовательно и казанской организации „единой" и „неделимой" партии меньшевиков.

* * *

„Большевистско-советской власти нанесен тяжелый удар,—ранен Ленин. Пресловутый предсовнарком на время, а, может быть, и навсегда (судя по тому, что пуля пробила легкое) выбыл из строя...

„Кто эти двое, стрелявшие в главу „рабоче-крестьянской" власти, мы не знаем, но потому, что акт произошел после рабочего собрания, можно предположить, что и Ленин, как Володарский, покаран рабочими. Во всяком случае, это дело демократических кругов...

„Каждый деспот, всякий посягатель на свободу может быть уверен только в том, что он может избегнуть суда, разрушить этот суд, но не избежать наказания".

Статья эта имела заглавие: „Не месть, а наказание". Была она напечатана в эсеровской самарской газете „Земля и Воля" и принадлежит перу... К. Буревого. Товарищи знают, что с некоторых пор этот господин отказался от мысли „наказывать" наших „деспотов". Наоборот, он работает над созданием „единого фронта..."

* * *

Так откликнулись наши враги на выстрел в т. Ленина.

Но кто в данном случае побил рекорд подлости, гнусности, тупости? Несомненно, первый приз на тупость и гнусность принадлежит меньшевикам. Разве можно придумать что-либо более мерзкое, отвратительное, чем это гадкое сюсюканье меньшевистского публициста? Читая статью, словно видишь перед глазами старого прохвоста Дана, который суетится у изголовья раненого вождя и с безменом в руках решает вопрос: „Выгодно" или „невыгодно?.."

Ленин поборол смерть. Большевизм стал мировым явлением и „сам" г. Мартов пишет о нем „научный труд". Ни одно пророчество врагов не сбылось. Не мы, а они низвергнуты в пропасть, не нам, а им вынесла история смертельный приговор.

Ил. Вардин.

„Правда", 31 августа 1919 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЭСЕРОВ.

В адрес „Российского Телеграфного Агентства" получено заявление следующего содержания:

В виду поступающих со стороны местных организаций запросов по поводу убийства тов. Урицкого в Петрограде и покушения на т. Ленина в Москве, Центральный Комитет партии социалистов-революционеров заявляет, что ни одна организация партии к этим актам отношения не имеет.

Центральный Комитет партии социалистов-революционеров.

Член Ц. К. (подпись не разобрана).

„Правда", 6 сентября 1918 г.

НЕСКОЛЬКО ВОСПОМИНАНИЙ ПО ПОВОДУ ГОДОВЩИНЫ ПОКУШЕНИЯ.

В Париже, утром 31 августа, мать разбудила меня словами: „Ленин убит“, — бросив при этом кипу газет на мою постель.

Я вскочил, как ужаленный, выхватил из кипы не то „Матен“, не то еще какую-то гнусность в этом роде, и только взглянув, откуда получены телеграммы, помещенные под заголовком о покушении, перевел дух. Телеграммы были из Ревеля, Гельсингфорса, Риги или Варшавы.

Я ответил: „Это неправда“, и снова лег.

С начала русской революции, т.-е. уже больше года, я внимательно следил за известиями из России по всем французским газетам и виднейшим из английских. Из 100 сообщений 99 были лживы. И все 100 были тенденциозны, когда случайно приводился факт, соответствующий действительности. Каждое утро, вооружившись терпением, я кропотливо разбирался в депешах Гаваса, радио Рейтера, Вольфа, которые старались перещеголять друг друга в злопыхательстве и ненавистнических измышлениях на революцию. И я позволял себе думать, что это неблагодарное занятие выработало во мне исключительное уменье вылавливать правду из лжи.

Это было что-то в роде шестого чувства, которое давало мне возможность разоблачать и устанавливать мелкие и крупные подлости достопочтенной печати.

Сопоставляя телеграммы и их различные методы искажения фактов, я мог добраться до сути дела при известном знакомстве с положением вещей в России и при помощи моего маленького марксистского компаса. При этом одним из данных, на девять десятых определявших мою оценку,

было место, откуда подана телеграмма: Ревель, Рига, Гельсингфорс, Варшава были классическими центрами фабрикации лживых сведений.

Итак, после этой проверки, я снова лег в постель, чтобы овладеть собой. Через несколько минут я опять взялся за газеты, внимательно перечитал известия и понял, что в них было что-то.

То, что шло из Москвы, возвещало о покушении; то, что было прибавлено на передаточном пункте, говорило о смерти. Я встал и вышел из дому; купил новых газет, в надежде найти в них дальнейшие указания.

Улицы были оживлены. Прохожие обменивались впечатлениями, и я то-и-дело слышал дорогой: „Стало быть убит". „Значит, на этот раз правда". „Очередная утка" и т. д.

Недоверие было велико, потому что сообщений об убийстве Ленина насчитывалась уже добрая дюжина. После того их были сотни...

Я шел, сам не знаю куда; я был, как в лихорадке, Неизвестность терзала меня. Каждую минуту радио из Москвы могло отнять всякую надежду. Но революционный оптимизм брал верх: нет, этого не будет! Ложь!

Я с большим опозданием явился на работу, в редакцию „Вэритэ". Это была газета эклектического характера редактор который—пацифист - приютил небольшую кучку революционеров и коммунистов, к ним принадлежал и я. Я вел рубрику русской революции. В прихожей я столкнулся с главным секретарем газеты, почтеннейшим Максимом Сервейлем. Это был старый журналист, с'евший зубы на работе, без всяких убеждений, которому я не отказывал в уважении, как... зятю Гобино.

Он поднял руки к небу и прорычал:

— Ленин умер, а вы являетесь в 11 часов!

Я ответил вне себя:

— Во-первых, он не умер.

Почтенный Сервейль был так ошеломлен, что забыл о моем опоздании.

— Так напишите, что он не умер. Но только пишите же что-нибудь.

Я так и сделал. И в „Вэритэ",—наперекор всем га-

зетам,—была напечатана заметка, доказывавшая, что совершенно нет оснований верить смерти Ленина, так как мы не имеем никаких известий об этом из Москвы. В тот же вечер была получена успокоительная телеграмма.

Сколько раз после того мы спрашивали себя: что было бы, если покушение это лишило русскую революцию—революцию мировую—ее неоспоримого и признанного вождя?

Мы, конечно, твердо верили в определяющую роль социальных сил, под давлением экономических факторов. Но как можно не видеть, что умное, искусное, твердое руководительство этими силами обеспечивает революции более быструю победу?

И не является ли Ленин воплощением этой революционной прозорливости, без которой героический авангард пролетариата может упустить самый благоприятный для действия момент,—или потерпеть поражение, выступив чересчур рано или слишком поздно?

Революционные рабочие всех стран понимают это, или инстинктивно чувствуют. И потому под влиянием Ленина находится не только огромная масса народов советских социалистическим республик в Европе и Азии, но и весьма значительная часть рабочего класса обоих материков. Никто из живущих не пользуется подобным влиянием.

Буржуазия, имущие, эксплоататоры, поработители всех видов, всех климатов, какого угодно происхождения ненавидят Ленина и бояться его. Их страшит обаяние Ленина, которое распространяется по заводам и полям, в глубинах шахт и на кораблях,—всюду, где есть несчастные, которые трудятся для обогащения паразитов. Они произносят его имя со злобой, смешанной с ужасом, как консерваторы последнего столетия произносили имя Вольтера или верующие всех времен—имя сатаны.

Но рабочие любят Ленина и гордятся им. Они знают, что он посвятил им свою мысль, свои силы, свою жизнь, и что он был прав, когда расторгал священный союз, когда благословил переход империалистической войны в гражданскую, когда проповедывал поражение всей империалистической буржуазии, когда побуждал русский пролетариат углубить революцию, чтобы превратить ее в ре-

волюцию пролетарскую. И ни наветы и проклятия буржуазии, ни клеветы лже-социалистов, ново-синдикалистов и псевдо-анархистов—не затемнят славы Ленина перед мыслящим и борющимся рабочим классом.

Ленин живой стал героем легенды. До Февральской революции те, кто впоследствии предавал его анафеме, не знали даже его имени. Но после знаменитого возвращения в Россию, после необыкновенной истории с „запломбированным вагоном",—какие нагромождены горы несообразностей, какой Эльбрус лжи, проклятий, оскорблений, сказок про разбойников, никчемных измышлений!

Лживые слухи, которые беспрестанно фабрикуются и распространяются по белу свету с целью исказить облик Ленина и его соратников, не лишены все же интереса и значения. В них выражаются чаяния и надежды контрреволюционной буржуазии. И они выпукло обрисовывают сильные стороны большевистской революции, антитезой которой они являются.

Мысль Ленина воодушевляет и ведет не только большевистскую партию: весь Коммунистический Интернационал видит в нем своего вождя.

Взять хотя бы французское рабочее движение, действующий авангард которого все более и более освобождается от влияния старых французских социалистических школ под действием большевизма, ленинизма. Жоресизм, гедизм, синдикализм,—если говорить только о трех главных идейных течениях прошлого—отброшены в пользу коммунизма и загнаны в самые отсталые категории рабочего класса, те, что под предлогом неприемлемости для них коммунистической диктатуры охотно подчиняются диктатуре пустозвонной фразы, бессодержательных формул, непоследовательных слов, бесплодной болтовни.

Ленину принадлежит громадная доля в этом пересоздании умственного строя и революционных методов французского рабочего авангарда, продолжателя Парижской Коммуны. Его маленькая книжка Детская болезнь левизны в коммунизме" пользуется на книжном рынке успехом, доселе небывалым для произведений, посвященных той или иной доктрине; ее идеи быстро распространились среди сознательных рабочих и затронули бесчисленное количе-

ство борцов, не знающих даже своего происхождения; они нанесли страшный удар демагогии, которая до того опустошала наше рабочее движение.

Ленин превратил в пыль фетишизм „левизны“ и научил рабочих остерегаться демагогии, как контр-революционной чумы,—всячески избегая впасть в реформистский кретинизм. Серьезный, сознательный рабочий знает, что влево от Ленина, налево от пролетарской революции, нет никого, и он все меньше и меньше поддается обману крикунов.

Другая книга Ленина имела благотворное влияние на французское движение: это—„Государство и революция“. Это восстановление марксистского понимания государства и средств к его уничтожению дает прочную базу для союза старых революционных синдикалистов и „рожденных борьбой“ коммунистов. Оно выбивает из рук анархистов их главное оружие в борьбе с коммунизмом.

Да, Ленин принадлежит революционерам всех стран, а не одной только России!

Ленин—первый боец всякой коммунистической партии. И мы во Франции гордимся тем, что этот человек—наш советник, наш вожак, наш глава; чувство это вполне разделяют наши товарищи в других странах. Повсюду наши единомышленники произносят имя Ленина, как будто размахивая знаменем. Ненависит поработителей—ничто в сравнении с той любовью, какую питают к нему порабощенные.

Вот несколько мыслей, возникающих самопроизвольно в моей голове в связи с годовщиной покушения, которое должно было преждевременно лишить нас нашего общего учителя. Я записал их без системы, без подготовки, „без церемонии“. Пусть это будет данью простоте этого необыкновенного человека.

Борис Суварин.

„Прожектор“ № 14, август 1923 г.

ТЕЛЕГРАММА М. ГОРЬКОГО.

Петроград, 31 августа 1918 г.—Ужасно огорчены, беспокоимся, сердечно желаем скорейшего выздоровления, будьте бодры духом.

М. Горький, Мария Андреева.

„Известия ВЦИК“, 3 сентября 1818 г.

КТО СТРЕЛЯЛ В ЛЕНИНА

ИСТОРИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОКУШЕНИЯ.

Долгое время история покушения на жизнь Владимира Ильича была довольно темной: известно было только, что стреляла в него Каплан, сознавшаяся на допросе в принадлежности к партии эсеров черновского толка, но категорически отрицавшая связь с какой-либо организацией означенной партии. Появившееся вскоре заявление Центрального Комитета Партии с.-р. о непричастности к покушению как будто бы подтверждало ее слова, что акт был чисто-индивидуальным, по личной инициативе Фанни Каплан, за ее страх и совесть.

И только в феврале 1922 года вышедшая за границей брошюра Г. Семенова (Васильева), бывшего начальника центрального летучего боевого отряда партии эсеров и руководителя террористической группы, организовавшей целый ряд покушений на ответственных руководителей Российской Коммунистической партии и Советской власти, в частности, на т.т. Ленина, Троцкого, Володарского, Урицкого, Зиновьева и др., окончательно развернула перед нами дотоле закрытую страницу не только истории покушения на Владимира Ильича и других вождей, но и целого ряда экспроприаций, грабежей, восстаний и проч., направленных к свержению Советской власти и диктатуры трудящихся.

Эта брошюра вышла под названием: „Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров в 1917—1918 г.г.". Она целиком раскрывает перед нами белогвардейскую деятельность партии с.-р. и, в частности, Центрального Комитета в тяжелые годы гражданской войны, не гнушавшихся решительно никакими средствами для свержения власти рабочих и крестьян: нападение из-за

угла на вождей пролетариата, подрывы железно-дорожных мостов, предательства, заговоры, организованные на французские и английские деньги,—словом, все было в достаточной мере хорошо.

Г. Семенов понял свою ошибку и великую вину перед пролетариатом, раскаялся в своих поступках и явился на суд Революционного Трибунала.

К такого же рода показаниям относятся и разоблачения другого боевика партии с.-р. Лидии Коноплевой.

Ниже мы печатаем отдельные отрывки из вышеуказанных разоблачений, относящиеся непосредственно к организации покушений на Владимира Ильича.

Окончательно же и в мельчайших деталях дело покушений на Ленина и ряда других террористических актов выяснил происходивший в июне—июле 1922 года процесс с.-р. Особенно рельефно, из целого ряда показаний, вылилось тайное участие в террористических актах Центрального Комитета партии с.-р., под идейным вдохновительством которого они и производились.

Ниже мы печатаем также показания рабочих-боевиков Зубкова, Ефимова и Усова, отрывки из речей защитников и государственных обвинителей тов. Луначарского и Крыленко, непосредствено относящиеся к вопросу о покушении на тов. Ленина

Также приведена глава VII из обвинительного заключения по делу Ц.К. партии эсеров.

ИЗ БЕСЕДЫ КОРРЕСПОНДЕНТА „ИЗВЕСТИЯ ВЦИК“ С ТОВ. ПЕТЕРСОМ.

Прежде всего, оговариваюсь: с момента покушения на т. Ленина прошло пять лет. Бурная эпоха 1918—1920 г.г., столь насыщенная громадной важности политическими событиями, и последующие революционные годы не позволили сохранить в памяти все мелкие детали покушения на вождя нашей и мировой революции—Ильича.

Поэтому мои воспоминания будут кратки.

Как только Владимир Ильич 30 августа 1918 г. узнал, что в Петрограде утром того же дня совершено убийство

комиссара внутренних дел Северной Трудовой Коммуны тов. Урицкого, он немедленно обратился к председателю В. Ч. К. Дзержинскому с просьбой выехать в Петроград для ведения чрезвычайного следствия по этому делу. Тов. Дзержинский отправился в Питер.

В тот же самый день, вечером 30 августа, тов. Ленин был ранен пулей эсерки Каплан.

* * *

Я сидел у себя в кабинете, на Лубянке, 11, когда мне сообщили, что после митинга в Замоскворечьи, где выступал Ленин, в него стреляла неизвестная женщина, задержанная толпой.

Мною немедленно отдано было распоряжение доставить покушавшуюся на убийство тов. Ленина женщину в В. Ч. К.

Сейчас же после покушения в В. Ч. К. прибыли наркомюст тов. Курский и тов. Аванесов.

Первый допрос покушавшейся вел тов. Курский, которому она наотрез отказалась сообщить о своем имени, откуда она достала револьвер, о связи с савинковцами, об отношении к самарской учредилке и т. д.

После допроса она была водворена в одиночную камеру.

Покушавшаяся была вторично допрошена мною. Она упорно отказывалась отвечать на мои вопросы о том, по чьему поручению она выполнила этот акт, кто стоял за ее спиной, кто ее сообщники, с какой парторганизацией она связана и т. д.

И лишь на другой день, когда В. Ч. К. удалось установить, что покушавшаяся — бывшая анархистка Каплан, которая отбывала каторгу вместе с М. Спиридоновой и другими эсерами в Акатуе, она созналась, что она, действительно, бывшая анархистка, отбывавшая каторгу и попавшая там под влияние эсеров, Фанни Ефимовна Каплан. На многократно задававшийся ей вопрос о партийной принадлежности она, наконец, об,явила, что причисляет себя к эсерам группы В. Чернова.

Картина стала ясна... Обезглавить революцию — эту цель поставила себе партия социалистов-контр-революционеров.

* * *

К сожаленню, материалы о покушении, имеющиеся в нашем распоряжении, не отличаются исчерпывающей полнотой. Тогда было горячее время. Если принять еще во внимание, что этот период совпал с самой напряженной работой В.Ч.К. по ликвидации всевозможных заговоров, тогда станут еще понятнее причины скудости относящихся к покушению материалов. Достаточно, например, вспомнить знаменитый заговор, которым руководили англо-французские дипломаты, во главе с начальником британской миссии в Москве Локкартом, как известно, подготовившим восстание против Советской власти, захват Совнаркома и установление военной диктатуры.

К счастью, заговор этот был своевременно раскрыт и ликвидирован энергичными мерами В. Ч. К. И только происходивший в 1922 году процесс правых эсеров выяснил полную картину покушения и роль ЦК правых эсеров в этом деле.

Эсеры и международные империалисты помогали друг другу в борьбе против рабоче-крестьянской власти.

„Известия ВЦИК“, 31 августа 1923 г.

КТО БЫЛА ФАННИ КАПЛАН?

(Из материалов, опубликованных в журнале „Пролетарская революция“ № 6—7, 1923 г.).

Показание шоффера [1]).

Показания Степана Казимировича Гиль, жив. в Кремле, офицер. Корпус № 16. Шоффер В. И. Ленина. Сочувствует коммунистам.

Я приехал с Лениным около 10 часов вечера на завод Михельсон. Когда Ленин был уже в помещении завода, ко мне подошли 3 женщины. И одна из них спросила, кто говорит на митинге. Я ответил, что не знаю. Тогда одна из трех сказала смеясь: „узнаем“. По окончании речи В. И. Ленина, которая длилась около 1 часа, из помещения, где был митинг, бросилась к автомобилю толпа человек в 50 и

[1]) Дело Верх. Триб. ВЦИК. IV пр., № 196, прил., т. IV, л. 22.

окружила его. Вслед за толпой в 50 человек вышел Ильич, окруженный женщинами и мужчинами, и жестикулировал рукой. Среди окружавших его была женщина блондинка, которая меня спрашивала, кого привез. Эта женщина говорила, что отбирают муку и не дают провозить. Когда Ленин был уже в расстоянии трех шагов от автомобиля, я увидел, с боку, с левой стороны от него, в расстоянии, не больше 3-х шагов, протянувшуюся из-за нескольких человек женскую руку с браунингом, и были произведены 3 выстрела, после которых я бросился в ту сторону, откуда стреляли, стрелявшая женщина бросила мне под ноги револьвер и скрылась в толпе. Револьвер этот лежал под моими ногами. При мне револьвера этого никто не поднял. Но, как об'яснил один из 2-х сопровождавших раненого Ленина, сказав мне: „я подтолкнул его ногой под автомобиль". Когда я нагнулся к Владимиру Ильичу, с револьвером в руках, то какая-то фельдшерица схватила меня за револьвер. Впоследствии эта фельдшерица с двумя лицами помогла мне положить Ленина в автомобиль, и мы четверо поехали в Кремль, где была оказана первая помощь Ленину. Поправляюсь: одна из женщин спросила меня, не кто говорит на митинге, а кого я привез. Поправляюсь: после первого выстрела я заметил женскую руку с браунингом.

Степан Казимирович Гиль.

30/VIII—18 г. Дьяконов [1]).

Показание председателя завкома завода б. Михельсон [2]).

Протокол допроса т. Иванова, Николая Яковлевича, председателя заводского комитета ф. Михельсон.

Ключи от корпуса, где происходят митинги, были у меня. Я открыл помещение и остался внутри. До открытия митинга я заметил у стола, где продается литература, ту женщину, которая потом стреляла в т. Ленина. Хотя она и осматривала книги, я вынес впечатление, что она эт-

---

[1]) Подпись т. Дьяконова, снимавшего допрос.

[2]) Указанное дело, л. 20.

делает для видимости и подслушивает наш разговор, усиленно курила. По внешности она напоминала мне партийную работницу. Она, несомненно, слышала, когда я отвечал товарищам на их вопросы, что тов. Ленин будет у нас на митинге.

Я лично не видел, чтобы она с кем-либо говорила или чтобы к ней кто-либо подходил.

Н. Я. Иванов.

Допрашивал чл. Ц. И. К. В. Кингиссепп.

2/IX—1918 г.

Показания очевидца Батулина[1]).

1. Стефан Николаевич Батулин, пом. военного комиссара в Московск. Совет. пехотн. дивизии, живет—Зацепа, д. 23, кварт. 16.

В момент выхода публики с митинга я находился в 10 или 15 шагах от тов. Ленина, шедшего впереди толпы. Я услыхал три выстрела и увидел тов. Ленина, лежащего ничком на земле. Я закричал: „Держи, лови", и сзади себя увидел пред'явленную мне женщину, которая вела себя странно. На мой вопрос, зачем она здесь и кто она, она ответила: „Это сделала не я". Когда я ее задержал и когда из окружавшей толпы стали раздаваться крики, что стреляла эта женщина, я спросил еще раз, она ли стреляла в тов. Ленина; последняя ответила, что она. Нас окружили вооруженные красноармейцы и милиционеры, которые не дали произвести самосуда над ней и привели в военный комиссариат Замоскворецкого района.

С. Н. Батулин.

* * *

2. Во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контр-революцией и спекуляцией [2]).

Б. Лубянка, 11.

В дополнение к своему показанию о задержании Каплан, покушавшейся 30 августа с. г. на жизнь тов. Ленина, сообщаю:

---

[1]) Дело Верх. Триб. ВЦИК. IV пр., № 196, прил., т. IV, л. 30 обор

[2]) Там же, л. 7.

В момент выхода тов. Ленина из помещения завода Михельсон, в котором происходил митинг на тему: „Диктатура буржуазии и диктатура пролетариата“,—я находился от тов. Ленина на расстоянии 15—20 шагов. На лестнице, при выходе присутствовавших на митинге, стремительно бросившихся к выходу, образовался затор, и мне после больших усилий все же удалось быстро выйти на улицу.

Подойдя к автомобилю, на котором должен был уехать тов. Ленин, я услышал три резких сухих звука, которые я принял не за револьверные выстрелы, а за обыкновенные моторные звуки. Вслед за этими звуками я увидел толпу народа, до этого спокойно стоявшую у автомобиля, разбегавшуюся в разные стороны, и увидел позади кареты автомобиля тов. Ленина, неподвижно лежавшего лицом к земле. Я понял, что на жизнь тов. Ленина было произведено покушение. Человека, стрелявшего в тов. Ленина, я не видел. Я не растерялся и закричал: „Держите убийцу тов. Ленина“ и с этими криками я выбежал на Серпуховку, по которой одиночным порядком и группами бежали в различном направлении перепуганные выстрелами и общей сумятицей люди. Своими криками „держите убийцу тов. Ленина“ и др., я хотел остановить от бегства тех людей, которые видели, как Каплан стреляла в тов. Ленина, и привлечь их к участию в погоне за преступником, покушавшимся на жизнь тов. Ленина. Добежавши до так называемой „стрелки“ на Серпуховке, я увидел бежавших двух девушек, которые, по моему глубокому убеждению, бежали по той причине, что позади их бежал я и другие люди и которых я отказался преследовать. В это время позади себя, около дерева, я увидел с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного. Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: „А зачем вам это нужно?“. Тогда я, обыскав ее карманы и взяв ее портфель и зонтик, предложил ей итти за мной. В дороге я ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на тов. Ленина: „Зачем вы стреляли в тов. Ленина“, на что она ответила: „А зачем вам это нужно знать?“, что меня окончательно убедило в покуше-

нии этой женщины на тов. Ленина. В это время ко мне подошли еще человека три—четыре, которые помогли мне сопровождать ее. На Серпуховке кто-то из толпы в этой женщине узнал человека, стрелявшего в тов. Ленина. После этого я еще раз спросил: „Вы стреляли в тов. Ленина?“ На что она утвердительно ответила, отказавшись указать партию, по поручению которой она стреляла. Боясь, как бы ее не отбили из наших рук лица, ей сочувствовавшие и ее единомышленники, и как бы над ней не было произведено толпой самосуда, я предложил находившимся в толпе и имевшим оружие милиционерам и красноармейцам сопровождать нас.

А товарищи-рабочие, по большей части рабочая молодежь, образовали цепь, которой сдерживали толпу народа, требовавшую смерти преступнице. В военном комиссариате Замоскворецкого района эта задержанная мною женщина на допросе назвала себя Каплан и призналась в покушении на жизнь тов. Ленина.

Помощник военного комиссара 5-й Московской советской пехотной дивизии Батулин. 5 сентября 1918 г., Хо-
дынка, лагери.

Показание подруги Фанни Каплан. Протокол допроса Веры Михайловны Тарасовой[1]).

Я судилась в 1906 году за хранение взрывчатых веществ в гор. Екатеринославе. Была приговорена к 4 годам каторги, которую отбывала, между прочим, и на Нерчинской каторге.

Знаю я всех тех каторжанок, с которыми я отбывала вместе каторгу, в том числе и Фанни Каплан, которая в то время была слепа. Она ослепла, кажется, в январе 1909 г., при чем до этого она хронически теряла зрение на 2—3 дня. Врачи разнообразно толковали причины слепоты. Зрачки ее реагировали на свет. Это было связано с резкими головными болями. В Чите,—я тогда уже была за границей, думаю, это было в 1912 году,—она вновь прозрела. Она была приговорена военно-полевым судом к смертной казни, которая была заменена вечной каторгой.

[1]) Там же, л. 46.

Я вернулась из-за границы в июле прошлого года. Фанни Каплан я встретила в этом году, не ручаюсь за память, в апреле или около этого, в вагоне трамвая „Б“, кажется, у Каретно-Садовой. Я к ней подошла и имела с ней весьма короткий разговор. Это был обычный разговор про наших каторжанок, как кто поживает и т. п. Я не могу категорически утверждать, что не встречала ее до (зачеркнуто: или после) этого у Пигит.

Я по убеждениям социалистка-революционерка. Сейчас я занимаюсь обыденной работой и в политической работе не участвую. Я не могу ориентироваться в создавшейся политической обстановке. Если бы произошла реставрация, я бы нашла свое место.

31/VIII 1918 г., стр. 4—5 зачеркнуто „или после“. Мне неизвестно, чтобы Фанни Каплан когда-либо носила другую фамилию.

В. Тарасова.

Допрашивал В. Кингиссепп.

Показания Фанни Каплан.

1. Допрос[1]).

1918 года, августа 30 дня, 11 час. 30 мин. веч. Я, Фанни Ефимовна Каплан, под этим именем я сидела в Акатуе. Это имя я ношу с 1906 года. Я сегодня стреляла в Ленина. Я стреляла по собственному побуждению. Сколько раз я стреляла,—не помню. Из какого револьвера я стреляла—не скажу, я не хотела бы говорить подробности. Я не была знакома с женщинами, которые говорили с Лениным. Решение стрелять в Ленина у меня созрело давно. Жила раньше не в Москве, в Петрограде не жила. Женщина, которая тоже оказалась при этом же событии раненой, мне раньше не была абсолютно знакома. Стреляла в Ленина я потому, что считала его предателем революции и дальнейшее его существование подрывало веру в социализм. В чем это подрывание веры в социализм заключалось, об'яснить не хочу. Я считаю себя социалисткой, сейчас ни к какой партии себя не отношу.

Арестована я была в 1906 году, как анархистка. Те-

[1]) Указанное дело, л. 29.

перь к анархистам себя не причисляю. К какой социалистической группе принадлежу, сейчас не считаю нужным сказать. В Акатуй я была сослана за участие в взрыве бомбы в Киеве.

2. Допрос [1]).

28 лет, родом из Волынской губ., каторжанкой сидела в Акатуе, анархистка. Меня задержали у входа на митинг. Ни к какой партии не принадлежу. Я стреляла в Ленина, потому что считаю, что он предатель, и считаю, чем дольше он живет, он удаляет идею социализма на десятки лет. Я совершила покушение лично от себя.

Показание Фанни Каплан подписать отказалась.

Председ. Москов. Революц. Трибунала А. Дьяконов.

Каплан просила исправить, что она не анархистка, а лишь сидела в Акатуе, как анархистка.

Дьяконов.

Степан Николаевич Батулин. Адрес: Помощн. Воен. Комиссара 5-й Москов. Военной Дивизии, Москва, Зацепа, д. 23, кв. 16.

Иосиф Францевич Пиотровский. Военный Комиссариат Замоскворецкого района, Пятницкая, 16, кв. 18.

Признания Фанни Каплан сделаны при мне. Андрей Уваров. Адрес: Военный Комиссариат Замосквор. района.

3. Допрос.

Я, Фанни Ефимовна Каплан, жила до 16 лет по фамилии Ройдман. Родилась в Волынской губернии, уезда не помню. Отец мой был еврейский учитель. Теперь вся моя семья уехала в Америку. У Биценко [2]) я никогда не спро-

---

[1]) Там же, л. 30.

[2]) Биценко была на царской каторге за террористический акт, где сидела вместе с Каплан. В 1917 г., была одной из виднейших руководительниц Московской организации левых эс-эров. После убийства Мирбаха и июльского мятежа левых эс эров вышла из партии и вошла в Р. К. П. На процессе эс-эровского Ц. К. в 1922 г. выступала, с разрешения руководящих партийных органов, вместе с рядом других коммунистов (Бухарин, Стуков, Томский, Катанян, Овсянников, Вегер, Феликс Кон, Садуль и др.) защитницей „второй" группы обвиняемых, защищая рабочего Зубкова.

сила, как попасть к Ленину. В Кремле я была всего один раз, а не несколько, Зензинова я не знаю, также не знала Арманд, Беркенгейма; Тарасову-Боброву [1]) знала только по каторге. К Биценко специально никогда не ходила. В феврале я Биценко случайно встретила в Совете. Потом я ее встречала на улице. Биценко последний раз я видела около месяца тому назад. С Фанни, которая живет на Леонтьевском, 12, кв. 9, я встречалась только на улице. Знаю я ее по каторге. Адрес Фанни на Леонтьевском пер. я знала, но на квартире у нее не была.

Допросил Петерс.

4. Допрос [2]).

Приехала я на митинг часов в восемь. Кто мне дал револьвер, не скажу. У меня никакого железно-дорожного билета не было. В Томилине я не была. У меня никакого билета профессионального союза не было. Давно уже не служу. Откуда у меня деньги, я отвечать не буду. Я уже сказала, что моя фамилия Каплан, одиннадцать лет пробыла на каторге. Стреляла я по убеждению. Я подтверждаю, что я говорила, что я приехала из Крыма. Связан ли мой социализм со Скоропадским, я отвечать не буду. Я никакой женщины не говорила, что „для нас неудача“. Я не слыхала ничего про организацию террористов, связанную с Савинковым. Говорить об этом я не хочу. Есть ли у меня знакомые среди арестованных Чрезвычайной Комиссией, не знаю. При мне никого из знакомых в Крыму не погибло. К теперешней власти на Украине отношусь отрицательно. Как отношусь к самарской и архангельской власти, не хочу отвечать.

Допрашивал наркомюст Курский.

5. Допрос [3]).

31 августа 1918 года, в 2 часа 25 мин. утра. Фанни Ефимовна Каплан, под этой фамилией жила с 1906 года. В 1906 году я была арестована в Киеве по делу взрыва.

---

[1]) Арманд, Беркенгейм и Тарасова-Боброва—правые социалисты-революционеры.

[2]) Там же, л. 25.

[3]) Там же, л. 9.

Тогда сидела, как анархистка. Взрыв произошел от бомбы, и я была ранена. Бомбу я имела для террористического акта. Судилась я военно-полевым судом в городе Киеве, была приговорена к вечной каторге. Сидела в Мальцевской каторжной тюрьме, а потом в Акатуе. После революции была освобождена и приехала в Читу. Потом, в апреле, приехала в Москву. В Москве я остановилась у знакомой каторжанки Пигит, с которой вместе приехали из Читы, и остановились на Большой Садовой, д. 10, кв. 5. Прожила там месяц, а потом поехала в Евпаторию, санаторию для политических амнистированных. В санатории я пробыла два месяца, а потом поехала в Харьков на операцию. После поехала в Симферополь и прожила там до февраля 1918 года. В Акатуе я сидела вместе с Спиридоновой. В тюрьме мои взгляды оформились, я сделалась из анархистки социалисткой-революционеркой. Там же я сидела еще с Биценко, Терентьевой и многими другими. В своих взглядах я изменилась потому, что я попала в анархисты очень молодой. Октябрьская революция меня застала в Харькове, в больнице. Этой революцией я была недовольна, встретила ее отрицательно. Я стояла за учредительное собрание и сейчас стою за это. По течению эс-эровской партии я больше примыкаю к Чернову.

Мои родители в Америке, они уехали в 1911 г. Имею четырех братьев и трех сестер. Все они рабочие. Отец мой еврейский учитель. Воспитание я получила домашнее. Занималась в Симферополе, как заведующая курсами по подготовке работников в волостные земства. Жалованья я получала на всем готовом 150 рублей в месяц.

Самарское правительство принимаю всецело и стою за союз с союзниками против Германии.

Стреляла в Ленина я. Решилась на этот шаг еще в феврале. Эта мысль у меня назрела в Симферополе, и с тех пор я начала подготовляться к этому шагу.

Допрашивал Петерс.

Ф. Е. Каплан.

6. Протокол [1]).

1918 года 31 августа я, Н. А. Скрыпник, заведующий отд. ВЧК по борьбе с контр-революцией, допросил арестованную Фанни Каплан, которая показала следующие:

Меня зовут Фанни Ефимовна Каплан. По-еврейски мое имя Фейга. Всегда звалась Фанни Ефимовна. Никогда не звалась Фанни Рафаиловной и в д. № 8 по Обуховскому переулку никогда не проживала. Бумажки, найденные у меня в ботинках, вероятно, те, которые были мне даны в комиссариате, когда я попросила дать мне что-нибудь, чтобы подложить, потому что у меня в ботинках гвозди. Дали мне эти бумажки те, которые обыскивали, или солдаты, я не помню. Об'яснений по поводу членской карточки профсоюза конторских служащих ж. д. я не буду давать, Правление профессионального союза мне этой карточки и не давало. Эту карточку я просто нашла. Воспользоваться ею я не думала,—она лежала в кошельке, и я не придавала ей значения.

Когда я приобрела ж.-д. билет „Томилино-Москва", я не помню. Членским билетом проф. ж.-д. союза для покупки этого ж.-д. билета вне очереди я не пользовалась.

Ф. Е. Каплан.
Допрос снял зав. отд. К-Р.
Н. Скрыпник.

31/VIII 1918 г.

---

[1]) Там же, л. 27.

ОТРЫВОК ИЗ БРОШЮРЫ Г. СЕМЕНОВА „ВОЕННАЯ И БОЕВАЯ РАБОТА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ 1917—1918 г. г.".

„В Москву стали стягиваться петроградские боевики, главным образом из Невско-Заставского района, предназначаемые для будущего партизанского отряда. Я решил задержать их временно в Москве. Не было средств на переброску их по ту сторону фронта. К тому же я считал, что они будут нужны при подготовке покушения на Ленина и Троцкого. Приехала в Москву и Коноплева, поручив руководство слежкой за Урицким боевику Василе-Островской дружины Зейме. Боевиков собралось человек пятнадцать. В Москве у нас были две конспиративные квартиры. Кроме того, мы снимали две дачи под Москвой (одну—по Казанской ж. д., другую—по Николаевской жел. дор.).

Следили за Лениным и Троцким я, Усов, Коноплева, Иванова и Королев — посменно. Установили, что Ленин и Троцкий живут в Кремле. Следили за выездами, стараясь установить, где чаще они бывают. Мы считали, что легче всего убить при выходе их из автомобиля в какое-нибудь учреждение.

Выяснили, что Троцкий бывает в Военном Комиссариате, но не регулярно: Ленин почти не выезжает ни в одно учреждение. Установили, что Ленин часто выезжает на митинги.

Особое значение я придавал в тот момент убийству Троцкого, считая, что это убийство, оставив большевистскую армию без руководителя, значительно подорвет военные силы большевиков.

Убийство Троцкого я ставил в первую очередь, считая нужным приводить его в исполнение немедленно при

первой же практической возможности. Я мыслил это убийство не как политический акт, а как дело военное, необходимое по стратегическим соображениям. Покушение на Ленина я расценивал, как крупный политический акт, я считал, что политическая обстановка еще недостаточно созрела для подобных политических ударов, что это покушение надо производить при обстановке начинающегося развала Советской власти, и что следовательно, его надо отсрочить на некоторое время, ибо большевики еще пользуются популярностью, у них еще есть связи с массой.

Для выяснения позиции Центрального Комитета по вопросу о практическом проведении террора, я беседовал с Гоцем. Гоц находил, что политический момент достаточно созрел для борьбы путем террора, считал, что убийство Ленина необходимо осуществить немедленно, что оно будет иметь не меньшее значение для подрыва Советской власти чем убийство Троцкого. Он предлагал первым убить того, кого легче будет убить технически. Я указал Гоцу, что если ЦК намерен отказаться от актов после их совершения как это было при убийстве Володарского, то и я и мои боевики вряд ли согласимся продолжать террористическую работу. Гоц заявил, что ввиду большой политической важности готовящихся актов, ЦК во всяком случае не заявит о непричастности партии к ним: возможно только, что ЦК по тем или иным практическим соображениям замедлит с открытым признанием актов делом партии, но с тем чтобы через короткое время открыто декларировать о них. Я изложил точку зрения Гоца на собрании боевиков, поставив перед ними следующие вопросы: во-первых, будем ли мы продолжать террорестическую работу при условии, что ЦК возможно не сразу после актов открыто признает их; во-вторых, является ли беседа с Гоцем достаточной гарантией к тому, что ЦК, действительно, не отречется снова от актов.

Некоторые из боевиков считали необходимым, чтобы покушавшийся сразу же, в случае ареста, заявил, что акт является делом партии, и чтобы официальное заявление об этом Центрального Комитета последовало бы немедленно. После долгих прений мы решили, что точка зрения Гоца приемлема, но поскольку Гоц не дал никаких офи-

циальных обещаний от имени ЦК, у нас должны быть более определенные и более официальные гарантии в том, что ЦК поступит после акта именно согласно этой точки зрения.

Снова у меня состоялось свидание с Гоцем, на котором я предложил ему, сообщив о настроении боевиков, дать официальный ответ, гарантирует ли он от имени Центрального Комитета партии социалистов-революционеров, что ЦК не отречется от акта. Гоц гарантировал от имени партии своим честным словом, что ЦК не заявит о непричастности и признает акт открыто или немедленно, или спустя некоторое время. Мы сочли честное слово Гоца достаточной гарантией.

Я намечал в это время план организации отделений Центрального боевого отряда в крупных центрах России.

По техническим причинам легче было убить Ленина. Мы решили убить прежде его и намечали конкретный план выполнения этого убийства.

Я узнал от Дашевского, который руководил в это время военной работой в Москве и был в курсе нашей работы, что в Москве есть группа, которая ставит себе ту же цель, что и мы. Дашевский предложил мне вступить с руководительницей этой группы в переговоры о присоединении ее группы к моей.

Руководительницей группы оказалась Фанни Каплан.

Каплан—бывшая анархистка. Работала в террористической организации в Киеве в царское время. В 1906 году была приговорена к смертной казни по обвинению в принадлежности к террористической организации (перед ее арестом группа готовила покушение на киевского генерал-губернатора, в ее комнате произошел взрыв).

Смертная казнь ей была заменена вечной каторгой, в которой Каплан и пробыла до революции. После революции она вошла в партию с.-р. При первом свидании Каплан произвела на меня сильное, яркое впечатление революционерки-террористки. Я предложил лично ей войти в мою группу; ввести всю ее группу целиком, не зная состава, я отказался и предлагал вводить каждого в отдельности после знакомства и персональной оценки. Каплан согласилась. В ее группе оказалось, кроме нее, всего три

человека: Пелевин—старый каторжанин, с.-р,, бывший матрос, Рудзиевский—кажется, присяж. повер., эс-эрствующий с сильным белогвардейским оттенком и Маруся—с.-р., лет 20. Рудзиевский и Пелевин произвели на меня определенно отрицательное впечатление, Маруся—более благоприятное, но недостаточно определенное. Представление о терроре у них было самое дикое. Они, примерно, считали возможным отравить Ленина и Троцкого, вложив что-нибудь соответствующее в кушанье, или подослать к ним врача, который привьет им опасную болезнь. Предполагалось, что исполнителем будет Фаня. Никто из остальных и не пошел бы на это. Прежде они думали убить Троцкого. Никакого конкретного плана у них не было. Слежка за Троцким велась беспорядочно и вела ее одна Каплан. Каплан предполагала убить Троцкого бомбой. У нее была бомба, специально для этого приготовленная ее знакомым химиком эс-эром, работавшим в военной организации (бомбу эту она передала мне). Я решил не вводить Рудзиевского и Пелевина в группу. Марусю я допускал возможным использовать для слежки. Я предложил им не вести параллельной работы с нами; взять на себя слежку за кем-нибудь другим. Указал им на Дзержинского.

Мы решили убить Ленина (выстрелом из револьвера) при от'езде его с какого-нибудь митинга. В это время в Москве бывали во всех районах еженедельные митинги, и Ленин выступал на них почти еженедельно, но заранее не было известно на каком именно митинге он выступит. Мы наметили поэтому такой план действия: город разбивается территориально на 4 части, назначаются 4 исполнителя; в часы, когда идут митинги, районный исполнитель дежурит в условленном месте; на каждом сколько-нибудь крупном митинге обязательно присутствует кто-нибудь из боевиков. Как только Ленин приезжает на тот или другой митинг, дежурный на митинге боевик сообщает районному исполнителю; тот немедлено является на митинг для выполнения акта.

Выполнителями я наметил: Каплан, Коноплеву, Федорова и Усова (я предлагал и себя, но группа отвела меня, как руководителя). К этому времени ЦК решил переброситься по ту сторону фронта. Бывшие в Москве Гоц,

Тимофеев, Евгения Ратнер уехали с этой целью в Сызрань. В Москве было создано Московское Бюро ЦК, которым руководил, вызванный для этого из Саратова Донской. У Каплан было совещание с Донским (он хотел свидеться с ней, как с будущей исполнительницей). Донской на этом свидании говорил, что ЦК не откажется от признания акта делом партии.

В первую неделю, когда наш план дежурств на митингах уже выполнялся, Ленин выступил только на одном небольшом митинге, на котором не было нашего дежурного (на небольшие митинги мы не посылали дежурных). В следующую неделю Усов, которому дежурный боевик сообщил о приезде Ленина на митинг, пришел туда, но покушения не сделал. У нас после этого было тяжелое собрание. Мы все считали, что Усов оказался слабым, что у него не хватило решимости к действию. Усов был исключен из числа исполнителей.

На следующий раз я разослал дежурных на все митинги. Лучшим исполнителем я считал Каплан. Поэтому я послал ее в тот район, где я считал больше всего шансов на приезд Ленина. Послал хорошего боевика, старого с.-р., рабочего Новикова, на завод Михельсон, где ожидался приезд Ленина. Каплан должна была дежурить на Серпуховской площади, надалеко от завода.

Я считал, что бежать после совершения акта не надо, что за такой момент покушающийся должен отдать жизнь, но практическое решение этого вопроса я предоставлял каждому из исполнителей. Каплан разделяла мою точку зрения. Все-таки на случай желания Каплан бежать, я предложил Новикову нанять извозчика-лихача и поставить наготове у завода (что Новиков и сделал).

Ленин приехал на завод Михельсона. Окончив говорить, Ленин направился к выходу. Каплан и Новиков пошли следом. Каплан вышла вместе с Лениным и несколькими сопровождавшими его рабочими. Новиков нарочно споткнулся и застрял у выходной двери, задерживая несколько выходящую публику. На минуту между выходной дверью и автомобилем, к которому направился Ленин, образовалось пустое пространство. Каплан вынула из сумочки револьвер выстрелив три раза, тяжело ранила Ленина. Бросилась

бежать. Через несколько минут она остановилась и, оберкнувшись лицом к бегущим за нею, ждала, пока ее арестуют (думаю, что Каплан остановилась, вспомнив свое решение не бежать и овладев собою). Каплан была арестована. На Новикова никто не обратил внимания.

После покушения я стянул всех боевиков на дачи. В газетах появились заявления ЦК, что партия не принимает участия в акте. Это произвело на нас ошеломляющее впечатление. Увидевшись с Донским, я с негодованием говорил ему о недопустимости такого поведения ЦК, считая это просто трусостью; указывал на честное слово Гоца. Донской об'яснил заявление ЦК тем, что ЦК считает недопустимым подвергнуть партию, в случае отсутствия такого заявления, разгрому красного террора. Новикову Донской предложил описать акт и сдать материал в архив партии...

Г. Семенов (Васильев).

2 декабря 1921 г.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ЛИДИИ КОНОПЛЕВОЙ.

... После ратификации Брестского мира, который не принимала, считая, что революционная Россия не может итти ни на какие договоры и соглашения с капиталистическими государствами, у меня появилась мысль о необходимости террора. Мартовский с'езд Советов, часть которого была вначале против принятия мира, показал, насколько исключительно руководящую роль в партии большевиков имели В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий.

Придя к мысли о необходимости террора, я обратилась к представителю ЦК в военной комиссии при ЦК Борису Рабиновичу, с предложением организовать дело покушения на В. И. Ленина, беря на себя роль выполнительницы. Но для того, чтобы не подвести под удар партию с.-р., предлагала это в виде акта индивидуального, для моральной же поддержки просила мнения и санкции ответственных членов ЦК. В то время в Петербурге было несколько членов ЦК, остальные же члены ЦК и бюро ЦК находились в Москве. Я виделась несколько раз с А. Р. Гоцем, жившим тогда в Петербурге, который был в то

время ответственным членом ЦК в Петербурге. Он высказался положительно, но заявил, что такого большого по своим результатам дела он на свою ответственность не может взять и должен запросить Бюро ЦК в Москве.

С этой целью в Москву был послан Б. Н. Рабинович, который, в случае согласия бюро, должен был выяснить вопрос о руководителе боевой группы. Бюро ЦК дало согласие на акт индивидуальный. В качестве руководителя, за отказом от участия в этом деле Б. Н. Моисеенко, бюро выделило одного из своих членов Б. Н. Рихтера. По возвращении Рабиновича из Москвы, я, получив от него деньги для организации покушения (сумму теперь уже не помню), выехала с П. Ефимовым в Москву. Ехали мы вдвоем, так как, несмотря на мои и Рабиновича поиски, людей для боевой группы мы никого не могли найти: одни кандидаты забракованы были, как неподходящие, другие, как Семенов, отказались. Я ехала в качестве исполнителя, Ефимов— моим помощником и для слежки за В. И. Лениным. Приехав в марте в Москву в качестве железно-дорожных служащих, мы поселились в районе Арбата (я жила под именем Анны Петровны Степановой). К нашему приезду Рихтер дожен был наладить всю техническую сторону дела, установив слежку и проч. так, чтобы к нашему приезду было все готово и сразу можно было бы произвести террористический акт. Но в действительности им ничего не было сделано, как руководитель он оказался совсем непригодным для боевой работы. Все дело организации и слежки легло на нас двоих, но ни я, ни Ефимов не имели абсолютно никаких связей в Москве, знали город очень плохо и фактически не могли в короткий срок поставить слежку более или менее сносно.

Пробившись в Москве недели две безрезультатно, я пришла к убеждению, что дело покушения надо поставить совершенно иначе, не надеясь ни на чью помощь, а поселившись в Москве, взять работу в каком-нибудь учреждении, завязать связи самой среди москвичей и, найдя удобный момент, произвести покушение. По приезде в Москву А. Р. Гоца, работа наша была ликвидирована, при чем я заявила ЦК, что не отказываюсь от мысли о терроре,

но буду дело это ставить совершенно самостоятельно, не входя в сношение по этому вопросу с ЦК.

Должна добавить, что покушение должно было быть произведено с помощью револьвера (испанский браунинг) с отравленными ядом „кураре“ [1]) пулями. Яд достал мне в Москве Рихтер.

По ликвидации я выехала временно в Петербург, где и задержалась до середины июля. По дороге в Петербург (ехала через Вологду), свезла из Вологды в Петербург часть экспроприированных в поезде между Вологдой и Вяткой группой Семенова денег, предназначенных для петербургской военной и боевой роты, и часть оружия боевиков. Большую часть экспроприированной суммы свез в Москву Семенов и сдал в ЦК партии с.-р.

Приехав в Москву, я застала группу в следующем составе: Семенов, Е. Иванова, Усов, Козлов, Зубков, Зеленков. Немного позже вошли в нее Новиков, Корольков, Киселев. За исключением Новикова, Ивановой и меня, все были петербургские рабочие. Отряд в августе расширился вхождением в него Фанни Каплан и еще нескольких боевиков-рабочих, направляющихся из Петербурга на волжский фронт, но временно задержанных в Москве в помощь отряду. В августе численность отряда была в 14 человек. Отряд имел дачи по Казанской и Нижегородской жел. дор. и квартиры в Москве.

Вначале отрядом решено было организовать, в первую очередь, покушение на Л. Д. Троцкого, каковому акту придавалось большое значение в военно-стратегическом отношении. Во вторую очередь, должно было последовать покушение на В. И. Ленина, которое расценивалось, как акт политический. Мы старались путем слежки установить часы и дни выездов Троцкого в учреждения, где он бывает. Слежка велась за в'ездом в Кремль, военным ко-

---

[1]) Яд кураре добывается из коры и корней некоторых южно-американских растений и употребляется тамошними туземцами для отравления стрел. Действует на окончания нервов, заведующих движением произвольных мышц, так что человек или животное, отравленное означенным ядом, парализуется и не в состоянии двигаться. Состав этого яда мало известен, поэтому некоторые сорта продажного „кураре“ оказываются иногда весьма слабо-действующими.

миссариатом и разными военными учреждениями (названий не помню) в районах Никитских, Георгиевского пер., Садовой Кудринской. Дежурили мы в несколько очередей. Кроме того, мною велась слежка в дер. Тарасовке, по Ярославской ж. д., где поселилась под именем Лидии Николаевны Поповой; на даче жил тогда, кажется, Бонч-Бруевич, у которого, по полученным нами сведениям, бывал Л. Д. Троцкий, Крыленко и целый ряд видных большевиков. У нас был план устроить покушение на Троцкого по дороге в Тарасовку, за Мытищами, напав на автомобиль.

Дорога из Москвы до Мытищ была осмотрена мною и Фанни Каплан. Мы вместе прошли ее, чтобы выбрать место удобное для нападения. Остальная часть дороги была осмотрена кем-то другим из отряда. Все наши попытки установить путем слежки регулярность выездов Троцкого не дали никаких результатов. Время шло, энергия расходовалась, а конкретного отряд ничего не сделал. На одном из собраний отряда был поставлен снова вопрос. на кого первого делать покушение—на В. И. Ленина, или на Л. Д. Троцкого. Решено было сделать покушение на того, кто первый будет встречен в благоприятной для акта обстановке. Для покушения мы решили использовать митинги, которые регулярно каждую неделю происходили по всем районам Москвы. Три недели под-ряд посещали мы все митинги. В первую неделю все боевики, вооруженные револьверами (системы у нас были — браунинги, маузеры, штепер, парабеллюм), были распределены по митингам, но, когда одним из боевиков, намеченным отрядом в исполнители, был встречен В. И. Ленин, и он в него не выстрелил, то на вторую неделю система была нами изменена.

Было намечено в качестве выполнителей несколько человек, а именно Фанни Каплан, я и Козлов, каждый из выполнителей об'езжал несколько митингов. Но так как был риск, что переезжая из одного помещения в другое, можно, или опоздать, или Ленин может приехать позже, после от'езда выполнителя (во вторую пятницу В. И. Ленин не выступал совсем), то в третью пятницу, 30 августа, организация была такова: выполнители должны были дежурить в условленных пунктах: Фанни в районе Замоскво-

речья, я в районе Александровского народного дома и Козлов в районе Басманном (точно не помню его район). Остальные боевики, были разбиты по всем митингам, и в случае приезда на один из них В. И. Ленина, должны были дать знать районному выполнителю.

В. И. Ленин приехал в Щипки, и Фаня стреляла в него. Все три пули были отравленные (у всех трех выполнителей первые три пули в обоймах были надпилены крестом и отравлены ядом „кураре", оставшимся у меня от первой мартовской организации).

Как было сказано выше, санкция от имени ЦК партии нам была дана Гоцем и Донским с оговоркой, что, если партия сразу не сможет признать акт этот своим, то, во всяком случае, позже она это сделает, но Донским было дано обещание, что отказа партии от террористического акта не последует никоим образом.

На другой день после покушения Фанни Каплан последовало официальное заявление от имени партии, что ни одна партийная организация в покушении на В. И. Ленина участия не принимала.

Этот отказ произвел ошеломляющее впечатление на отряд, пал пресиж ЦК, поколебалась вера в террор, началось внутреннее разложение отряда. Отряд верил, что дело террора, есть дело во имя революции, во имя революции он шел и отдавал последнее, что имел—свою жизнь. Санкция ЦК была моральной поддержкой, оправданием метода этой борьбы. Отряд шел на молчание партии, но отказ партии, ложь словом—были для него неприемлемы.

Те появлявшиеся у нас мимолетно сомнения: допустим ли террор, как метод борьбы по отношению большевиков, партии, борющейся, как и мы за социализм, стали разгораться сильней и сильней. Отказ расценивался не только, как акт трусости и отсутствия гражданского мужества, но и как осуждение партией этого метода борьбы с большевиками.

На одном из собраний отряда после покушения Фанни, вопрос о дальнейшей террористической работе был обсужден, и за нее высказалось пять человек из всего отряда: Семенов, Корольков, я, приехавшая после покушения подруга Фанни Каплан—Ставская и еще кто-то пятый

(забыла), Остальные составляли подрывную и боевую группу.

Вскоре после покушения на Ленина нами решено было произвести покушение на Троцкого, который должен был выехать на восточный фронт. Мы решили действовать двумя способами: в Москве, на вокзале, дежурили я, в качестве выполнителя террористического акта, и Корольков помощником, а подрывная группа, во главе с Ивановой, выехала по Казанской железной дороге и подготовила крушение поезда за ст. „Люберцы". Две ночи дежурили мы на Казанском и Николаевском вокзалах; по полученным сведениям, какой-то специальный поезд, по виду похожий на поезд Л. Троцкого, стоял на путях Николаевской ж. д., но Л. Троцкого не встретили, так как он выехал в тот день, как и ждали, но с иного вокзала. На этом покончился наш период террористической борьбы.

В период с конца 1917 г. и весь 1918 г. характерной чертой тактики партии с.-р. была тенденция использовать для борьбы с Советской властью все средства, все возможности, и террор, и союзников, и военщину, и черносотенцев. Использовать все исподтишка, под сурдинку, боясь огласки и перед партийными массами и перед Интернационалом, так как таковые методы вычеркивали партию с.-р. из рядов Интернационала.

Все это я говорю на основании фактов. О терроре было сказано выше. Связь с французской военной миссией, держал в Петербурге А. Р. Гоц, после его от'езда мною были получены из французской миссии, через Н. С. Игнатьева, 10.000 рублей для работы военной комиссии. Военная комиссия с разрешения ЦК получила деньги на работу от какой-то черносотенной организации, связь с ней держал и Леппер и Семенов. С ведома и разрешения ЦК для совместной работы против Советской власти были притянуты к работе военной комиссии целый ряд офицеров, не только беспартийных, но иногда и ярко контр-революционных.

Лидия Коноплева.

ПРОЦЕСС ПАРТИИ ПРАВЫХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

Из обвинительного заключения

по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии с.-р. по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменнических сношениях с иностранными государствами.

VII. Террористическая борьба против Советской власти за период 1918 г.

I. Первая попытка покушения на т. Ленина.

Вторая попытка организации террористического акта [1]) относится к марту месяцу 1918 г. и носит уже гораздо более серьезный и организованный характер, хотя инициатива и тут продолжает носить еще частный характер, исходит на этот раз от Коноплевой.

— Придя к мысли, — говорит Коноплева,—о необходимости террора... я обратилась к представителю ЦК при военной комиссии Рабиновичу с предложением организовать дело покушения на Ленина, беря на себя роль исполнительницы (т. I, л. д. 67).

Считаясь, однако, с серьезностью такого акта, она обратилась за санкцией в ЦК. „В то время, — говорит она, — в Петрограде было несколько членов ЦК, остальные члены ЦК и бюро ЦК находились в Москве. Я виделась несколько раз с Гоцем, который в то время был отстветственным членом ЦК в Петрограде. Он высказался положительно, но заявил, что такое большое по результатам дело, он на свою ответственность не может взять, и что он запросит бюро ЦК в Москве. С этой целью был послан в Москву Рабинович, который, в случае согласия бюро, должен был выяснить вопрос о руко-

[1]) Первый план организации террористического акта возник в начале 1918 г. и заключался в попытке устроить крушение поезда Совнаркома, переезжавшего тогда из Ленинграда в Москву. Инициатива принадлежала Ленинградскому губ. комитету партии с.р., попытка не получила осуществления в виду недостаточной подготовленности дела и преждевременного от'езда Совнаркома.

водителе боевой группы". В дополнительных показаниях от 24 марта 1922 г., более подробно останавливаясь на этом факте, Коноплева сообщила: ... „я старалась добросовестно проверить себя. С Рабиновичем я виделась очень часто. Через некоторое время Рабинович свел меня с членом ЦК Гоцем. Встреча с Гоцем произошла на квартире Архангельского, по Литейному проспекту. В беседе со мною Гоц указал на огромную важность террористического акта, как дезорганизующего ряды большевиков, и на то, что этот акт может пробудить силы партии и народных масс. Он также считал, что акт должен носить форму акта индивидуального. После свидания с Гоцем началась подготовка к акту. Рабинович, с одной стороны, я, с другой стороны, старались подобрать людей в боевые отряды. Рабиновичем были приглашены в боевую организацию Ефимов и Иванова. Вскоре Иванова отошла от боевой организации, остались я, Ефимов и Рабинович, как руководитель. Мы с Ефимовым ездили за Невскую заставу, где он обучал меня стрельбе из револьвера, полученного мною от Рабиновича" (т. I, л. д. 380, 381).

Из этого показания устанавливается, что 1) подготовлявшееся покушение получило характер официально организуемого уполномоченными особо для сего членами ЦК партии дела, 2) что вся эта работа происходила со специального ведома ЦК и 3) что лицами, на которых лежит уголовная ответственность за посредничество между ЦК и непосредственными исполнителями, являлись члены ЦК — Гоц и уполномоченный ЦК при военной комиссии при ЦК—Рабинович.

Когда подготовка покушения наладилась, и Коноплева и Иванова устанавливали путем посещения митингов, где бывает тов. Ленин,—Совнарком выехал в Москву. Тогда Рабинович, по совету Гоца, отправился в Москву. „По возвращении из Москвы,—показывает Коноплева,—он сообщил, что бюро ЦК считает акт индивидуальным и выделил для руководства работы группы члена ЦК Рихтера, который должен к нашему приезду подготовить всю техническую сторону, произвести слежку, собрать все необходимые сведения, где живет и бывает Ленин, а нашим делом будет выполнение акта. Кроме того, он добавил,

что у Гоца сначала был проект предложить это дело опытному террористу Моисеенко, который отказался".

Такие факты, сообщенные односторонним показанием Коноплевой, подлежат проверке основным следственным производством. В этой области, в распоряжении следствия имеется статья, помещенная в „Голосе России", вышеупомянутого Рабиновича, под заглавием „Как это было", в этой статье Рабинович, во-первых, не отрицает факта, что он входил в военную комиссию от ЦК партии с.-р. для связи между нею и ЦК, и, во-вторых, будучи заинтересован, как член ЦК в реабилитации ЦК, заявляет, что в данном случае Коноплева действовала самостоятельно. Однако, Рабинович не отрицает своей поездки в Москву для выяснения точки зрения ЦК и заявляет, что Коноплева искажает факты, будто бы он привез из Москвы санкцию ЦК, утверждая, что он привез отрицательный ответ. Как аргумент, дающий ему право называть сообщение Коноплевой неверным, Рабинович выставляет то обстоятельство, что Коноплева ссылается на мертвых, не живых свидетелей, так что проверить правильность ее ссылки возможности нет, ибо „мертвым телом хоть забор подпирай". Такое утверждение Рабиновича весьма ценно в том отношении, что оно подтверждает общую обстановку покушения так, как она обрисовывается Коноплевой, т.-е факт предварительного его сношения с ЦК и, следовательно, осведомленность ЦК, факт поездки Рабиновича в Москву, следовательно, осведомленность бюро ЦК в Москве. В той части, в которой Рабинович опровергает утверждение Коноплевой, что он привез положительный ответ, опровергается живым, не мертвым человеком, в лице обвиняемаго Ефимова, члена боевой группы, который показал, что в марте 1918 года „член учредительного собрания Рабинович предложил мне поехать в Москву. Он указал мне, что поездка имеет целью террористический акт, но какой именно, не помню, сказал ли он мне; Рабинович сказал что подробные инструкции я получу в Москве от члена ЦК Рихтера". Эта часть показания Ефимова целиком совпадает с показанием Коноплевой. „Вместе со мной поехала, как руководительница дела, Коноплева, — говорит Ефимов,—мы заехали в Москве к Рихтеру, на его квар-

тиру, который должен был приготовить для меня и Коноплевой комнаты. От Рихтера я узнал о плане покушения на Ленина и о том, что моя роль в этом деле должна была сводиться к слежке за Лениным. Коноплева должна была быть исполнительницей покушения. В разговоре с Рихтером я выяснил,—говорит Ефимов,—что план покушения исходит от ЦК партии с.-р." (т. I, л. д. 88 об.).

Такой категорический и совершенно точный характер показания Ефимова опровергает полностью статью Рабиновича и указывает, что ЦК в Москве был полностью в курсе дела всего вопроса о покушении. Наконец, в очной ставке вместе с Коноплевой Ефимов показал, что Рабинович, после приезда из Москвы, куда он ездил для выяснения решения ЦК о применении террора по отношению к Советской власти, „передал мне, что ЦК партии с.-р. дал свою санкцию на совершение террористических актов против Ленина и Троцкого. Я согласился на принятие участия в деле покушения исключительно в виду решения ЦК о применении террора" (т I, л д. 97).

Этого мало, Ефимов показывает и больше. Передопрошенный, он показал, что не только с Рабиновичем были у него переговоры: „я имел разговор в Петрограде с Гоцем, до своего от'езда в Москву с Лидией Коноплевой. Из разговора с ним я узнал, что целью поездки является совершение террористического акта, но я тогда не знал, против кого персонально будет направлен акт. Все указания я должен был получить в Москве, и только там я узнал от члена ЦК Рихтера о плане покушения на Ленина и Троцкого" (т. I л. д. 90).

Эти совершенно категорические показания устанавливают осведомленность двух членов ЦК, одного по Москве, другого по Петрограду, и третьего лица, специально выделенного ЦК для связи с военной комиссией,—Рабиновича. При таких условиях, показание Рабиновича об отрицательном ответе ЦК является явно несоответствующим действительности.

Описывая в своих показаниях свою поездку в Москву, Коноплева далее сообщает: „В марте я с Ефимовым выехала в Москву. Приехав в Москву, мы направились на квартиру Рихтера и оттуда на снятую им квартиру по

Большому Успенскому переулку, дом 9. Из разговора выяснилось, что в смысле подготовки им ничего не сделано. Помощь его выразилась только в том, что он достал мне для отравления пуль яд „кураре“ и познакомил меня с молодым человеком, которого хотел привлечь для слежки.

Мы с Ефимовым тогда сделали попытку наладить дело со слежкой сами, но, не зная города, убедились, что при такой постановке дела толка не будет. Скоро приехал в Москву Гоц, он пришел ко мне на квартиру, и я передала ему о положении дел, об отсутствии помощи со стороны Рихтера, о невозможности вести слежку без помощника и при отсутствии руководителя. Гоц сказал, что дело приняло затяжной характер, момент упущен и предложил ликвидировать дело“ (т. I, л. д. 381).

Ефимов, подтверждая эти показания, говорит, что за это время „пару раз ходил к Боровицким воротам Кремля для наблюдения за выездами Ленина“, при чем сообщил, что „если он делал первые шаги в деле слежки за Лениным, то это исключительно в силу партийной дисциплины“. Ефимов далее показал, что он имел в Москве беседу и с другим членом ЦК—Тимофеевым, которому сообщил об отсутствии у него и Коноплевой денег на обратную поездку в Петроград.

При своей встрече с Тимофеевым в конце марта 1918 г. на Арбате, вблизи особняка Второва,— „я с ним,—говорит Ефимов,—имел очень краткий разговор и сказал, что мы уезжаем обратно ввиду того, что покушение на Ленина не удалось“ (т. I, л. д. 88, 96).

Этим устанавливается связь с этим покушением уже третьего члена ЦК. После Рихтера, Гоца и Тимофеева, Коноплева указывает четвертого члена ЦК, также посвященного в дело ее с Ефимовым. Она говорит, что на партийной явке в Пименовском переулке (адрес узнал Ефимов) она встретила члена ЦК Веденяпина. „Из разговора с ним я поняла, что ему была известна цель приезда моего в Москву. Вместе с Ефимовым я была на квартире Веденяпина на Новинском бульваре, где встретила другого члена ЦК—Тимофеева. Тимофеев говорил, что момент для террористической работы еще не созрел, но не исключена возможность ее“.

Дополнительно Коноплева показала, что у нее разговор с Веденяпиным. Веденяпин знал о ликвидации дела и, „видя мое тяжелое состояние из-за ликвидации, старался меня ободрить“ (т. I, л. д. 408).

Допрошенный Веденяпин показал, что о поездке Коноплевой он не помнит, и заявляет, что никаких разговоров с ней о терроре у него не было.

Однако Ефимов утверждает, что вместе с Коноплевой виделся с Веденяпиным, был у него на квартире и, кажется, получил от Веденяпина деньги на обратный проезд из Москвы в Петроград.

Итак, в первом покушении на Ленина в марте 1918 г. принимали участие: во-первых, Рабинович, в качестве прикомандированного от ЦК к военной комиссии руководителя работы последней, привезшего специальную санкцию на акт из Москвы, во-вторых, в качестве непосредственного руководителя, назначенного ЦК и передавшего Коноплевой яд „кураре“—член ЦК Рихтер, в-третьих, члены ЦК Тимофеев, Гоц и Веденяпин, знавшие о готовящемся покушении, при чем Гоц знал о поездке Рабиновича в Москву за санкцией. Коноплева и Ефимов устанавливаются в качестве исполнителей.

Итак, 4 члена ЦК: Рихтер, Гоц, Тимофеев и Веденяпин уличаются этими данными в официальном если не руководстве, то полной осведомленности о готовящемся покушении. Форма, в которой имел быть совершен террористический акт, устанавливается, как акт индивидуальный, не связанный с деятельностью партии, как таковой, но, тем не менее, совершенный с ведома партии, ее благословения и под ее руководством.

II. Второе покушение на Ленина.

Выше было сказано, что параллельно с работой в Петрограде велась работа в Москве оставленным там специально для этой цели Гвоздом и посланными ему в помощь Усовым и Зеленковым. Эта посылка была сделана с ведома Гоца и Донского, при чем Гвозд был связан с членами ЦК в Москве.

Впоследствии, по приказанию Рабиновича о выезде боевой группы из Петрограда, в Москву выехали: Семенов,

Иванова, Козлов и Сергеев; ранее еще была вызвана немедленно после убийства Володарского в Москву и Коноплева. Работа Зеленкова, Усова и Гвозда заключалась в ознакомлении с Москвой и в слежке за автомобилями ответственных работников коммунистической партии. Коноплева приехала после 20 июля. Работа, однако, не пошла, и сам Семенов вскоре выехал в Саратов для организации партизанских отрядов. Работа возобновилась только после его нового свидания в Саратове с Донским, где последний, как член ЦК, санкционировал инициативу Семенова по возобновлению террористических актов.

Допрошенный Усов показал, что, приехав вместе с Зеленковым в Москву, он не получил от Гвозда никаких конкретных указаний, и они бесцельно с Зеленковым шатались по Москве, пока Зеленкову это не надоело, и он уехал в Петроград. „Как-то утром ко мне на квартиру,—говорит Усов,—явился Семенов и сообщил, что приехали из Петрограда он, Сергеев, Федоров-Козлов, Коноплева и Елена Иванова". Таков и был состав боевой группы (т. I, л. д. 108).

Факт официального отказа ЦК партии с.-р. от участия в убийстве Володарского вызвал решение центральной боевой организации отодвинуть террористическую работу на задний план и заняться военной работой в Москве и других городах Республики. Тогда-то и выехал Семенов в Саратов. В Саратове Семенов передумал и пришел к мысли о неизбежности террористической борьбы.

После этого он еще раз изложил свой взгляд Донскому. „Донской опять-таки,—говорит Семенов,—всецело разделил мою точку зрения".

Далее Семенов сказал: „Вернувшись в Москву, я запросил у Гоца мнение ЦК. Из беседы с ним (я был у него на даче под Москвой, по Казанской жел. дор.) выяснилось, что Гоц стоял на той точке зрения, что политическая обстановка достаточно созрела, и что убийство Троцкого и Ленина можно и следует осуществить немедленно. На вопрос об отношении в будущем к этому ЦК, Гоц ответил, что намеченные террористические акты имеют такое большое политическое значение, что ЦК ни в коем случае не выступит после них с таким заявлением, с каким он выступил после убийства Володарского, но, может быть, что

ЦК не сразу, по тем или иным практическим соображениям, но возможно через некоторое короткое время открыто признает акт делом партии“ (отд. I, л. д. 36).

Беседу по тому же поводу с Гоцем имела и Коноплева, тоже под Москвой, по Казанской жел. дор., на даче. По вопросу о террористической работе им было высказано следующее положение: ситуация совершенно изменилась, идет открытая борьба с большевиками, существуют фронты, и теперь целесообразны и нужны террористические акты. Теперь уже можно террористическую борьбу вести от имени партии. Покушение на Ленина и Троцкого партия признает своим делом, если не сейчас, то немного позднее (т. I, л. д. 392).

Наконец, Усов показывает, что однажды на явке в книгоиздательстве „Революционная Мысль“ он встретил там Сергеева, Иванову и Донского. „Между нами,—говорит Усов,—шли прения, кого нужно убить в первую очередь: Троцкого или Ленина. Елена Иванова предлагала Троцкого, а Донской и Семенов были за убийство Ленина“ (т. I, л. д. 109, 110).

Четвертый боевик Пелевин показывает, что ему в то время уже было известно от Семенова, от Каплан и Коноплевой, что бюро ЦК в Москве санкционировало террор и экспроприации по отношению к Советской власти. „Я—старый эсер,—говорит Пелевин,—и иначе не согласился бы никогда на применение таких террористических приемов. Я это знал от Семенова, от Фанни Каплан и от Лидии Коноплевой“.

После санкции ЦК, переданной Гоцем Семенову, последний сообщил об этом членам боевой организации на собрании членов боевой организации, и последние тогда потребовали, чтобы ЦК определенно заявил, что он не отречется от актов. Согласно этому решению Семенов снова отправился к Гоцу на дачу и предложил дать официальный ответ, гарантирует ли он от имени ЦК, что ЦК не отречется от акта. Гоц дал от имени партии честное слово, что ЦК не заявит о непричастности партии и признает акт открыто немедленно или через некоторое время (т. I, л. д. 36).

На основании этого показания устанавливается: во-первых, связь боевой группы непосредственно с ЦК через

Семенова, во-вторых, осведомленность об этом членов ЦК Гоца и Донского, в-третьих, полная уверенность всех боевиков, что они действуют с санкции ЦК, и, в-четвертых, формальная гарантия, данная ЦК о том, что он на этот раз не отречется от акта.

Этим, однако, не исчерпываются все об'ективные свидетельства о связи ЦК с боевой группой. На вопрос о составе центрального боевого отряда Коноплева показала, что состав в то время, в конце июля, был следующий: Семенов, Иванова, Усов, Козлов, Зубков, Зеленков и она— Коноплева. В начале августа в отряд вошли Новиков, Королев и Киселев (т. I, л. д. 392).

Далее Семенов показал: „Дашевский, которому было известно, что я являюсь руководителем террористической группы, сообщил мне, что в Москве есть группа с.-р., которая ведет террористическую работу самостоятельно, без контакта с ЦК, предложил мне попытаться соединиться с этой группой лиц и познакомил меня с руководительницей этой группы. Этой руководительницей была Фанни Каплан" (т. I, л. д. 36).

Соответственно с этим, допрошенный Дашевский показал, что совершенно случайно от одного из товарищей он узнал, что к нему обратилась Фанни Каплан с просьбой о содействии, и что она имела в виду покушение на Ленина. Это было приблизительно в июле 1918 года. После знакомства своего с Каплан Дашевский и сообщил об этом Семенову, указывая на чрезвычайную опасность самочинного выступления Каплан, и предложил войти в сношение с Каплан.

По этому поводу Коноплева, допрошенная по этому же вопросу, показала что действительно в числах между 10 и 12 августа в отряд была принята Фанни Каплан. Семенов, подтвердив вхождение той же Каплан, сказал, что Каплан рассказала ему, что до вступления она через кого-то предлагала ЦК убить Ленина и Троцкого, при чем Семенов случайно припоминает, что Гоц на одном из свиданий говорил ему, что к нему обращалась Каплан с предложением убить Ленина и Троцкого, и что ЦК тогда ей отказал, считая Каплан истеричкой. Далее Семенов показал, что Каплан сказала ему, что она обращалась со своим

предложением к Вольскому и к члену бюро фракции учредительного собрания Павлову и к Савинкову (т. I, л. д. 203, 204 и 392).

Допрошенный по этому поводу Вольский подтвердил, что он действительно встречался с Каплан два раза в мае месяце 1918 года, при чем Каплан говорила о том, что она хочет совершить террористический акт против представителей коммунистической партии. „В группу Каплан,—говорит дальше Семенов,—входило три человека: бывший матрос Пелевин, Рудзиевский и эсерка Маруся“ (т. I, л. д. 37).

Допрошенный Пелевин показал, что он познакомился с Каплан у Рудзиевского, где собиралась группа людей, решивших организовать вооруженную борьбу с Советской властью, и что вскоре он и Каплан отошли от Рудзиевского и стали принимать участие в слежке за Троцким (т. I, л. д. 83).

Таким образом, суммируя все эти показания, из которых ни одно не только не противоречит другому, но все в совокупности полностью подтверждают одно и другое, устанавливается:

Во-первых, связь группы Каплан с группой Семенова, совпадающая во времени и датами, в числе сотрудников и прочих мелочах.

Во-вторых, связь Каплан с ЦК и связь ЦК с Семеновым; кроме того, подтверждается состав центрального боевого отряда и полная согласованность всех его действий с ЦК.

Одновременно совершенно точно устанавливается также характер отношений ЦК к этому акту при наличии полной согласованности показаний всех участников боевой группы. Отношение ЦК к Семенову и Семенова к ЦК устанавливается равным образом из показаний и Коноплевой и Семенова. Характерен ответ ЦК, данный в лице Донского и Гоца. Они признавали акт своевременным, они указывали на возможность террористической борьбы с развитием борьбы и установлением фронтов, и они допускали возможность отсрочки признания акта по некоторым соображениям — тактика молчаливого санкционирования с отложением вопроса официальной ответственности и об открытом признании до удобного времени. Эта позиция, о

которой в свое время согласно показывали и Иванов, и Ракитников, и Буревой.

Ту же позицию подтверждает и Пелевин, который показывает, что на собрании боевиков, после того как Семенов сообщил о разрешении ЦК, боевики все же потребовали более формальной гарантии, после чего Семенов отправился еще раз к Гоцу, где последний заверил его честным словом, что ЦК не заявит о непричастности партии к покушению. О каких-либо мерах препятствий со стороны ЦК при наличии его полной осведомленности о готовящемся акте нет ни одного намека ни в одном из показаний ни одного из участников группы.

В дальнейшем устанавливается еще более убедительный факт. Семенов показывает: „Так как Ленина было легче убить технически, мы решили убить его при от'езде с митинга из револьвера". Москва разделяется территориально на 4 части, назначаются 4 исполнителя акта, на каждом более или менее крупном митинге обязательно дежурит кто-нибудь из боевиков. Районный исполнитель ждет неподалеку от митинга в условном месте, и, как только Ленин приезжает на митинг, дежурный боевик сообщает районному исполнителю. Районный исполнитель является и выполняет акт.

Исполнителями были назначены Каплан, Коноплева, Козлов и Усов. Фактическую сторону этого дела целиком подтверждают показания члена боевой группы Усова, который говорит, что он стал руководствоваться газетами, где периодически помещались об'явления о митингах. Семеновым было решено посылать на эти митинги террористов и разведчиков. „Помню слова Ивановой о том, что ЦК весьма желательно, чтобы исполнителем был обязательно рабочий. Все высказывались, чтобы исполнителем был я. Это поддержала Иванова, которая считала меня очень честным и самоотверженным человеком",—говорит Усов (т. I, л. д. 112).

Допрошенный Зубков показал, что в деле покушения его участие выразилось в том, что он ходил по митингам следить за тем, на какие митинги приезжает Ленин. Допрошенный Федоров-Козлов показывает, что вместе с Каплан и Лидией Коноплевой он принимал участие в слежке

за Лениным и состоял в числе исполнителей акта на Ленина вместе с Каплан и Коноплевой (т. I, л. д. 78 и 136).

Иванова от дачи показаний отказалась, но Коноплева показала то же самое, что остальные три. Но когда в первую неделю боевики, вооруженные револьверами, были распределены по митингам, и один боевик, намеченный отрядом, встретив Ленина, в него не выстрелил, на вторую неделю состав был изменен, „были назначены в качестве исполнителей только Фанни Каплан, я и Козлов",—говорит Коноплева. Таким образом из первых четырех оказывается, по показаниям Коноплевой, исчезнувшим Усов.

Согласно показаниям Семенова и показаниям самого Усова причина была именно та, на которую указывает Коноплева; Усов показал, что, переживая в это время ломку и не веря в правоту дела, он, получив револьвер, пошел в Александровский Народный Дом, уже вовсе не думая стрелять в Ленина, „я не знал,—говорит Усов,—где правда, и потому не мог стрелять, и, когда пришел к своим, они меня своим уже не считали, и я стал думать, как бы вообще уйти из организации".

Допрошенный Семенов показал, что после того, как Усов покушения не сделал, он Усова исключил (т. I, л. д. 113).

Второй исполнитель, Козлов, как это установлено следствием, поступил равным образом, точно так же, как и Усов.

Допрошенный, он показал, что принимал первоначально участие в слежке за Лениным и состоял в числе исполнителей акта. В тот день, когда стреляла в Ленина Каплан, он также был на митинге в Хлебной Бирже, встретил там Ленина, но в него также не выстрелил, не решился. Оказались более „твердыми" только Коноплева и Каплан.

К этому времени относятся показания еще одного важного об'ективного свидетеля относительно связи ЦК с боевой организацией. К этому времени руководителем московского отряда ЦК являлся Донской, вызванный из Саратова. Между ним, Семеновым и Каплан имело место свидание на бульваре у Смоленского рынка. Здесь Донской говорил открыто, что ЦК безусловно признает акт делом партии, подтверждением могут служить показания Ставской, приехавшей в Москву после покушения на Ле-

нина и имевшей по поводу покушения беседу с Донским. Ставская показала: „Я встретилась в Москве с Донским, который отрекомендовался мне членом ЦК, представляющим ЦК в Москве. На вопрос о причастности партии с.-р. к покушению на Ленина, он ответил, что ЦК знал о подготовляющемся покушении, не мог удержать Каплан, и не мог открыто признать акта покушения делом партии, боясь подвергнуть партию репрессиям со стороны Советской власти". „В беседе со мною,—говорит Ставская,—он отнюдь не возражал против применения террора, как орудия борьбы с большевиками, и предложил мне направиться в боевую группу при ЦК, возглавляемую Григорием Ивановичем Семеновым. Донской дал мне определенно хороший отзыв о Семенове. Донской сказал мне, что Фанни Каплан состояла в боевой группе Семенова, и что я могу от последнего узнать все подробности о Фанни". Этим свидетельством, которое не может быть опровергнуто ничем, связь ЦК с покушением на Ленина установлена точно и бесповоротно.

Самое покушение на Ленина рисуется допрошенными в следующем виде. Семенов показывает, что, после исключения Усова из состава исполнителей, он рассыпал боевиков на все митинги и, прежде всего, в тот район, где, по его мнению, было больше всего шансов на приезд Ленина. На завод Михельсона он послал старого эсера-боевика Новикова, а Каплан дежурила недалеко от завода, на Серпуховской площади. Усов подтверждает фактическую сторону покушения и то, что при Каплан, в качестве разведчика, был Новиков. В материалах дела Каплан (лист № 7) имеется показание помощника военного комиссара 5-й Московской Советской дивизии Батурина, задержавшего Каплан после покушения и удостоверяющего, что она находилась вблизи Серпуховской цлощади, недалеко от места совершенного покушения.

Коноплева показывает, что Ленин приехал на завод Михельсона, и дежуривший там боевик Новиков дал знать Каплан, которая, при выходе Ленина, в него стреляла. Пули были отравлены ядом „кураре". В каждом револьвере было отравлено по 3 пули. Допрошенный по этому поводу Семенов удостоверяет, что пули он отравил лично на квар-

тире Федорова-Козлова, который при этом присутствовал и это также подтверждает.

Осмотром вещественных доказательств по делу о покушении на Ленина, а именно: поднятого на месте преступления револьвера системы браунинг, семи имевшихся в обойме пуль, трех пустых гильз от выстрелянных пуль и осмотром извлеченных после ранения пуль устанавливается, что 7 пуль целы и никаких надрезов не имеют, из извлеченных же пуль одна из трех разрезана на-крест. Допрошенный Козлов, который должен был стрелять в этот день на Хлебной Бирже, говорит: „У меня был с собою испанский браунинг. Пули были отравлены Семеновым. Отравление происходило на явочной квартире группы, в Сыромятниках. Семенов надрезал пули перочинным ножом и посыпал их каким-то порошком". Допрошенная на следующий день, после совершения покушения. Каплан (дело покушения Каплан, л. 25 и л. 28) показала: „Я приехала на митинг в 8 часов вечера. Кто дал мне револьвер—не скажу". При первом допросе она показала, что она Самарское правительство принимает всецело и стоит за союз с союзниками против Германии, и что она совершила акт как акт индивидуальный.

На основании изложенного устанавливается, что о готовившемся покушении знали члены ЦК Гоц и Донской, что санкция была дана ими от имени ЦК, что Гоц дал, кроме того, честное слово, что акт будет признан, что то же заверение дал Донской Каплан, что все боевики были убеждены, что действуют согласно санкции ЦК, при чем это разрешение обеспечили себе особым договором.

Этот отказ, по словам Коноплевой, произвел ошеломляющее впечатление на отряд. Боевик Пелевин по этому поводу показывает, что отказ партии произвел ужасающее впечатление. „Люди шли на смерть,—говорит Пелевин,—от имени ЦК, и этот ЦК отказывается от собственного дела". Боевик Зубков показывает, что заявление ЦК нас возмутило и произвело удручающее впечатление. Семенов показывает, что отказ партии произвел на нас ошеломляющее впечатление (т. I, л. д. 83).

Последующее развитие событий рассеивает, однако, последнюю тень сомнений относительно действительной

роли ЦК и рассеивает версии о возможности обмана боевиков со стороны Семенова. Пелевин в марте 1919 г. встретился в тюрьме с Донским и имел с ним по этому поводу беседу.

Донской, по словам Пелевина, не дал ему прямого ответа на вопрос о поведении ЦК и сказал, что об этом будет поднят вопрос на ближайшем с'езде партии. Семенов говорит, что он встретился, он и Новиков, потом с Донским, которому заявил, что считает подобное поведение ЦК трусостью. Донской указал, что ЦК считал необходимым сделать такое заявление, потому что в противном случае партия подверглась бы разгрому красного террора (т. I, л. д. 83).

ПОКАЗАНИЯ РАБОЧИХ—БОЕВИКОВ УСОВА, ЗУБКОВА И КОЗЛОВА.

Показания рабочего Усова.

Подсудимый Усов в своих показаниях целиком подтверждает все показания Семенова о подготовке и покушении на т.т. Ленина и Троцкого. При этом он сообщает, что слежку вели: Коноплева, Семенов, Зубков, Иванова и другие.

С Ивановой он встречался несколько раз на Солянке, в Юридической столовой. Тут же Усов рассказывает, как он и Зубков ходили из Томилина, где была квартира боевиков, вместе с Ивановой взрывать поезд Троцкого. Всю ночь просидели у полотна железной дороги, но поезда не дождались. Поезд взрывать хотела сама Иванова.

— Такие дела не забываются,—говорит Усов,—и если Иванова забыла, то это сделала с умыслом.

Переходя к покушению на тов. Ленина, Усов вспоминает, что Коноплева, Семенов и Иванова, уговаривая его стрелять в Ленина, говорили: „Убийца Ленина обязательно должен быть рабочий. Это произведет фурор и даст партии возможность выступить против Коммунистической Партии, называющей себя рабочей".

Я не хотел быть исполнителем, ибо сомневался в честном слове Гоца. Делился своими сомнениями с Ивановой. Она успокаивала меня: ЦК не изменит и не подведет. Семенов на одном из собраний боевиков заявил нам: ввиду новой обстановки и наличия вооруженной борьбы Советской власти на фронтах, ЦК разрешает террор против вождей Коммунистической Партии. Мы, однако, отнеслись недоверчиво к этому заявлению и потребовали гарантий.

Семенов виделся с Гоцем, который дал честное слово революционера, что никаких недоразумений между дружинниками и ЦК не будет. ЦК признает совершенный ими террористический акт. Мы стали дежурить на митингах, где ожидались Ленин и Троцкий.

На одном из митингов, куда я был послан Семеновым, был тов. Ленин. На митинг собралось около 2.000 рабочих. Еще до митинга я вступил в спор с рабочими по поводу учредительного собрания, но сторонников у меня не оказалось. Рабочие были за Советы.

Ленина встретили восторженными криками и громом аплодисментов. Он говорил как раз об учредиловке. Я выслушал речь и ушел. Стрелять я не мог и не стал.

Боевики обрушились на меня. Одни заподозрили меня в большевизме, другие — в малодушии. Семенов тоже был недоволен.

В одну из следующих пятниц, когда в Москве происходили митинги, меня послали в Петровский парк. Но там никакого митинга не оказалось. На другой день я узнал, что тов. Ленин ранен, а затем мы прочитали в газетах, что ЦК отрекся от покушения на тов. Ленина.

Боевики созвали собрание и обсудили поведение ЦК. Затем Семенов и Новиков имели беседу с Донским. В этой беседе также участвовал и я. Донской предлагал нам отколоться от партии и, ведя террористическую работу, называться „черными воронами". Мы резко выступили против этого предложения, и я, между прочим, сказал: „если Донской чувствует себя вороной, то пусть летит на большую дорогу и клюет навоз, а не сидит в Центральном Комитете".

После этого отречения ЦК от покушения на т. Ленина и оскорбительного предложения Донского, я не мог оставаться не только в боевой дружине, но и в партии.

„Правда", июнь 1922 г.

Показания Зубкова.

Зубков приехал в Москву из Петрограда в конце июля. В Москве он пришел на явочную квартиру на Зацепе, но там никого не застал. Тогда он отправился на другую явочную квартиру в Сыромятниках, где встретил Усова,

с которым был знаком по Петрограду. На второй или третий день в Сыромятники пришел Семенов, который сообщил ему, что предполагавшаяся отправка дружины, в состав которой входил Зубков, на фронт отложена. Чтобы не терять даром времени, Семенов предложил Зубкову вступить в боевой отряд, который он, Семенов, организует для террористических актов. На вопрос Зубкова, с чьей санкции организуется этот отряд, Семенов ответил, что с санкции ЦК. Зубков выразил сомнение и указал на убийство Володарского, от которого ЦК отрекся. По настоянию Зубкова и других членов боевой группы, Семенов ходил к Гоцу. Гоц дал Семенову честное слово, что партия признает предстоящий террористический акт своим. Зубков и другие члены признали честное слово Гоца вполне достаточным.

„Правда", 22 июня 1922 г.

Показания Козлова.

В первых числах августа Козлов приехал из Саратова в Москву. Семенов предложил Козлову принять участие в организованном им боевом отряде для совершения террористических актов. Козлов спросил, как относится к этому ЦК партии. Семенов ответил, что ЦК санкционировал работу отряда. Козлов согласился вступить в отряд Семенова. Ему была поручена слежка за Лениным, потом он вошел в число исполнителей предполагавшегося покушения на Ленина. Козлов помнит три случая, когда он был на митингах, где ожидался тов. Ленин: в мастерских Казанской и Курской ж. д. и на Хлебной Бирже. На Хлебной Бирже он был в тот самый день, когда Фанни Каплан стреляла в Ленина на заводе Михельсон.

—У меня был с собой в этот день,—говорит Козлов,—испанский браунинг. Пули были отравлены Семеновым. Отравление происходило на явочной квартире в Сыромятниках. Семенов надрезал пули перочинным ножом и посыпал их каким-то порошком.

Вернувшись с Хлебной Биржи на явочную квартиру в Сыромятниках, Козлов узнал о покушении Фанни Каплан.

„Правда", 22 июня 1922 г.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ НА ПРОЦЕССЕ ЭСЕРОВ[1]).

Из речи Государственного Обвинителя тов.—Луначарского.

Здесь я сделаю маленькое отступление вот по какому поводу. Я таким образом указываю на необходимость для эсеровской партии постоянного лавирования между левым и правым крылом. И мне сейчас вспомнилась одна чрезвычайно показательная фраза подсудимой Ратнер, которая сказала: „Именно наша способность лавировать привела нас к тому, что мы и сейчас можем себя считать в лагере пролетариата". Именно не столько способность, сколько необходимость так лавировать привела партию эсеров к тому абсолютному крушению, которое увидели люди, приехавшие их сюда защищать, ибо как иначе учесть, как не крушение корабля, который лавировал и не вылавировал, замечание Вандервельде, что по приезде в Москву он должен был уведомить бельгийских социалистов, что большевистская власть есть настоящая власть, и долг каждого социалиста—выступать за смычку и связь с Советской Россией. Если обратиться к партиям конкурирующим, то я не вижу ни одной, которая способна сопротивляться большевикам. Когда

[1]) Государственными обвинителями по процессу эсеров выступали т.т. Луначарский, Покровский и Крыленко. Тов. Луначарский дал общеполитическую оценку партии социалистов-революционеров, конечно, не столько исторического характера, сколько обвинительного; тов. Покровский остановился на деятельности партии социалистов-революционеров в моменты, когда последние стояли у власти в тех или иных местах и наконец, на долю тов. Крыленко досталось определить степень виновности каждого подсудимого индивидуально.

Кроме того, с обвинительными речами выступали товарищи от Коминтерна, а именно: Клара Цеткин Муна, и Бокани.

я ищу места эсерам, то я не могу их назвать иначе, как жирондистами [1]). Как известно, жирондисты не были партией победоносной, и сравнение с жирондистами во многом для них подходящее. Но думаю только, что надо уберечься, чтобы не употреблять это выражение слишком точно, потому что оно может быть для партии эсеров и чрезмерно лестно, так как жирондистскую партию, может быть, во время предпринятой хирургической операции можно было бы все-таки предостеречь от такого глубокого падения, до которого эсеры докатились. Мы не можем сказать прямо относительно партии жирондистов, чтобы какой-нибудь заведомо монархический генерал на призыв того или другого жирондиста ответил ударом солдатского сапога, как пишет Чернов. Мы не можем сказать, чтобы та или другая авантюра жирондистов служила ступенью к возникновению колчаковщины. Так что вся гибельность пути, на которой вступает подобная общественная формация, чрезвычайно показательна для партии социалистов-революционеров. Среди этого лавирования, между прочим, занимает большое место лавирование налево.

Вот, я позволю себе напомнить те места, которые здесь уже цитированы, но которые представляют собою настолько важные цитаты, что их желательно было бы повторить. Я хотел бы процитировать речи Чернова и Гоца, которые были произнесены в свое время относительно решимости партии социалистов-революционеров пустить в ход старое оружие в случае посягательства на Учредительное Собрание. Но, может быть, для этого не нужно даже цитаты, потому что она у всех в памяти,—разумеется, стремление отвертеться от реального смысла этих призывов является совершенно жалким. В общем подсудимые редко попадали в такое положение, когда их оправдание было бы жалким. Памятуя, что они поддерживают здесь престиж своей партии, они остерегались подобных положений. Но само собой разумеется, когда с.-р-ы угрожали, они отнюдь не имели в виду невооруженное восстание, а террор. Всякие попытки этот очевидный факт отрицать ста-

---

[1]) Жирондистами назывались представители одной из политических партий времен Великой Французской Революции, выражавшие интересы либеральной буржуазии и отличавшиеся крайней нерешительностью.

вят партию в смешное и жалкое положение, как бы этого ни старались избегнуть на суде члены Центрального Комитета. Они грозили (насколько они привели в исполнение угрозы, мы увидим), и угроза эта взволновала сердца левого крыла. Левое крыло—боевое, левое крыло болтать не любит, левое крыло хочет дела. И поэтому, когда вожди партии заявляют: вот Учредительное Собрание обидят, и мы покажем,—возьмемся за оружие. Боевики готовят оружие, готовят бомбы, кураре. Учредительное Собрание обижают, разогнали, казалось, надо приняться за дело, со всех сторон получаются предложения. Эти предложения не встречают ни приветствия, ни отказа.

...Я остановлюсь только на явлениях, которые связаны с террором. И тут прежде всего 2 указания на стенограмму. Подсудимый Иванов говорит: так как со всех сторон в это время так в воздухе носились, как он говорит, террористические акты, то по этому самому Центральный Комитет не считал нужным сделать об'явление об их воспрещении. Я специально тогда спросил Иванова, как же это он так думает, если это носилось в воздухе. и серьезно, то тогда-то надо это предупредить. Но подсудимый Иванов промолчал тогда, а через 4 дня подсудимый Донской сказал то же самое: „Мы не давали никаких партийных директив о допустимости эксов, чтобы не подавать к ним повода. То-есть партия так рассчитывает на свой авторитет: если она постановит, что „не делайте эксов"—сейчас же начнут грабить. Нужно молчать. Если партия промолчит, то левые догадаются, что грабить нельзя. Редко кто с теорией Донского согласится, и всякому ясно, что это значит промолчать, чтобы не ангажироваться [1]), „ах,—как говорит дама у Толстого,—деньги, деньги взять". Хотя она с презреньем относится к мужику в „Плодах Просвещения", считая его нечистью, но деньги решила взять, как взяла их партия эсеров, несмотря на запятнанность рук, которые ей протягивали эти деньги. Политика шекспировского короля. Очень не хочется, как это видно из позднейших после покушения на Ленина цитат, из самарских газет, очень не хочется, чтобы Коммунистическая Партия, как там сказано, была труслива и слепа, очень неприятно, что она храбра

[1]) ангажировать—приглашать

и умна, но найдется ли человек, который бы понял мое королевское сердце; если найдется, то не найдется ли такого, который бы выполнил так, чтобы никто не мог понять, что это по приказу короля. Вот такую картину мы видим в отношении подсудимых правой группы к подсудимым левой группы.

Приходит к Гоцу Коноплева и говорит: „желаю совершить покушение как индивидуальный акт". Разумеется, как индивидуальный акт, не ангажируя Центрального Комитета. Это первое условие. Даже здесь Гоц не считает нужным выставить такое положение. Было решено, чтобы их не было. И, как члену партии, я должен сказать: эсеры не делают покушения. Вы не должны этого делать. Нет,— он говорит совершенно другое,—мне показалось, она находилась в очень взвинченном состоянии, не такой человек, у которого это вытекает из монолитной воли, а просто истеричка. И когда он потом, в Москве, является к Коноплевой, он застает ее в таком положении, что говорит: ничего другого не смогу рекомендовать вам, как отправиться домой, отдохнуть.

Но вот Фанни Каплан из другого теста. С ней, правда, говорит не Гоц, а Донской на бульваре. Беседа эта начинается так: „Вы помните, в тот самый момент, как вы совершаете этот акт, вы перестаете быть членом партии эсеров. Вы можете не делать об этом никаких заявлений. Это совершенно не важно. Никаких формально юридических соображений не должно быть. Значит, другими словами, говоря это, Донской говорил (Фанни Каплан достаточно умна, чтобы понять это): вы должны взять ответственность на себя, хотя мы вас не удерживаем и не запрещаем именем партийной дисциплины, но формально мы умываем руки, как самые настоящие Пилаты. Мы, конечно, воспользуемся, как говорится в статье, которая была напечатана в самарской газете, всеми выводами из вашего акта, но не смейте говорить, что это делается с нашего ведома.

Тут два печальных мужества. Первое печальное мужество, что Фанни Каплан сдержала слово. И трогательно держась за партию, заявила,—„я—эсерка". И трогательно лойяльно заявила,—„и я—вне партии". Этими посмертными

словами здесь заслоняются. В этом заключается их сущность. Второе печальное мужество это то, когда гр. Лихач сделал здесь попытку, по стенограмме могущую быть точно установленную попытку, эту трогательную Фанни Каплан об'явить вне своего влияния, отречься от нее, заявить, что она была савинковка. Но когда на следующий день гр. Тимофеев начал бить отбой, понятно было среди лиц, руководящих защитой, что тут хвачено через край, что, во-первых, этого не докажешь, во-вторых, это производит чрезвычайно тяжелое впечатление.

Еще один факт, когда был разговор в повышенном тоне. Действующие лица—Донской и Семенов. В повышенном тоне Семенов говорит: „Что же вы все отрекаетесь?" Донской отвечает ему: потому отрекаемся, что принципиально не признаем для данного времени террора, не на веки вечные, а для данного времени не признаем принципиально террора, „как вы хотите, чтобы это мы признали? Ведь все остатки легальной организации социалистов-революционеров будут совершенно разгромлены. Ведь на наш террор они ответят террором. Мы террором типа Гершуни, а они террором типа Сен-Жуста. Это оружие не равное. Мы потеряем на этом, и только в том отношении террор Гершунинского типа может быть пущен против Сен-Жустовского, если можно сделать так, чтобы партия осталась в своих чистых ризах". Тогда Семенов предлагает Донскому,—это уже и Донской признал:—„Хорошо. Мы тогда будем представлять беспартийную автономную группу социалистов-революционеров". „Нет,—говорит Донской,—этого мало, вы делайте покушения, вы убивайте этих мерзавцев-коммунистов, но называйте себя черными воронами или соколами". Прямой рецепт, как мы можем вас использовать, не ангажируя. Вот вам совершенно точный пример той тактики, которая применялась.

Затем припомните диалог здесь на суде между Гоцем и Дашевским. Дашевский спрашивает: „Почему вы не опубликовали резолюцию о том, что отказываетесь от террористических актов"? Тогда начинается чрезвычайное изобилие, целый ряд причин: 1) „нельзя было опубликовать по конспиративным причинам". „Да почему же"?—удивляется Дашевский.—„Неужели нельзя было сказать, что

вы отказываетесь от террора, вот если бы обратное, то другое дело?" Гоц вычеркивает, стирает губкой, как ученик, который не может ответить учителю, и чертит несколько более колеблющейся рукой другую фразу: „Нельзя было опубликовать некоторых подробностей". Какие подробности? Отвечающий Гоц стирает и это, и вопрос остается без всякого об'яснения. Наконец, он приводит об'яснение чрезвычайно курьезное: „Это было такое массовое явление, что бумажкой нельзя было защищаться против этого". Это даже удивило председателя—тов. Пятакова. Партийное решение, это—не бумажка. Правда, оно пишется на бумаге, может быть, на пергаменте или золотыми буквами на мраморной доске. Дело не в том. Это – документ, постановление партии, опубликованное во всеобщее сведение. Это есть социальный акт. Самое курьезное, это—то, что на следующий день Тимофеев сказал, что это дело не серьезное, никакого движения террористического не было, не против кого было бороться. С одной стороны, не нужно было опубликовать, потому что все равно ничего не поборешь, бумажкой нельзя бороться со вспыхнувшей стихией, а с другой стороны, никакой стихии не было. Таковы блестящие аргументы, которые были приведены для защиты; к сожалению, их оказалось слишком много. В важнейшем политическом деле Центральный Комитет молчит, как воды в рот набрал. Если мы встанем на точку зрения Гоца и скажем—террористическая волна со всех сторон окружила большевиков, со всех сторон были попытки, даже реальные акты. Если мы присмотримся к этой мутной волне и установим различные физиономии, то вся стихия, вся стихийная волна сводится к Семенову. Как ни крути с какой стороны ни подходи—все Семенов и Семенов, так что совершенно ясно, что это не была такая волна, которую нельзя было бы парализовать, а это была волна, которая выливалась, как из горлышка бутылки, и которую небольшой пробкой можно было бы заткнуть. Совершенно достаточно было бы маленького усилия партийного авторитета, и Семенов был бы парализован, но он не был парализован, и всякому совершенно ясно, почему он не был парализован—и в то же время со всех сторон велось такое волнодвижение, которое можно было использовать при случае как попытку такого парализования.

Таким образом, эсеровская партия сделала все от нее зависящее, чтобы использовать левое крыло и при этом именно ввиду характера левого крыла партия натыкалась на очень большие неприятности. Эсеровская партия стремится быть партией рабочей и, борясь с партией по преимуществу рабочей, коммунистами, она весьма заинтересована была показать, что рабочая партия борется против рабочей партии, и поэтому покушение должен был совершить рабочий. При этом была применена лакмусова [1]) марксистская тонкость анализа, нужен был такой рабочий, в котором не было ни одной крупицы мелко-буржуазного элемента, химически-чистый пролетарий. Не знаю, Семенову ли принадлежит эта гениальная мысль или кому-нибудь выше стоящему, но это делает честь расчету, „расчету на фурор", как выразился здесь Усов. Но все дело в том, что лакмусовый химически-чистый рабочий не годится для такого рода эсеровских опытов, и само собой разумеется, если бы кому-нибудь пришла в голову печальная мысль здесь этот морально потрясающий момент, который каждый из нас пережил при показаниях Усова, Зубкова и Козлова, истолковать как примазывание к власти, то это, как плевок против ветра, вернулось бы по адресу отправителя. Мы все почувствовали с ясностью здесь, что выглянула из-под слоя исторических случайностей социологическая коренная подоплека, гранитная основа социальных событий. Надо было взять героическое настроение интеллигентки Фанни Каплан, и нельзя было поручить Усову убить истинного вождя пролетариата, так как у настоящего рабочего не поднимается рука...

...Я уже сказал, что террористические преступления эсеровской партии, главным образом, совершались левым крылом.

И надо сказать, что тактика отречения от компрометирующих работников, которые получили определенные поручения от партии социалистов-революционеров, эта

---

[1]) Лакмусовой бумажкой называется листик бумаги, покрытый особой синей краской—лакмусом, очень чувствительной по отношению к кислотам, при соприкосновении с которыми немедленно меняет синий цвет на красный.

тактика входила в традиции партий. Здесь приводился один случай, но я не знаю, почему упущен был другой, очень характерный случай, когда Центральный Комитет партии социалистов-революционеров постановил поручить Рутенбергу притвориться провокатором, и таким образом обмануть полицию, и когда Савинков по этому поводу говорит в своих воспоминаниях: „надо помнить, что революционер должен уметь быть не только героем, но и лгать“,—то, что здесь сейчас отрицалось, то тогда входило в революционную этику, как и должно входить в военное время,—и вот, когда Рутенбергу было поручено убить Гапона, то Центральный Комитет партии социалистов-революционеров отказался признать впоследствии этот акт, и Рутенберг в „Былом“, в номере от 1909 года в статье „Дело Гапона“, писал: „Я обвиняю бывший Центральный Комитет партии социалистов-революционеров: а) в замалчивании смерти Гапона, совершенной членами партии на основании официально состоявшегося постановления партии, б) во введении в заблуждение публичного мнения сделанным Центральным Комитетом заявлением в печати в мае 1906 года, где говорилось, что партия никаких сношений с Гапоном не имела, в) в том, что своим поведением Центральный Комитет поставил меня в морально-двусмысленное положение по поводу сношений с Рачковским, инициатива которых исходила от Центрального Комитета и фактически была одобрена всем его составом, исключая одного голоса“. Это относилось, конечно, к золотому веку партии социалистов-революционеров, а переживаемый ими сейчас железный век еще более уснащен подобными методами, от моральной характеристики которых я воздержусь, так как для меня важна только политическая характеристика. Я не буду больше останавливаться на отношении партии социалистов-революционеров к левому крылу, которое будет освещено в речи товарища Крыленко, и возвращусь к правому крылу, которое в большей мере касается моей задачи, чем чисто уликовый характер обвинения в делах террористических.—

Из речи Государственного Обвинителя тов. Крыленко [1]).

...Вопрос о терроре ставился в кругах Партии социалистов-революционеров вслед за Октябрьской революцией. Впервые о нем заговорила Евгения Ратнер на IV с'езде партии. Свое отношение к террору она формулировала так: „если большевики будут применять к арестованным эсерам казнь, то партия в целях самообороны вынуждена будет перейти к террору". Ратнер оговорилась, что это было ее личное мнение. Но на этом с'езде она была выбрана в члены ЦК, против ее позиции никто не возражал.

Другую позицию занимал подсудимый Тимофеев. Он считал, что раз революция уже началась, то вопрос о терроре, как средстве борьбы, совершенно отпадает. Но против этой позиции возражал Виктор Чернов. Таким образом, мы имеем два положения, друг друга исключающие. Оба они исходят от членов ЦК.

Отсюда ясно, что вопрос о терроре против советских вождей ставился и обсуждался в руководящих кругах партии. На IV с'езде и на петроградской конференции он ставился в скрытой форме. Открыто он был поставлен в пленуме ЦК.

Здесь оглашалось письмо Гоца, в котором говорилось, что партии эсеров придется „вспомнить свои старые испытанные средства, если большевики будут продолжать свою политику, и воздать им по делам их".

Еще категоричнее Виктор Чернов. Вслед за угрозой вспомнить о старых испытанных средствах борьбы, он говорит: „Если большевики остановятся—хорошо; нет—это их дело. Они предупреждены".

[1]) Печатается по отчету, опубликованному в „Известиях ВЦИК".

Смысл этой угрозы ясный. Здесь речь идет не о массовых восстаниях, так как это средство было уже испытано, и предупреждать о нем большевиков не было надобности. Такое об'яснение со стороны подсудимых, по меньшей мере, является наивным.

Второй член ЦК, Николай Иванов, тоже стоял на точке зрения допустимости террора против советских вождей. О позиции третьего члена ЦК, Евг. Ратнер, уже говорилось. Таковы факты, предшествовавшие пленуму ЦК.

На пленуме ЦК были две точки зрения. Одна—за полное прекращение и запрещение террора; другая—за условное. Поправка Сунгина, предлагавшего категорически запретить террор, была отклонена. ЦК принял расплывчатую резолюцию, в которой говорилось, что сейчас, когда массы встали, террор несвоевременен.

Но и эта расплывчатая резолюция не была широко доведена до партийных организаций. И это в то время, когда партийные низы были определенно настроены террористически. К членам ЦК со всех сторон сыпались предложения отдельных членов, желавших совершить террористический акт.

О резолюции ЦК по поводу террора не знали не только рядовые члены партии, но и партийные организации, близко стоявшие к ЦК. Такой видный и близкий к ЦК работник, как Дашевский, знал о существовании в Москве террористической группы и не видел в этом ничего особенного. Он не считал даже нужным довести об этом до сведения ЦК, так как ему было известно, что эта боевая террористическая группа имеет сношения с членами ЦК. О резолюции ЦК Дашевскому не было ничего известно.

Для характеристики царившего в кругах партии настроения по отношению к террору характерен факт, как реагировал находившийся в Самаре пленум ЦК на покушение против т. Ленина. Пленум ЦК выслушал сообщение о покушении в порядке информации и принял его к сведению. Не было порицания или неодобрения этого факта. Но зато было одобрение. Его высказал видный эсер Буревой в статье по поводу покушения на т. Ленина. Статья была напечатана за полной подписью Буревого. Это одобрение ни пленумом ЦК, ни отдельными его членами не было опротестовано.

Такова была атмосфера в рядах партии накануне со-

вершения террористических актов.

Первым практическим шагом в области террора была организация покушения в связи с от'ездом Совнаркома из Петрограда в Москву. По поводу этого покушения имеется показание Коноплевой. Она утверждает, что вопрос о покушении в связи с от'ездом Совнаркома ставился в петербургском губкоме партии и получил там положительное разрешение. Петербургский комитет признал нужным террористический акт организовать.

Было или не было заседания петроградского губкома? Принимал он или не принимал такого постановления? По этому поводу мы имеем показания Гоца, который помнит, что к нему приходила работавшая в петроградском губкоме Брюлова-Шаскольская и говорила ему о каком-то террористическом акте. Но он, Гоц, дал отрицательный ответ. Гоц уверяет, что разговор шел о терроре вообще, но не об определенном террористическом акте в связи с от'ездом Совнаркома.

Тов. Крыленко напоминает, что он два раза задавал Гоцу вопросы по этому поводу, и два раза Гоц ответил ему категорически, что о постановлении петроградского комитета ему ничего не известно. И вслед за этим представил Трибуналу письмо Брюловой-Шаскольской, которое просил приложить к делу и огласить. Председатель Трибунала тогда же обратил внимание на одну характерную особенность этого письма: оно датировано маем 1922 года.

— А я,—говорит тов. Крыленко,—обращаю внимание на другую особенность этого письма. Брюлова-Шаскольская в нем пишет, что на заседании петроградского губкома был поднят вопрос о терроре, и приняты по этому поводу некоторые постановления. Эти постановления были доложены ЦК, но он их не одобрил. Гоц, держа в руках это самое письмо Брюловой-Шаскольской, два раза ответил мне, что никакого постановления петроградского губкома по поводу террора не было. А представленный им документ утверждает, что постановление было.

Кроме заявления Гоца, имеется еще заявление на суде Гендельмана, который говорил, что он что-то слышал о намерениях взорвать поезд Совнаркома. Значит, и второму члену ЦК об этом 'намерении было известно.

Третий член ЦК, Николай Иванов, утверждает, что он узнал о том, что некая группа имела намерение взорвать паровоз, прицепленный к поезду Совнаркома, в тот момент, когда члены Совнаркома находились уже в вагонах. А если это не удастся, то взорвать бомбой железнодорожный путь. Иванов утверждает, что никакого террористического акта не предполагалось, а предполагалась лишь простая демонстрация. Он почему-то уверен, что если взорвать паровоз с котлом, то сидящие в поезде люди не пострадают, и если взорвать путь и устроить крушение поезда, то от этого тоже никто не пострадает.

Что же было предпринято против лиц, подготовлявших это покушение? На такой вопрос Ник. Иванов ответил: „Ничего, мы смотрели на это, как на дикую идею".

Обвиняемая Елена Иванова рассказывала нам несколько иную версию этого покушения. Она говорила, что предполагалось облить маслом рельсы, чтобы задержать движение поезда Совнаркома, или же остановить поезд, собрав толпу на рельсах, и что все это предполагалось сделать не в Петербурге, до отправления поезда, а на какой-то маленькой станции, под Петербургом, через которую поезд должен проходить. Эти детали неважны. Важно лишь то, что и Елена Иванова о предполагавшемся плане знала.

Сопоставляя все эти заявления с показанием Коноплевой, тов. Крыленко приходит к следующему выводу: план покушения на поезд Совнаркома был, он вышел из недр петроградского губернского комитета, но результаты не получились по техническим условиям: не успели подготовиться, не было технических средств, поезд Совнаркома вышел ранее назначенного срока. Вот почему не осуществилось покушение, а вовсе не потому, что его, будто бы, запретил Гоц.

Вторым практическим шагом в области террора была первая попытка покушения на тов. Ленина. Инициатива этой попытки исходит от Коноплевой. Мысль об этом зародилась приблизительно в середине февраля, после санкции ВЦИК'ом Брестского мира. Трибунал запросил по этому поводу справку. Ему ответили, что санкция ВЦИК'ом Брестского мира относится к 21—28 февраля. Следователь-

но, указанные Коноплевой даты сходятся, и эта часть ее показания подтверждается.

Первая беседа по поводу этого акта была у Коноплевой с Рабиновичем. Нет никаких об'ективных данных, которые опровергали бы это показание Коноплевой. Рабинович счел нужным переговорить по этому поводу с Гоцем. Гоц подтверждает, что он действительно виделся с Рабиновичем и говорил с ним по поводу предложения Коноплевой. Значит, и эта часть показаний Коноплевой подтверждается.

Коноплева не умела стрелять. Ефимов обучил ее стрельбе, зная, для чего; Ефимов подтверждает это показание Коноплевой. Разногласия и здесь нет.

Перед от'ездом в Москву Ефимов виделся с Гоцем. Гоц спросил его:—Вы едете в Москву?—Да,—отвечал Ефимов.—Так смотрите же внимательней за Коноплевой, как бы она чего-нибудь не натворила,—сказал Гоц Ефимову. Гоц свидание с Ефимовым отрицает. Но он не отрицает факта посылки в Москву Рабиновича. Гоц поручил Рабиновичу поставить на обсуждение бюро ЦК предложение Коноплевой о террористическом акте, в новом разрезе, как акте индивидуальном.

Гоц говорит, что он не считал себя в праве отказать члену партии в его желании узнать мнение авторитетного органа партии по поводу его предложения и поэтому, между прочим, поручил Рабиновичу выяснить взгляд ЦК на предложение Коноплевой.

Все это происходило через две недели после пленума ЦК, который вынес резолюцию о терроре. Эта резолюция не помешала Гоцу поставить вопрос о терроре вторично на обсуждение бюро ЦК.

До сих пор показания сходятся. Но дальше начинаются разногласия. Коноплева утверждает, что Гоц санкционировал террористический акт против Ленина, а Гоц это отрицает.

Коноплева и Ефимов едут в Москву и идут там к члену ЦК Рихтеру, который был указан им как руководитель их работы в Москве. Они вместе с Рихтером подготовляют террористический акт. Рихтер им помогает плохо, но они видятся с ним каждый день, а затем вместе с женой Рихтера уезжают в Петербург. Следовательно, участие Рихтера в этом деле установлено.

Коноплева говорила здесь о втором свидании с Гоцем в Москве. Гоц не отрицает, что он виделся с Коноплевой. Он говорит, что он сказал ей: „Бросьте все дела и поезжайте в свою семью отдохнуть". Факт второго свидания Коноплевой с Гоцем, таким образом, установлен. Установлено также, что Гоц знал, зачем приезжала Коноплева в Москву.

Обвиняемый Тимофеев не отрицает, что он виделся с Ефимовым и Коноплевой и имел с ними продолжительный разговор по поводу предполагавшегося покушения на Ленина. Тимофеев отнесся к этому покушению отрицательно. О его подготовке он знал.

Таким образом, уже два члена ЦК знали о предполагавшемся покушении на т. Ленина.

Точно не установлено, знал ли о подготовке этого покушения третий член ЦК—Веденяпин. Установлено, что он жил на одной квартире с Тимофеевым, виделся с Ефимовым и Коноплевой и давал им деньги на обратный проезд в Петроград. Вполне установлено, что о попытке организации покушения на Ленина были осведомлены два члена ЦК, а третий член—Рихтер, принимал участие в этой подготовке. Осведомленность четвертого члена не установлена.

Подводя итоги, тов. Крыленко устанавливает следующие моменты: 1) свидание Коноплевой с Гоцем в Петрограде и Москве; 2) свидание Гоца с Ефимовым в Петрограде; 3) свидание Тимофеева с Коноплевой и Ефимовым в Москве; 4) участие Рихтера в подготовке к покушению.

Из этих фактов вполне установлено: Коноплева и Ефимов вели работу по организации покушения на т. Ленина; члены ЦК знали об этой работе и имели сношения с Коноплевой и Ефимовым; никаких мер к предотвращению и прекращению этой работы члены ЦК не приняли. Это было через две недели после пленума ЦК, принявшего резолюцию о терроре.

...В первых числах июля в Москве состоялось собрание террористической группы, на котором ставился вопрос об отказе ЦК признать партийным актом убийство Володарского, вопрос о дальнейшем существовании группы и о том, что она должна выехать на фронт.

Что не было категорического решения перебросить

дружинников на фронт, свидетельствует тот факт, что Усов, вопреки своему желанию, должен был остаться в Москве, а Коноплева остается в Петрограде. Иванова об этом знала, и если бы действительно существовало постановление о полной и безусловной ликвидации всей группы, она не могла бы допустить оставление Усова в Москве.

Тимофеев же говорит, что он знал о том, что весь отряд должен был быть переброшен на фронт. Сам Тимофеев говорил, что его инициативой было перебросить не только отряд Семенова, но и все боевые элементы отряда на фронт, и что только в августе, после попытки освобождения Гоца, он поставил вопрос о разрешении отряду Семенова остаться в Москве.

Но, ведь, еще в июле, по возвращении Семенова из Саратова,Тимофеев с последним разговаривал и знал, что отдельные дружинники, в том числе и Семенов, оставались в Москве. Таким образом, вопрос о немедленной отправке дружинников на фронт не стоял в форме категорического распоряжения, и все слова Тимофеева, что он предложил перекинуть всех боевиков на фронт, просто не отвечают действительности.

После поездки Семенова в Саратов и свидания там с Донским, мы имеем его свидание в Москве с Тимофеевым, а потом с Гоцем и разговор с тем и другим о терроре.

В это время приезжают в Москву из Петрограда Зубков, затем Королев и Новиков. И когда Гоц 30 июля уезжает из Москвы и арестовывается по дороге в Казань, для его освобождения в Москве уже есть группа боевиков.

Раньше от'езда Гоца из Москвы, Семенов едет в Петроград, видится с Коноплевой и возвращается с ней в Москву. Здесь Коноплева видится с Гоцем.

Здесь был спор и разговоры, кто приостановил и как приостановил подготовку покушения на Урицкого. Ясно, что это было решено в Москве ввиду постановленного на очередь более серьезного дела—покушения на т. Ленина.

Когда вступила в боевую группу Фанни Каплан? Если обратиться к хронологическим датам и обстоятельствам дела, то будет ясно, что вступление произошло в июле.

До 21 августа, до свидания Каплан с Донским, велась подготовительная работа по тому же плану, по которому она велась еще при первом покушении Семеновым и Ефимовым, т.-е. одновременно и за Лениным и за Троцким.

20-го августа приехал в Москву Донской, а 21 уехал из Москвы Тимофеев. Происходила передача дел, и во время этой передачи шел также вопрос о Семенове. Мы знаем, что Донской был осведомлен о боевой готовности отряда Семенова, как об этом свидетельствует Гоц. О том, что происходила передача отряда Семенова, говорил Тимофеев.

В июле месяце, возвратившись самовольно из Саратова, Семенов говорил с Тимофеевым о терроре и просил оставить его отряд в Москве. Тимофеев согласился и оставил отряд до приезда Донского. Зачем он это допустил, в прямое нарушение данной директивы о высылке боевиков на фронт, при наличности того факта, что террористические настроения Семенова были определенно выражены?

Говоря о попытке освобождения Гоца, которая должна была носить характер определенного террористического акта, Тимофеев сказал, что он решил оставить отряд в Москве, потому что он проявил боевую готовность и быструю способность к боевой мобилизации.

Тот же Тимофеев в августе поручил отряду знаменитое „золотое дело" — взрыв поезда, везущего золото в Германию.

Сопоставление этих фактов устанавливает определенные противоречия в об'яснениях Тимофеева. Одно из двух: или мы имеем дело с определенной группой, имеющей определенное задание боевого характера, и в таком случае Тимофеев говорит не все, что ему об этой группе было известно, или же он поступал вопреки прямым распоряжениям о высылке группы, которые он сам же делал.

Обвиняемые делали намеки на связь боевой группы Семенова с Савинковым. Показания Пелевина, Зубкова, Коноплевой и Ставской решительно отвергают эти намеки. Зубков вместе с Каплан в одну из пятниц ходил

на Ходынку, Коноплева жила вместе с Каплан и могла вести с нею по этому поводу те или иные беседы, Ставская знала Каплан в качестве близкой знакомой и подруги, и, наконец, сама Каплан в своих показаниях после ареста говорила, что она принадлежит к Черновскому толку. Решительно нет ничего, что говорило бы о какой-либо связи группы с Савинковым.

По заявлению Донского, Семенов сообщил ему, что в его группе имеется некая Каплан с террористическими стремлениями, на что Донской сказал, что желает ее видеть. Свидание состоялось на бульваре в присутствии Семенова.

На вопрос Донскому, на какой же предмет Семенов заявлял, что у него есть в группе человек с террористическими стремлениями—не для того ли, чтобы отговорить Каплан, Донской сказал, что, может быть, для этого. Но какой же смысл Семенову говорить об этом, когда он сам в Саратове говорил Донскому совсем недавно о своем собственном террористическом настроении? Никакой логики такая постановка вопроса не выдерживает.

Но если поставить дело так, что предстоит выполнение террористического акта, что есть исполнитель, и что член ЦК хочет видеться с этим исполнителем,—в этой постановке вопроса есть определенная логика.

Дальше Донской об'ясняет, что он сказал Каплан в конце разговора: „Ну, подумайте". Что значит сказать такую фразу человеку, который уходит от Донского с твердым убеждением, что он прав. Так сказал Донской после резолюции ЦК, запрещающей террористические акты.

Если предстоял политический акт, и значение и ценность этого акта велики, если он признавался вредным, то надлежало принять решительные меры, Семенову обязательно было бы сказано—сейчас же порвать с Каплан. Ничего подобного сказано не было.

Т. Крыленко останавливается на настроении рабочих боевиков.

Зубков, встретившись с Каплан в одну из пятниц, говорил ей, что он не верит в это дело. Сергеев, ночуя в Москве у Усова, рассказывая ему, как он убил Володар-

ского, мучился и волновался по поводу этого акта. С этого момента, возможно, начались и колебания Усова. У этих людей были колебания, но они их глубоко запрятали в себе, ибо для них очень высоко стоял авторитет партии, и они полагали, что члены ЦК лучше знают и умеют решать вопросы политической жизни. И только тогда, когда Зубков встретил Козлова и ему сказал, что не мог стрелять в Ленина, сказал, что он боится, что его будут обвинять в трусости, Козлов ему сказал: „Нет, это ты хорошо сделал". Однако авторитет ЦК и его решение были для них в тот момент достаточно высоки.

Не стрелял Усов, не стрелял Козлов, не хотел стрелять Зубков, ибо все они были убеждены в том, что выстрелить не могли. Для них и живая речь, и живой вид В. И. Ленина, и его дела были настолько видны, что у них рука не подымалась.

Мы переходим к моменту трагического дня 30-го августа. Новиков помог задержать толпу, Каплан стреляла, покушение имело место, Владимир Ильич был ранен.

Для оценки этого акта необходимо передать то впечатление, которое отражено в речи Троцкого 2-го сентября на заседании ВЦИК. „Ко всем фронтам, которые окружают Советскую Россию, — сказал Троцкий,—прибавился еще один и самый опасный фронт, это—грудная клетка Владимира Ильича, где жизнь борется со смертью".

Для революции, для истории мировой революции, для спасения России и русской революции этот трагический день является одним из самых тяжелых и самых опасных дней, которые когда-либо переживала Россия, переживал русский рабочий класс, переживала русская и мировая революция.

В этот день фанатически убежденная в правоте своего дела и подтолкнутая на него Донским и всеми окружающими его лицами Каплан стреляла в Владимира Ильича Ленина.

Если бы не было в нашей революции,—с волнением говорит т. Крыленко,—в частности, в той борьбе, которую мы вели и которую мы ведем за спасение и сохранение России и русской революции, Владимира Ильича, не было бы его светлого, ясного ума, не было бы его железной

воли, то самарские ужасы и здесь, в Москве, имели бы место, и вся эта проклятая буржуазная сволочь терзала бы трупы тысяч русских рабочих и тысяч русских крестьян. Весь ужас этого дня 30-го августа мы понимаем еще и теперь, когда результаты этого дня до сих пор сказываются...

... Отречение ЦК партии от покушения на тов. Ленина было опубликовано 6 сентября. Значит, оно составлялось в ночь с 5-го на 6-е сентября. В эту же ночь предполагалось покушение на тов. Троцкого. В одну и ту же ночь ЦК составлял отречение, а боевая группа дежурила на железнодорожных путях, поджидая поезд т. Троцкого, чтобы бросить в него бомбу.

После опубликования отречения ЦК от покушения на тов. Ленина начинается длительное заседание в Томилине всей боевой группы. Группа посылает к Донскому Новикова и Семенова. Все участники группы этот факт подтверждают, а Донской отрицает. Он говорит, что к нему приходил Семенов, который ему сказал, что он, мол, передал Каплан револьвер, и в этом выразилось все его содействие в покушении на Ленина. Донской будто бы вспылил и сказал Семенову: „Зачем вы эту штуку сделали?“ На это Семенов ответил: „Все равно вы отрекаетесь от террора; я предлагаю организовать группу, которая будет действовать автономно“. А Донской будто бы ответил: „Если вы хотите действовать по-анархистски, то идите к анархистам и берите у них название „черные маски“ или „черные вороны“. Так говорил Донской, но все остальные члены боевой группы единогласно опровергают это заявление Донского и подтверждают заявление Новикова, которое он давал на суде.

Проанализировав и сопоставив еще целый ряд фактов, тов. Крыленко с точностью устанавливает связь ЦК с боевой террористической группой, наличие переговоров членов ЦК с членами боевой группы по поводу террористических актов и ряд определенных мероприятий со стороны членов ЦК в связи с совершенными террористическими актами.

С одной стороны, мы имеем показания целого ряда лиц, старых партийных работников, бывших каторжан, ко-

торые утверждают полную причастность ЦК к террористическим актам. С другой стороны,—голословное отрицание цекистов. Одно из двух: или группа лиц задалась целью лгать на свой бывш. ЦК и приписывать ему различные преступления, что невероятно; или же лгут подсудимые цекисты, спасая последние остатки чести партии, отрекаясь от убийства советских вождей из-за угла. Последнее вернее. Это подтверждается всеми об'ективными данными и приведенными на суде показаниями и фактами.

Тов. Крыленко подводит итоги всему этому периоду. Вполне установлены: 1) связь ЦК с покушением на поезд Совнаркома, 2) связь ЦК с убийством Володарского, 3) связь ЦК с покушением на тов. Ленина и Троцкого. Связь с этими двумя покушениями устанавливается в особенности участием в них подсудимой Елены Ивановой.

Из обвинительной речи тов. К. Цеткин.

От имени Третьего Коммунистического Интернационала я обвиняю перед Верховным Революционным Трибуналом ответственных руководителей и активных членов Российской партии социалистов-революционеров. Подсудимые вызвали наше обвинение, заявив, что их судьями могут быть только рабочие России, рабочие всего мира. Коммунистический Интернационал организационно об'единяет значительную часть пролетариев всех стран. Идейное же его влияние распространяется на еще более широкие массы и не только в капиталистических странах, но и среди колониальных народов и среди народностей, которым навязывается так называемая „колониальная культура". Но мы не исходим из формального права. Право выступать здесь обвинителями нам дает противоречие, существующее между нами и эсерами в вопросе отношения к революции. III Интернационал охватывает не только значительную часть пролетариата. К нему принадлежат все те угнетенные и эксплоатируемые всех стран, которые наиболее болезненно чувствуют цепи капитализма, все те, которые исполнены самой твердой, самой решительной и отважной волей к свержению капитализма и установлению коммунистического строя.

Коммунистический Интернационал идейно и организационно является выразителем воли и сознания революционного авангарда мирового пролетариата. А именно по отношению к мировому пролетариату эсеры впали в тягчайшие преступления. Не только путем деяний и поступков, в которых здесь должен разобраться суд, нет,—всей своей контр-революционной политикой.

Поэтому мы—представители III Интернационала—стоим здесь перед Вами, высокие революционные судьи, не как партия против партии, а как революционный авангард мирового пролетариата. Здесь дело не в споре между политическими учениями о том, кто прав; здесь стоит класс против класса, пролетариат всего мира против буржуазии, против буржуазии всего мира, революция против контр-революции. Обвиняемые эсеры тягчайшим образом провинились перед мировой революцией тем, что они употребили все доступные им средства, чтобы заставить пасть на колени пролетарскую революцию России, чтобы опять отнять ценой крови купленные права и низвергнуть, путем несказанных жертв созданную и защищаемую пролетарскую власть.

Мы их, сидящих вот там, обвиняем не потому, что они для достижения политических целей затеяли вооруженное восстание. Мы обвиняем их не потому, что на помощь они призывали американцев, англичан, японцев и французов чехо-словаков и, если бы это было возможно (да и призывали, поскольку это было возможно), так называемого „наследственного врага"—германцев. Мы не ставим им в укор, что они совершали индивидуальные террористические акты. Мы, принадлежащие к III Интернационалу, никогда не отрицали, что силу можно сломить только силой. Мы пользовались в борьбе с буржуазией революционным насилием, мы будем им и впредь пользоваться, потому что иным путем пролетариат не может добиться победы. Мы стоим на платформе Коммунистического манифеста — пролетариат не имеет отечества. Для нас не существует чужеземцев. Коммунистический Интернационал через рогатки границ, через моря и горы собирает всех угнетенных и обездоленных, чтобы спаять их в могучую силу, которая раз навсегда сбросит всемирный капитал в могилу, уготованную ему историческим ходом вещей.

Не то, что они совершали, делает подсудимых виновными, а то, во имя чего они совершали—цель придает деяниям эсеров преступный характер. Они действовали не во имя освобождения человечества из пут частной собственности, не для того, чтобы открыть пролетариату путь из тьмы и лишений капиталистической эксплоатации к вершинам культуры; в до сих пор единственной в мире стране, где пролетариат завоевал себе свободу, их целью было опять ввергнуть его во тьму и лишения капиталистической эксплоатации, предать буржуазии единственную цитадель, которую, при своем первом смелом размахе, создала мировая революция в России.

Мы, принадлежащие к III Интернационалу, так обвиняем эсеров потому, что мы являемся авангардом всемирного революционного пролетариата. Это дает нам историческое право, конкретное право возвысить голос обвинения. В эсерах мы видим аванпост капитализма, мировой буржуазии, аванпост, который тем более опасен, что он в поддельном наряде, с поддельным знаменем втерся в стан угнетенных. Мы твердо убеждены, что этот аванпост будет и впредь в своем поддельном наряде и с поддельным знаменем обделывать дела нашего заклятого врага—мировой буржуазии, если только революционный пролетариат, с достойной наказания беззаботностью, позволит им своим великодушным прощением продолжать их контр-революционное занятие.

Но если III Интернационал имеет право выступить здесь как обвинитель, то русский пролетариат имеет право подвергнуть обвиняемых суду и через свои соответствующие правовые органы вынести приговор.

Русский пролетариат с величайшей готовностью на жертвы, с героизмом, являющимся беспримерным в истории всех времен, сделал первый шаг к мировой революции. И все эти жертвы должны будут продолжаться, все они должны будут приноситься вновь, если только эсеры будут иметь возможность и впредь преследовать свои контр-революционные цели.

Пытаясь своими ударами поразить революционную власть Советской России, они тем самым наносили удары и мировому пролетариату. Они воспрепятствовали полному

воздействию на мировой пролетариат могучего русского примера, величайшего акта воли, какой знает история. В этом их тягчайшее преступление, их неискупимый грех. То, что они совершили, есть убийство, десятикратное убийство, тысячу раз тысячекратное убийство. И это не преувеличено, высокий революционный суд!

Своей политикой эсеры усилили контр-революцию во всем мире. Они расслабили доверие трудящихся масс к своим собственным силам и сознание исторического долга построить новый мир.

Разумеется, эсеры не единственные виновники, но на них падает значительная часть вины в том, что целое поколение, что бесчисленные миллионы попрежнему влачат ярмо капитализма и гибнут, исковерканные душой и телом.

Эсеры и их родичи,—буржуазные партии, реформистские и оппортунистические рабочие партии всех стран—будут кричать, что будто бы этот суд здесь—партийный суд, что это классовый суд.

Ни в коем случае не партийный суд! Здесь судит не Коммунистическая Партия, а, с соблюдением права, представители революционных рабочих и крестьян всей России. Это—представители государственной власти, революционной государственной власти, за которой стоят оба революционных класса.

Итак,—классовый суд? Так точно. Мы были бы повинны в недостойном лицемерии, умаляющем победу революции, если бы стали это отрицать. До тех пор, пока не расцветет вполне коммунистический строй и пока различие между разными классами станет историческим воспоминанием, а не действительностью, до тех пор будут существовать классовое государство и классовые суды. Но следует различать, о чем идет речь,—о пролетарском классовом государстве и пролетарском классовом суде или о буржуазном классовом государстве и буржуазном классовом суде. В буржуазном классовом государстве и буржуазном классовом суде власть покоится в руках собственников и эксплоататоров. Суд, производимый именем справедливости, есть не что иное, как средство удерживать угнетенных и эксплоатируемых в их зависимости и наемном рабстве в качестве машин для производства прибылей. В пролетарском клас-

совом государстве и пролетарском классовом суде решают не интересы собственников и господствующих, а пролетарские интересы, интересы, право подавляющего большинства. Пролетарский классовый суд является в пролетарском классовом государстве оружием. Мы полны уверенности, что Верховный Революционный Трибунал вынесет свой приговор, исполненный сознания своего высокого долга по отношению к трудящимся массам, по отношению к революции. Элементарная обязанность по отношению к революции, это—защита, это—обеспечение не только существования революции, но и ее дальнейшего развития, ее дальнейшего развертывания. Сохранение мощи Российской Советской республики имеет величайшее значение. Существование и расцвет Советской России—одна из сильнейших двигающих сил мировой революции.

Маркс изложил обязанности по отношению к революции в следующей формуле: „первым долгом является сразить врагов", обезвредить контр-революционные силы. Такова задача и теперь. И мы убеждены, что Верховный Революционный Трибунал разрешит эту задачу не только ради сохранения Советской России, но и имея в виду дальнейшее поступательное движение революции. Мы рассматриваем мировую революцию как неизбежный всемирный суд, который должен совершиться над мировым капитализмом. Всемирный суд, который расправится не только с преступниками войны, не только с преступниками против революции, но который произнесет свой приговор над самым главным преступником, над величайшим виновником—капитализмом; мировая революция, которая из хаоса и развалин, оставшихся от мировой войны с ее последствиями, силой пролетариата призовет к победе новый высший этап исторического бытия.

Маркс в своей работе „О классовой борьбе во Франции" сказал: „Социалистический переворот не завершится вполне во Франции, во Франции он будет возвещен. Он нигде не может быть вполне завершен внутри национальных стен". В настоящее время это обнаруживается. Мы стоим под знаком этой ситуации. Слова Маркса вполне подходят к России. На территории России пролетарии и крестьяне, под смелым, под уверенным руководством боль-

шевиков, провозгласили социалистический, коммунистический переворот как цель мировой революции. Бессмертной заслугой в истории останется то, что они поставили и разработали эту цель с такой ясностью, что можно было бы сказать—слепые должны были бы увидеть, глухие должны были бы услышать, чего в настоящее время требует бьющий исторический час. Но исторический рок российской революции—в том, что социалистический переворот может быть завершен вполне не в национальных рамках, а только как мировая революция. И только медленно развертывается мировая революция. Медленно, так медленно, что для страстного биения наших сердец, стремящихся к обетованной земле коммунизма, она иногда кажется тихо стоящей. Тем важней при данной исторической связи, что на русской почве революция полно, мощно выживает, что она достигает здесь границ возможного. Перед лицом героизма и самоотверженности, которую до сих пор так ярко проявили носители российской революции, я могла бы даже сказать, что они совершают чудо, переходя за границы возможного.

Высокий революционный суд! При таком положении вещей чрезвычайно важно, чтобы развертыванию революции России не ставились препятствия. Каждое покушение, направленное против российской революции, каждый удар, предназначенный Советской власти, бьет по мировому пролетариату. Россия в данное время—и мы не знаем, как долго еще,—является грандиозным полем исторических экспериментов мировой революции. Российская революция, это—огромный, обильный источник революционного познания, который пролетариату необходим, необходим прежде всего как источник горячего одушевления, твердой воли, высокого самоотвержения, короче говоря, как источник всех тех революционных качеств, которые проявляются в русской революции.

Позиция и политика эсеров находятся во враждебном противоречии к условиям российской революции, а следовательно, и мировой революции. Отчасти благодаря ненависти к коммунистической партии, отчасти в силу своей мелкобуржуазной позиции, они видят только правящую партию большевиков, только большевистских вождей в правительстве. Они слепы к тому, что каждый выстрел ору-

жия, отравленного ядом, „кураре“, которым они борются, попадает через головы носителей Советской власти в русских рабочих и крестьян, и за ними в весь всемирный пролетариат. Правда, эсеры заявляют—мы боремся не против революции, мы боремся не против коммунизма. Наоборот! Мы, ведь, не только революционеры, мы также и социалисты. Мы боремся против засилия партии, захватившей власть вместо пролетариата.

Высокий суд! Утверждая это, обвиняемые забывают свою собственную историю, свое собственное прошлое. Из своего прошлого им следовало бы знать, что партия не может долго усидеть на штыках. Партия эсеров поддерживалась не только собственными штыками, но оружием белогвардейцев, царских генералов, оружием государств Антанты, располагающих лучшей в мире военной промышленностью. И все же она смогла только на короткий срок удержаться у власти. Сбросив путы кровавого насилия и коварства эсеров, рабочие, крестьяне и солдаты с бранью и позором изгнали их из правительства. Советское же правительство и советский строй существуют почти пять лет, поддерживаемые доверием масс.

Эсеры ссылаются и на нечто иное. Они ссылаются на большое и славное прошлое, на значение борьбы старой „Народной воли“.

Среди нас, вероятно, не найдется ни одного, кто бы не склонил с удивлением и благодарностью голову перед деятелями этого движения. Народовольцы вели борьбу против царизма в тягчайшей обстановке. Социал-революционеры того времени вели борьбу против царизма и за буржуазные свободы, не опираясь на революционный класс. Это был ужасный поединок с носителями царизма. Конечно, эсеры тогда могли жить и бороться с мыслью, что они действительно представляют партию политической борьбы, партию, ничем не связанную с интересами одного класса, что они представляют наиболее передовые, лучшие элементы всего общества; они могли быть убеждены, что они не только действуют для масс, но и в значительной степени вместо них. Но ведь проявленный ими героизм не мог заменить сил революционного класса, который взял бы на себя борьбу против царизма. И таким образом на-

ступило то, что их величайший внешний триумф совпал с величайшим историческим поражением. Царизм не погиб вместе с царем. Тогда выявилось воочию, что России не хватает революционного класса. Но именно в это историческое мгновение на арену истории выступил герой—пролетариат, призванный в России победить царизм. Отчетливо обнаруживается новое явление: чем энергичней и сознательней ведет пролетариат борьбу против царизма, тем больше расходятся пути революционного пролетариата и партии с.-р. Разумеется, с.-р. продолжают вести с воодушевлением, самопожертвованием, с героизмом борьбу против царизма. Но борьба эта ясно выявляется как борьба класса, как борьба буржуазии, которая вместе с экономическим развитием, укреплением и развертыванием капитализма, почувствовала необходимость конституционного государства, необходимость буржуазных свобод. И рядом, чем больше рабочий класс шел вперед, тем больше обнаруживалось, что его борьба против царизма тесно связана с борьбой против капитализма, что устранение царизма и завоевание политических свобод может быть только этапом, а не конечной целью пролетариата. Шаг за шагом в ходе этого развития обнаруживался буржуазный характер борьбы и буржуазная сущность эсеровской партии.

...Контр-революционные преступления—не прошлое, а настоящее! Сегодня, завтра они, быть может, опять станут действительностью, если только революционная власть не примет своих мер. Это доказывается тем фактом, что эсеры образовали единый фронт с контр-революционерами, с капиталистами всех стран, с теми, кто в Генуе в тяжелое для Советской России мгновение стремился превратить Россию в колонию, сделать ее жертвой империалистов всех стран. В это тяжелое мгновение Советская власть, Советское правительство выступило как единственный защитник мирового пролетариата, как защитник его будущего на арене истории. Советское правительство в одиночку против целого мира врагов защищало права народа, права трудящихся на коллективную собственность. В интересах мирового пролетариата было—единодушно, мощно, настойчиво возвысить свой голос для протеста против намерений мировой буржуазии относительно Советской Рос-

сии, возвысить свой голос, демонстрируя свою солидарность с Советской Россией. Единое выступление пролетариата было сорвано вождями 2 Интернационала при помощи эсеров, с их благословения и под доброжелательным покровом 2½ Интернационала. И все это для того, чтобы сохранить в различных странах единый фронт реформистских рабочих партий и буржуазии.

В данное время Советская Россия стоит перед необходимостью налаживать связь с капитализмом, с капиталистическими государствами, разумеется, не по своей вине, а вследствие исторических условий, вследствие своей связанности с отставшей мировой революцией. В настоящее время мировая революция, будущее мирового пролетариата связано с Советской Россией, с единственной властью, единственным революционным пролетарским государством, проложившим первые великие пути мировой революции. Эта крепость должна быть удержана! Ее нельзя колебать. В этом заинтересован пролетариат всех стран. В этих условиях Советская Россия, подобно осажденной крепости обложенная со всех сторон всеми силами мировой буржуазии, не должна быть подвергнута контр-революционным опасностям внутри страны. В такое мгновение Советская Россия не может допустить контр-революционной подпольной работы, исходящей от партии, представляющей собой левое крыло буржуазии, а не правое крыло пролетариата и мировой революции. В такой час Советская Россия не должна потерпеть у себя аванпоста своего смертельного врага. Чем огромнее задачи и чем труднее дается восстановление Советской России в данной обстановке, когда, в противоположность буржуазной революции, дело заключается не в простом устройстве нового правительственного аппарата, а в создании нового экономического аппарата, новой культуры, тем менее может Советская республика терпеть на своей, освященной неслыханными жертвами, территории какие бы то ни было, хотя бы замаскированные, форпосты контр-революции. Необходимо беспощадно выступить против них! Не только для того, чтобы просто сберечь Советскую Россию, а для того, чтобы обеспечить Советской России возможность развития и тем самым обеспечить приближение мировой революции, кото-

рая единственно в состоянии сбросить с пролетариата оковы капитализма.

От имени мирового пролетариата, авангард которого организован в III Интернационале, от имени этого авангарда III Интернационал ждет, что высокий Революционный Трибунал будет защищать, как важнейшую предпосылку мировой революции, право русской революции на безопасность и на дальнейшее развитие. Мы убеждены, что Верховный Революционный Трибунал в полной мере защитит это право.

ИЗ КНИГИ М. Н. ПОКРОВСКОГО

„Что установил процесс так называемых социалистов-революционеров“ [1]).

...Так как те же методы с еще большей яркостью проявили себя в деле покушения на Ленина (30 августа 1918 г.)—то независимо от колоссальности самого факта, необходимо остановиться еще и на этом эпизоде террористической борьбы партии с.-р. с Советской властью.

Дадим слово гражд. Гоцу.

„За время пребывания моего в Москве я виделся с Семеновым раз. Он приехал ко мне в Удельную, это было незадолго до моего от'езда, думаю, что это было в числах, вероятно, от 18 до 24 или 25 (августа), приехал ко мне и здесь у нас была беседа.

Мне кажется, он не ошибается, указывая на то, что действительно наш разговор был недалеко от станции, ибо я отлично помню, что он у меня на даче никогда не был.

Здесь у нас произошла беседа следующего характера: он спрашивал меня, как Центральный Комитет смотрит сейчас на террор, не изменилась ли его точка зрения в связи с изменившейся ситуацией, в связи с изменившейся политической обстановкой, в связи с созданием фронта, в связи с той гражданской войной, которая тогда кипела на линии Волги.

Я заявил ему следующее: что ЦК сейчас нет, что Центральный Комитет сейчас на пути формирования по ту сторону фронта, что у Центрального Комитета есть одно

---

[1]) М. Н. Покровский. Что установил процесс так назыв. соц.-рев. „Красная Новь“. М. 1922 г.

определенное суждение и решение, которое было вынесено Центральным Комитетом еще в те дни. Это было в феврале, как мы уже тут рассказывали и докладывали, и с тех пор этот вопрос в пленуме Центрального Комитета еще не обсуждался, и Центральный Комитет своих принципиальных позиций не меняет. Поэтому я ничего иного по этому поводу сказать не мог. Линия Центрального Комитета в этом вопросе не изменилась. Дальше я ему указывал, что с момента моего от'езда из Петрограда я уже не являюсь организационно-связанным с Центральным Комитетом, не связан и с Московским Бюро Центрального Комитета, и по всем военно-партизанским делам, о которых у нас была речь, направил его в Московское Бюро, в частности, к тов. Тимофееву, который в то время был в Москве и который ведал военной работой Московского Бюро" [1]).

Семенову всего два месяца перед этим была вымыта голова и он был выкинут со своими дружинниками из Петрограда за несвоевременное убийство Володарского. И вот, через два месяца, тот же Семенов приходит к тому же Гоцу и спрашивает, как ни в чем не бывало: „а теперь линия ЦК в этом вопросе не изменилась?" Гоц отвечает: „не изменилась, а, впрочем, поговорите с Тимофеевым: я теперь не в курсе дела".

Спрашивается: можно ли себе представить, чтобы в партии, которая не применяет и не собирается применять к своим противникам методов террористической борьбы, происходили такие разговоры между руководителем партийной работы и одним из руководимых, можно себе представить, чтобы к тов. Ленину пришел тов. Дзержинский с вопросом: а нельзя ли устроить покушение на Пуанкаре? А Ленин бы ему ответил: ЦК до сих пор этого избегал, а, впрочем, я теперь в отпуску, подите поговорите с Рыковым, он в курсе. Можно себе такую чепуху представить? А вот в партии эсеров такие разговоры велись, как совершенно нормальные.

Совершенно ясно, что террор был, по самой крайней мере, камнем за пазухой, который „на всякий случай" держала наготове партия с-р. против Советской власти

[1]) Стенограмма 35-го дня, стр. 122—123.

И есть все основания думать, что на этот раз действительно соблазнились этот камень пустить, благо нашлась доброхотная рука, соглашавшаяся это сделать, не марая пресловутых „риз“ партии.

Со всей очевидностью это следует из рассказа другого члена ЦК,—Донского. Когда он приехал в Москву во второй половине августа 1918 г., к нему пришел Семенов.

„Семенов мне сообщил, что в отряд хочет вступить старая каторжанка Каплан, у которой есть определенные террористические замыслы и желания. Я сказал, что хочу с ней повидаться, или он предложил мне повидаться—точно не могу сказать. Было назначено свидание. Она заявила, что ей неудобно быть на явке, почему—я не мог выяснить. Назначили свидание на бульваре. На бульваре мы с ней увиделись, я выяснил ее настроение, она категорически подтвердила в присутствии Семенова ее настроения и ее пожелания. Я совершенно ясно и определенно, помню, сказал, что партия террористической борьбы не ведет, и добавил еще, что в таком положении, в каком она находится, желая выступить с террористическим актом, она ставится вне партии, если выступит, что она не может быть в партии, если выступит вполне определенно.

Затем разговор продолжался еще некоторое время в течение нескольких минут, не больше, потому что дело было на бульваре, место было очень неудобное: там проходили и садились, и разговор не мог носить обстоятельного характера. Кончился разговор моими словами: „подумайте хорошенько“. И на этом мы разошлись. Впечатление у меня создалось такое, что у нее созрело твердое решение, но я думал, что мои указания на этот счет будут для нее совершенно авторитетными и окажут некоторое влияние. Лично я не знал и узнал только впоследствии, что она в Москве была давно, что она предлагала уже Центральному Комитету свое желание через Зензинова“ [1]).

Итак, Зензинов знал,—весь ЦК знал, что вот есть старая каторжанка Каплан, у которой „созрело твердое решение“ убить тов. Ленина. И что же они делали? Предлагали: „подумать хорошенько“. Не шутка—вождя мировой

---

[1]) Стенограмма 35-го дня, стр. 164-165.

пролетарской революции застрелить, надо отнестись к делу серьезно.

Разжевывать этот исключительный по всей выразительности рассказ было бы обидой для читателя. Мы хотели бы только спросить гражд. Вандервельде, что бы он предпринял, если бы к нему пришел товарищ по партии, из разговоров с которым обнаружилось бы, что у того „созрело твердое решение" убить короля Альберта? И что он сказал бы, если бы оказалось, что об этом „твердом решении" осведомлены и другие члены ЦК его партии?

Покушение совершилось. ЦК, конечно, на другой день отрекся. Но это было так привычно, что ни один старый, опытный эсер этому отречению не поверил. Весьма известный по заграничной эсеровской прессе террорист Тисленко после этого отречения как ни в чем не бывало явился к членам эсеровского ЦК и вел с ними такие разговоры:

„Гоц. С его (Тимофеева) слов знаю, что разговор касался двух пунктов. Тисленко интересовался прежде всего отношением Центрального Комитета к террору. Это раз. И затем он хотел знать мнение Центрального Комитета о партизанском терроре, как Центральный Комитет отнесся бы к предложению группы лиц организовать террор за свой страх и риск, не связанный с партией, совершенно самостоятельно, вроде партизанского террора, организационно не связанного с партией. Тимофеев мне передал, что он ему сказал, что Центральный Комитет отнесся к террору отрицательно, отнесся отрицательно и к предложению о создании партизанского террористического отряда, и затем заявил, что он переговорит с другими членами Центрального Комитета.

Крыленко. Он вам не говорил относительно состава, обстоятельств и условий?

Гоц. Нет.

Крыленко. Относительно покушения на Ленина в частности?

Гоц. Об этом Тисленко ничего не говорил.

Крыленко. Выходит, что Тисленко приехал беседовать по этому поводу и о покушении на Ленина ни одного слова не сказал?

Гоц. Разговор был, конечно, в связи с этим покушением.

Крыленко. Но он говорил, что это дело их рук?

Гоц. Он не говорил, что это дело их рук, но он приехал узнать, как Центральный Комитет относится к террору в связи с заявлением, появившимся тогда в газетах, что Центральный Комитет не имеет никакого отношения к акту Ленина. Он приехал выяснить это от имени своих товарищей.

Крыленко. Он скрыл, что товарищи участвовали в этом покушении?

Гоц. Об этом он ничего не говорил Тимофееву.

Крыленко. Какой же смысл было приезжать?

Гоц. Относительно смысла его приезда надо адресоваться не ко мне, а к нему" [1]).

Люди только что отреклись,—а к ним сейчас же приходят с предложением организовать то самое, от чего они только что отреклись. И люди не обижаются, не говорят: что же вы нас за лгунов считаете. А деловым образом отвечают: „переговорим с другими членами Центрального Комитета".

Остается вопрос о санкции. Тут—опять Семенов, согрешивший уже второй раз; рецидивист. Члены ЦК, по крайней мере, о его техническом участии в деле знают.

„Гоц [2]). В 1918 году я узнал со слов товарищей—москвичей о том, что Семенов ей (Ф. Каплан) оказал техническую помощь, так мне было сказано, передал ей оружие так буквально у меня в памяти запечатлелось.

Крыленко. Кто сказал?

Гоц. Донской или Морозов, я точно сказать не могу. Что же с ним сделали? Но это надо рассказать словами самого члена ЦК п. с-р. Донского.

„Крыленко. Дальше у вас сказано: решено было вызвать Семенова из Москвы и группу его рабочих.

При чем же тут эти рабочие. Он, Семенов, передал револьвер. Он сделал определенное правонарушение, а за что же рабочие?

Донской. Потому, что он хочет с ними составить партизанский отряд, а без них не сможет.

---

[1]) Стенограмма того же дня, стр. 125, 126—127.

[2]) Стенограмма того же дня, стр. 145.

Крыленко. Но вы же сказали, что на другой день вы пришли к соглашению и были опять друзья и приятели?

Донской. Мы пришли к соглашению, что он не будет делать больше террористических актов“ [1]).

Обещал, „что больше не будет“. Никаких шалостей больше. Пожалуйста, не подумайте, что Донской издевался над Трибуналом. Нет, он был совершенно серьезен. Так же, как и тогда, когда говорил о Фанни Каплан.

„Донской. Я передавал всем партийным товарищам, что Каплан вышла из партии и сделала это на свой страх и риск, как личный индивидуальный акт.

Крыленко. Всем говорили?

Донской. Всем товарищам и это было сообщено в прессе“ [2]).

Все честь честью. Отправляясь к французским министрам, надевают фрак. Отправляясь убивать Ленина, выходят из партии. На все есть свой этикет.

На этом мы можем закончить главу о терроре.

Лучше того, что говорили об этом сами эсеровские цекисты, никто не скажет—и перед каким бы судом не разбиралось их дело, будь это даже бельгийский суд под председательством самого Вандервельде, оправдательного приговора он бы им вынести не смог.

---

[1]) Там же, стр. 191.
[2]) Там же, стр. 177.

РЕЧИ ЗАЩИТНИКОВ.

Из речи защитника по процессу п. с.-р. тов. Членова [1]).

Прежде всего начнем, как делали все, касавшиеся вопроса о терроре, с 4-го с'езда партии. Нам здесь доказывали, что те воинственные речи, которые раздавались на 4-м с'езде со стороны членов ЦК В. М. Чернова и Е. М. Ратнер, что оглашенные там же громовые послания гражданина Гоца не содержат в себе никаких указаний на применение в качестве метода борьбы против большевистского правительства террора. Аргументы по этому поводу за и против вы уже слышали, точно так же, как отлично помните, вероятно, и самые оглашенные места и те чрезвычайно любопытные комментарии, которые давались к этим местам в об'яснениях обвиняемых первой группы. Но поскольку гр-н Гендельман в своей речи подвел итог и поскольку он еще раз утверждал, что все эти речи имели в виду не террор, а массовое вооруженное сопротивление, противопоставление захватчикам организованных народных масс, позвольте, постольку, и только на одном примере, именно на письме гр-на Гоца, еще раз констатировать, что это письмо вряд ли могло у тех, которые слышали его оглашение, и у тех рядовых членов партии, которые читали его воспроизведение в газетах, произвести то впечатление, которое, по утверждению обвиняемых первой группы, оно единственно могло произвести. Ведь там сказано так: „безудержный поток насилия, разливающийся из Смольного, разобьется об организованную волю народных масс",—это то, что говорит Гендель-

[1]) Защищал Коноплеву и Дашевского.

ман. Но дальше сказано: „если смольные самодержцы посягнут на эти завоевания Революции", то-есть, если организованная воля не поможет, а она находит свой фокус, концентрированное выражение в Учредительном Собрании, вот если эти смольные самодержцы не испугаются, и это якобы организованное выражение народной воли ликвидируют, то тогда уже, и тут получается другой совершенно оборот,—„я уверен, партия с.-р. вспомнит о своей старой испытанной тактике, вдохновляемой лозунгом „По делам вашим воздается вам". Это что же—Учредительное Собрание или массовое вооруженное восстание? Я думаю, что комментировать не надо. Старая испытанная тактика, это, конечно, не вооруженное восстание, ибо в виде правила таковое могло быть в России чрезвычайно редко, а это, именно, террористическая борьба. Вы тогда скажете: „что же вы хотите, сделать вывод, что 4-й с'езд партии постановил об'явить террористическую борьбу против Советской власти?" Именно, такой вопрос, но в несколько иной форме, поставил защитник, говоривший по этому вопросу от имени первой группы. Я бы по этому поводу хотел сказать, я не помню, где именно, у Маркса хорошо сказано, что самый плохой полемический прием,—это считать своего противника очень глупым. Этим приемом пользоваться не следует. Никто из нас не думает, что 4-й с'езд постановил об'явить террористическую борьбу, ибо если бы было такое постановление, то не зачем было бы, вульгарно выражаясь, огород городить, взял бы государственный обвинитель, положил бы это постановление на стол и сказал бы: „верховный орган партии постановил об'явить террористическую борьбу", для чего же нам, большевикам, выяснять, что думает или не думает ЦК, что сказал и чего не сказал гр-н Гоц, нам этого не нужно, раз есть постановление с'езда.

Посмотрим, что было. А было вот что. Было выступление, ни кем не опровергнутое, людей, членов ЦК, которые были переизбраны в ЦК, и на этом с'езде, и которые определенно подчеркивали, что если Учредительное Собрание будет разогнано, то террор становится в порядок дня партийной деятельности. Этими выступлениями и проектами резолюции на с'езде создавались в широких кругах членов партии террористические настроения, не больше

и не меньше. Это само по себе уже чрезвычайно важно.

Теперь пойдем дальше. Было ли когда-нибудь постановление ЦК п. с.-р., об'являющее открытою террористическую борьбу против Советской власти? Опять-таки, товарищи, не будем вертеться, не будем замаскировывать истину и скажем прямо: такого постановления не было, а если оно и было, то мы о нем ничего не знаем, а для суда то, чего он не знает, равносильно тому, что этого нет. Но, скажут, что если этого не было, то тогда не может быть никаких 64-х статей. И если этого не было, то ЦК партии не имеет никакого отношения к террору, и отвечают только те, которые все-таки этот террор делали. Нет, это совсем все-таки не значит, потому что тактика п. с.-р. в этом вопросе, как и в целом ряде других вопросов, поскольку это рисуется материалом судебного следствия, вовсе не укладывалась в такие простые положения, как дважды два—четыре. Постановления о терроре не было, во всяком случае ничем не доказано. Но было такое поведение отдельных руководящих членов ЦК, которое систематически поддерживало в наиболее взрывчатых, по характеристике, данной с первых скамей, элементах партии, группировавшихся вокруг Семенова, террористическую решимость и уверенность в том, что террор полезен для революции и для п. с.-р. и что, хотя партия его не об'являет, но тем не менее она, с точки зрения своих интересов, его всячески приветствует. Вот что было. Лучше это или хуже, чем постановление Центрального Комитета, занесенное в протокол и об'являющее открытую террористическую борьбу, этого я не знаю.

Когда пытались здесь защищаться тем, что никогда в п. с.-р. не было ничего подобного, что у нас террор об'являет ЦК и руководит им ЦК, что Центральный Комитет говорит: „война об'является, бейте таких-то и тогда-то", и тогда только боевая группа это исполняет,—то желали сознательно ввести вас в заблуждение.

Так как мне самому было очень трудно справиться с вопросом о том, что было и чего не было в партии с-р., я и просил приобщить книжку—доклад следственной комиссии п. с.-р. по делу Азефа [1]). Там была установлена

[1]) Азеф—известный провокатор, разоблаченный лишь в 1908 г., до того был видным членом партии с.-р., руководителем ее боевой организации.

чрезвычайно любопытная картина, что прежде всего боевая организация образовалась без всякого постановления ЦК в 1902 году, и только в 1904 году ее устав был утвержден и то утвержден не всем ЦК, а только одним членом ЦК М. Р. Гоцем. Дальше, мы отсюда узнали, что Центральный Комитет только давал принципиальное решение относительно открытия террористической борьбы, но он не определял „кого, когда и что", и, как гласит примечание к § 3 этого устава боевой организации,—если даже ЦК об'являл своим постановлением террор прекращенным, боевой организации принадлежало право доводить до конца те акты, к осуществлению которых она уж приступила. Вот подлинная партийная традиция, засвидетельствованная следственной комиссией ЦК п. с.-р.

Я забыл еще момент, относящийся к этому историческому заседанию ЦК и к общей линии Центрального Комитета по вопросу о терроре. Прежде всего, здесь установлено вот что. Целый ряд членов Центрального Комитета стоял на точке зрения приемлемости террористических актов. Это, прежде всего, гражданин Иванов, как он сам заявил об этом, во-вторых, целым рядом свидетельских показаний и притом таких свидетелей, которые весьма приятны сердцу подсудимых первой группы, установлено, что на этой точке зрения стоял Чернов, а в показаниях Святицкого названо 4—5 членов Центрального Комитета, в том числе и Гоц; правда, Святицкий оговаривается, что он за имена не отвечает, но во всяком случае такой факт был. Затем эпизод с поправкой Сунгина.

Этот Сунгин хотел, чтобы приняли такую резолюцию, что террор на вечные времена воспрещается. Я лично этого Сунгина не видел и не знаю, что он за человек, так что никаких предположений по этому поводу строить не могу. Но существует такое положение, которым всякий суд руководствуется. При оценке тех или иных фактов, всякий суд предполагает, что те люди, с которыми он имеет дело, находятся в здравом уме и твердой памяти. Чтобы в Центральном Комитете большой политической партии, чтобы в его составе мог найтись хоть один человек, который предлагал бы и требовал бы, чтобы Центральный Комитет постановил, что тот или иной метод воспрещается на веч-

ные времена, это, конечно, не серьезно. То, что Буревой говорил на предварительном следствии, гораздо больше похоже на правду. Там он сказал вот что: резолюция Чернова была средактирована так расплывчато, что оставляла свободу для предположения, что партия в известных случаях санкционировала террористические акты, а Сунгин требовал, чтобы было сказано, что не допускаются террористические акты против Советской власти теперь, когда победила революция, когда борьба идет уже между отдельными фракциями внутри революции. Это просто, понятно, на что-то похоже.

Так вот была отклонена поправка, категорически воспрещающая террор, и была принята резолюция, хотя и отрицательная, но несколько расплывчатая. А дальше имел место такой факт: эта резолюция в обращение не пускается, и она остается в Центральном Комитете. Целый ряд членов Центрального Комитета изощрял свое остроумие в том, чтобы доказать, почему можно было и нужно было эту резолюцию не разглашать. Не знаю, какое впечатление произвели на Трибунал эти доказательства, это вы скажете в приговоре, а я в своей речи обязан сказать, что они произвели на меня самое неубедительное впечатление. Гражданин Гоц дал по этому вопросу ответ, и кончил тем, что сказал: видите ли, у Центрального Комитета бывают соображения, которых вам знать нельзя. Конченный разговор. Если нам знать нельзя, то мы на этом и успокоимся, но уже тогда позвольте делать нам по сему поводу свои предположения. А вот гражданин Гендельман сказал, что никакой надобности не было эту резолюцию распространять, потому что никаких серьезных террористических настроений не было. Вот это—логический аргумент, это было бы убедительно, если бы было в какой-нибудь степени похоже на правду. Но, во-первых, раз целый ряд членов Центрального Комитета был за террор, значит, мягко выражаясь, были террористические настроения. Затем позвольте напомнить факты. Было или не было обсуждения вопроса о применении террора в Петроградском Комитете? Гендельман говорил долго по этому поводу, начал „за упокой"; Коноплевой верить нечего, она ничего не знает, все это вранье, а потом, когда дошел до письма

Шаскольской, которое было приобщено к делу гражданином Гоцем, то оказалось, что кое-что было правдой, и что они это признают. Гражданин Гендельман говорит, что вопрос о терроре обсуждался. Может быть, был вопрос о взрыве поезда, но какое это может иметь значение, раз фактически ничего не сделали. Видите, если ставить вопрос, как этот факт квалифицируется с криминальной точки зрения в уголовном уложении, то правильно: голый умысел, хотя бы он выразился в сговоре коллективном, по уголовному кодексу РСФСР не наказуем. Для того, чтобы то или иное намерение было наказуемо, нужно, чтобы оно вылилось в определенные действия, представляющие собой приступ к осуществлению намеченного плана. Так говорит закон и теория уголовного права. Это совершенно бесспорный момент. Но этот факт меня не с этой стороны интересует, а вот с какой стороны. Во-первых, гражданин Гендельман измазал по этому вопросу Коноплеву совершенно напрасно, потому что, в конце-концов, признал ее версию правдоподобной. Во-вторых, раз Петроградский губком обсуждал такие вопросы, при чем, как здесь говорили, и я не имею никакого основания этому не верить, что в Петроградском губкоме сидели, как на подбор, самые миролюбивые люди, то из этого факта следует, как далеко зашло террористическое настроение.

Относительно гражданина Иванова я должен с чувством глубокого удовлетворения отметить, что он один из тех обвиняемых, которые по этому делу не говорят правды, поскольку дело касается Центрального Комитета и их товарищей по скамье подсудимых, но которые говорят правду, поскольку дело касается лично их. Гражданин Иванов говорит на предварительном следствии, что большинство Центрального Комитета не разделяло его точки зрения и было против террора, но исключать из партии за сие не предполагалось, ибо обстановка того времени не исключала боевых действий против большевиков; это вот что значит: тут пытались путем, выражаясь старым юридическим термином, „непостоянства самопроизвольных толкований“ так интерпретировать [1]) это место, чтобы от него ничего не осталось, как говорят немцы „weginterpretieren“, так, чтобы от раз-

[1]) Об'яснить, из'яснить.

ясняемого места осталась только дыра. Но, как говорится, „из песни слова не выкинешь". Из постановки вопроса становится ясным: Центральный Комитет террора не об'являл, но считал, что совершение террористических актов не есть то, за что исключают из партии. И факты в дальнейшем это подтвердили, как вы, конечно, это помните, и как мы будем это устанавливать.

После этого факта был факт, так называемого, первого покушения на Ленина. О первом покушении на Ленина мы скажем еще дальше несколько слов. Здесь его хотели представить, как оперетку, но во всяком случае по поводу этой оперетки было признано своевременным еще раз запросить Московское бюро Центрального Комитета, надлежит ли ставить ее на сцене или не надлежит. Насчет этого согласны обе группы обвиняемых, и расхождение начинается только там, где гражданин Гоц и гражданин Рабинович утверждают, что Московское бюро сказало,—не надлежит, а Коноплева, Коноплева вообще у нас условно умерла,—но и Ефимов, который благополучно здравствует, относительно которого не было, кажется, сказано, что он отлучается от церкви и не заслуживает никакого доверия, также утверждает, что результат поездки в Московское бюро был тот, что оперетку ставить можно. Называлась эта оперетка—покушение на Ленина. Хорошая оперетка! Но во всяком случае по поводу этой оперетки целый ряд членов Центрального Комитета поспешил нам подтвердить, что к ним постоянно обращались со всевозможными запросами насчет совершения террористических актов. И на что уже Ракитников, невоинственный и нетеррористического вида член Центрального Комитета, но и к нему, оказывается, целый ряд лиц обращается с такими же прожектами террористических актов. И, кажется, и Евгения Моисеевна Ратнер подтвердила, что и к ней обращались с такими запросами, значит, террористические настроения были, и если даже покушение на Ленина—оперетка,—то во всяком случае любителей ставить такие оперетки было настолько много, что если бы Центральный Комитет серьезно вынес свою резолюцию, запрещающую террор, то об этом надо было бы подумать.

Затем идет следующий „пустяк". Член партии социали-

стов-революционеров, Сергеев, убивает Володарского. Затем производится покушение на Ленина. Говорят, что Каплан не член нашей партии,—но это мы рассмотрим дальше,—но во всяком случае ее в этом деле поддерживал, как было известно членам Центрального Комитета, руководитель боевой организации, с точки зрения 1-й группы, партизанской организации, долженствовавшей действовать на фронте, гражданин Семенов, который дал ей для этого оружие. Тоже очень хорошо. Затем покушение на Троцкого, относительно которого Гендельман говорит, что его не было. Если гражданин Гендельман действительно верит, что такого покушения на Троцкого не было, то тогда нужно признать, что истина действительно относительна, ибо трудно найти какой-нибудь другой факт в этом процессе, который был бы доказан настолько твердо, как это покушение на Троцкого. Но об этом потом.

Итак, имеется целый ряд фактов, свидетельствующих, во-первых, о террористическом настроении и, во-вторых, о том, что члены партии переходят от настроения к действию, начинают стрелять, уже падают жертвы, а гражданин Гендельман говорит: достаточно серьезных оснований, чтобы распубликовать резолюцию о запрещении Центральным Комитетом террора, не было, и настроений террористических не было. Но там, где есть трупы, там уже поздно говорить о настроениях. Там есть факты. Я не спорю по вопросу, достаточно или недостаточно было оснований, это, конечно, вопрос оценки. Может быть, гражданин Гендельман признал бы, что террористические настроения отдельных членов партии достаточно выявились бы, когда была бы перебита половина народных комиссаров или весь Совет Народных Комиссаров. Повторяю, достаточно или недостаточно—весьма относительный вопрос, и приходится, поэтому, вспомнить, что „человек есть мера всех вещей", и когда одному кажется, что мера переполнена, тогда другому кажется, что нет ничего серьезного и нет никаких оснований для того, чтобы Центральный Комитет сообщил членам своей партии об имеющихся постановлениях. Позвольте вам напомнить, товарищи члены Верховного Трибунала, что не только Семенов и Коноплева утверждают, что они не знали о постановлении

Центрального Комитета, запрещающем террор, Дашевский, человек очень близкий к Центральному Комитету, категорически утверждает, что он никогда не слышал, что есть постановление, запрещающее террор. И вообще никто из лиц, принадлежащих к первой группе, не мог категорически удостоверить, что это постановление было сообщено для сведения и руководства партийных людей. Скажут, что из такой версии не следует, что Центральный Комитет об'являл террористическую борьбу, нет, из нее только следует, что такое постановление, если бы оно было оглашено, могло бы сразу ликвидировать террористические настроения, которые были в низах партии. Этого постановления Центральный Комитет не распубликовал. Это надо запомнить, вывод будет дальше.

Теперь мы переходим к „оперетке"—к первому покушению на Ленина. Посмотрим, что это была за оперетка с такими милыми аксессуарами, как яд кураре. Коноплева и Ефимов рассказывают этот инцидент. Я не буду повторяться. Вы отлично помните, как это было.

Теперь остается следующее: Гоц говорит, я не давал санкции, или не санкции, это вообще неудачное выражение, этот термин припутан ни к чему, но я не говорил, что можно совершать индивидуальные террористические акты, я говорил, что нельзя, а Коноплева говорила, что можно. После этого следуют такие факты: Ефимов и Коноплева едут в Москву. Когда Коноплева повествует перед вами об этом факте, она попадает под жесточайший перекрестный допрос: когда ездила в марте или апреле, куда ездила, позднее или раньше разоружения Преображенского полка, почему на предварительном следствии сказала, что поехала в Ярославль, а теперь—что в Петербург и т. д. Тогда я ждал, что после этого встанет Гоц и скажет: все ложь, она в Москву не ездила, и я ее не видел. Но гора родила мышь. Гоц подтвердил и свои встречи, и разговор с Коноплевой в Питере, и ее поездку в Москву, и встречу свою с ней в Москве. Гендельман уличал Коноплеву, что она путается в датах вообще. Но если за забывание дат через 4 года Верховным Трибуналом выносятся какие-либо наказания, тогда я отказываюсь от защиты, тогда Коноплева свое наказание заслужила: она помнит основные факты, которых

нельзя не помнить, но она не помнит многих дат, сколько бы их из ее памяти не выжимали. Кто из нас возьмется рассказать где угодно, в каком-нибудь мнемоническом [1]) институте о том, что он делал, начиная с октября 1917 года до ноября 1918 года, в каком порядке, в строгой последовательности с датами и даже с часами—тот пусть получает премию за феноменальную память и пусть даже осуждает Коноплеву. Я сам не могу вспомнить, что я делал 4 года тому назад в такой последовательности, как это угодно Гендельману и Лихачу. И поэтому, я этого не могу требовать ни от кого из подсудимых.

Итак, Гоц подтвердил, что разговор с Коноплевой был у него, что в Москву Коноплева и Ефимов поехали—это совершенно бесспорный факт, и Гоц и Тимофеев этого не отрицают. Так спрашивается, зачем же они поехали? Это надо о'бяснить как-нибудь. Гражданин Гендельман здесь об'яснил его очень остроумно. Они поехали, жили они в одной комнате, делалось это все как будто для покушения на Ленина, но на самом деле не в покушении было дело, не потому жили в одной комнате, чтобы совершить террористический акт, а для этого выдумали террористический акт, чтобы поехать в Москву и жить там в одной комнате. Я должен сказать, что опять-таки не подхожу к этому вопросу с моральной точки зрения. Если бы такая версия была доказана, то хотя это и некрасивый способ защиты,—но победителей не судят, и если бы доказали, что никакого покушения на Ленина не готовилось, то мы бы с этим считались. Но вот что—существуют ли какие-нибудь доказательства для обоснования этой милой романической версии? Решительно никаких. Она взята с воздуха, и здесь я не могу не обратить внимания на один чрезвычайно своеобразный прием защиты. Когда появилось разоблачение Семенова, „Голос России" изругал,—эти статьи приобщены к делу,—изругал Семенова самыми нехорошими словами. Когда в дополнение к брошюре Семенова появились в печати показания Коноплевой, сначала растерялись,—а потом сделали красивый элегантный жест,—это, мол, не два человека, а один человек, муж и жена одна сатана, Семенов и Коноплева, если не муж и жена, то они во вся-

[1]) Мнемоника—искусство запоминания.

ком случае в таких отношениях... и кончены разговоры. Прекрасно.

Затем, когда мы пошли дальше, то как-то мимоходом, когда выяснялся факт, что Коноплева встречалась часто с Борисом Николаевичем Рабиновичем, при чем по версии Коноплевой встречи имели отношение к организации террористического акта, то был подпущен тонкий намек, что встречались-то они несомненно, но вряд ли в терроре было дело. Затем, одним из обвиняемых была пущена версия насчет отношений Коноплевой и Дашевского, а затем уже не в виде намека, а совершенно определенно, черным по белому, было заявлено, что Коноплева и Ефимов хотели поехать в Москву специально для нарушения седьмой заповеди и, чтобы это как-нибудь осуществить, они придумали покушение на Ленина. Я должен сказать, что такие полемические приемы говорят сами за себя. В жизни на такие аргументы отвечают не словами, а известными действиями, а в суде на них совершенно не отвечают. Я не знаю, для чего нужно было выдумывать эти гадости и изображать Коноплеву в виде какой-то эсеровской Мессалины[1]). Если бы у нас действовали правила процессуального кодекса, действовавшего до 64 года, в котором была статья, что суд не дает веры и не приемлет свидетельства следующих лиц—глухих, немых, поврежденных в уме и затем, как это было сказано, „явных прелюбодеев", вот если бы мы попрежнему пребывали в плоскости доказательственного права, по которому явному прелюбодею не верят на суде,—тогда эти приемы защиты, несмотря на их омерзительный, с точки зрения общечеловеческой, характер, преследовали бы, по крайней мере, известную цель. Раз нарушаешь седьмую заповедь, то у суда тебе веры нет. Но у нас нет такого доказательственного права, и поэтому, для чего нужны эти упражнения, я не знаю. Здесь не простая эротическая фантазия, а на патологической почве. Зачем это нужно было ездить в Москву, для чего нужен был яд кураре и такая обстановка, при которой эта идиллия могла быть прервана в любой момент агентом из ВЧК, для чего это было нужно для полноты счастья

---

[1]) Мессалина—жена римского императора Клавдия, вела развратный образ жизни.

Коноплевой и Ефимова, этого я никак не понимаю.

Теперь позвольте от этого милого эпизода перейти к делу. Никакого яда кураре не было, говорит гражданин Гендельман. Почему не было? Видите ли, это было в 18 году. Советская Россия была блокирована. Во-первых, в марте или апреле 18 года Советская Россия не была блокирована. Здесь заседали иностранные дипломаты, и этих иностранных дипломатов часто посещал гражданин Тимофеев, в чем я, как и он, ничего предосудительного не вижу, так что факт, что те или иные медикаменты в России могли получиться, ничего неправдоподобного из себя не представляет. Ну, допустим — блокада, допустим, что правильно утверждение гражданина Гендельмана, что эти медикаменты были довоенного происхождения. И затем нам была с победоносным видом задана загадка сфинкса. Кто из вас мудрый Эдип, разрешит эту загадку: яд кураре портится от атмосферных влияний и теряет свою силу. Он мог быть привезен в Россию только до войны, следовательно, к 18 году он должен был испортиться, следовательно, его не было. Как вы нам разрешите эту загадку?— спрашивает Гендельман. Но здесь нет загадки — ларчик открывается очень просто, и решение этой загадки не дает права на титул мудрого Эдипа. Если яд был довоенного происхождения и если, как в этом уверяет гражданин Гендельман, он портится от воздуха, хотя показания обоих экспертов противоречат друг другу, и вообще медицинский факультет нашего университета оказался в этом пункте не на достаточной высоте, — хорошо, он портится. Этим именно и об'ясняется, что когда Каплан выстрелила в Ленина отравленной этим ядом пулей—он не подействовал,— больше ничего. Самое простое дело. Если бы он не испортился, он подействовал бы, а действие кураре смертельно. Для этого не нужно быть токсикологом [1]), это сказано в любом энциклопедическом словаре. Факт, что яд испортился, доказывает, что он был.

Теперь, здесь было потрачено очень много энергии на то, чтобы доказать, что первое покушение на Ленина носило крайне несерьезный характер. Я не буду против этого спорить, потому что оно действительно не носило серьез-

[1]) Токсикология—наука о ядах и о их действии на организм.

ного характера в том отношении, что не было достаточной подготовки, не было достаточных средств, что Рихтер руководить этим делом не умел и ничего не вышло. Ясное дело, что, поскольку здесь было только приготовление, а не покушение, как об этом говорят и Коноплева и Ефимов, мне—защитнику Коноплевой, опровергать эту версию не приходится. Но важно, что неправда, когда здесь говорят, что Коноплева и Ефимов приехали вопреки запрещению Гоца и Рабиновича. Чтобы примирить как-нибудь это утверждение, которое категорически противоположно показаниям Коноплевой и Ефимова, применяется простой метод. Коноплева вообще мертва для них, ее показания можно выкинуть из дела, ибо они действительно очень неудобны, так как, если Трибунал им поверит, то тогда не зачем дальше ломать копья, Гоц утверждает, что разговора с Ефимовым не было, что Рабинович об этом ничего не говорил, а Гендельман говорит, что Ефимов ездил, но по другому делу, а зачем Ефимов сейчас говорит, что это покушение на Ленина было. Если была невинная романическая прогулка, то зачем он возводит на себя обвинение в тягчайшем политическом уголовном преступлении? Вероятно, потому, что он боится жены своей больше, чем Верховного Трибунала и расстрела. Ему лучше отстоять покушение на Ленина и не принимать правдивой романической версии Гендельмана, и поэтому он лжет, поэтому он плетет всякие небылицы в то время, как единственно было бы правильно сказать: что вы, куда вы заехали, что вы, какой там террористический акт, никакого террористического акта, просто невинная идиллическая прогулка. Однако, Ефимов этого не говорит, хотя он прекрасно понимает, что если он поддержит версию Гоца и Гендельмана и изолирует Коноплеву, то тем самым он выскакивает из процесса, так как никакого другого серьезного обвинения ему не пред'явлено. Однако, он настаивает на том, что это было так. И когда я спросил Гоца, а верите ли вы показаниям товарища по каторге Ефимова, он ответил: видите ли, я не скажу, чтобы он был непорядочный человек, и тут нам гражданин Гоц преподнес нечто похожее на то, что было в старом уставе о несостоятельности: бывают банкроты злостные, а бы-

вают банкроты, как сказано довольно художественно, невинно падшие. Вот Ефимов и есть невинно падший. Вообще, он человек честный, но так как в данном процессе нужно доказать, что он участвовал в покушении на Ленина, а не просто ездил в Москву, он это и доказывает. По вопросу, что такое Ефимов, опять будет говорить его защитник. Я должен только сделать общее замечание. Если в процессе в одном и том же преступлении обвиняются двое подсудимых, при чем один из них говорит: я это сделал, и он мне помогал, а другой говорит: это он сделал, но я ему в этом не помогал, то вряд ли этот второй подсудимый, который перекладывает на первого всю тяжесть ответственности, а себя выгораживает, имеет право смотреть на первого сверху вниз и говорить, что он „невинно падший". Этот билет больше годится для обратного проезда. У целого ряда лиц, среди них у Семенова и Коноплевой, родились на почве воинствующих речей, на почве молчания Центрального Комитета, ибо хотя он у себя что-то постановлял, но ничего не разглашал, родились боевые террористические настроения. И когда эти боевые террористические настроения начали принимать у Коноплевой все более и более активный характер, тогда Центральный Комитет решил взять их под свое наблюдение и приставил Рабиновича к Коноплевой для того, чтобы ввести это импульсивное движение в определенное русло.

Здесь спорят о том, была группа Рабиновича или не была. Как будто можно заниматься такими схоластическими вопросами. Хотите, называйте это группой, хотите, не называйте, факт тот, что были Коноплева и Ефимов, которые хотели совершить террористический акт, и был Центральный Комитет, который их не только не остановил, а прислал своего представителя Рабиновича для того, чтобы направить эту подготовительную работу, и был член Центрального Комитета Рихтер в Москве, который должен был этой работой руководить. Вот вам факты: без всякого постановления члены Центрального Комитета проводят индивидуальный террор. Правдоподобно ли такое предположение или неправдоподобно? Да, правдоподобно. Здесь вам читали по поводу убийства Володарского, что в то время в Петрограде у

многих негодование кипело, как в котле. Здесь нам старались установить, как велик в то время был гнев против большевистских вождей, против вождей Коммунистической Партии.

Если там действительно считали, что в то время были большие группы населения, которые частью сами собирались расправиться с наиболее популярными представителями Коммунистической Партии, частью, во всяком случае, приняли бы весть об убийстве Урицкого, Володарского или Зиновьева, как благовест, то, само собой понятно, что в партии социалистов-революционеров создалось такое настроение, при котором они считали, что об'явить открытый террор, по тем или иным соображениям, нежелательно, но если в тот или иной момент то или иное лицо, связь которого с партией нельзя доказать, убьет кого-нибудь из господ большевиков, то мы должны этому только радоваться, ибо это покажет всей Европе и всей России, как их ненавидит пролетариат.

И вот, отсюда постоянно повторяющиеся, как лейтмотив[1]), разговоры: убить должен рабочий. Отсюда, Сергеев убивает Володарского, отсюда, в Москве намечаются в числе исполнителей Федоров-Козлов и Усов, и только когда на них получилась осечка, пришлось, скрепя сердце, двинуть на это дело Фанни Каплан.

Было здесь постановление Центрального Комитета или нет? Нет, здесь было искусное использование террористического настроения такого человека, как Семенов, который все время рвался в бой, и такого человека, как Коноплева, которая, по выражению кого-то из первой группы, горела желанием быть Шарлоттой Кордэ русской революции. И вот, это активистское настроение желали некоторые члены Центрального Комитета использовать для инсценировки народного гнева. Возьмите дело Володарского, которое не имеет непосредственного отношения к Коноплевой, на котором я поэтому не буду подробно останавливаться, но о котором мне необходимо сказать несколько слов. То, что сделал Центральный Комитет по этому поводу, должно было всячески укрепить в лицах,

---

[1]) Лейт-мотив—основной мотив, основная мелодия, проходящая через всю оперу или через какое-нибудь музыкальное произведение.

группировавшихся вокруг Семенова, террористическую решимость и твердую уверенность в том, что Центральный Комитет, в лице тогдашнего его ответственного представителя в Петрограде Гоца и уполномоченного Рабиновича, будет всячески приветствовать террористический акт. Разговоры по этому поводу здесь не отрицаются, но здесь говорят: мы вообще запретили, а со скамей второй группы говорят: вы не вообще запретили, а вы сказали—рано. Это большая разница. Опять перед нами ставится вопрос, кому мы можем больше верить? Одна сторона связана той версией, которую первоначально выдвинули: раз Центральный Комитет сказал, что ни одна партийная организация не имела к этому отношения,—значит, ни одна. Тем не менее эта версия явно неправдоподобна. И кто разбивает в данном случае показания Гоца? Не кто иной, как гражданин Рабинович своим письмом. В этом письме написано: когда я узнал от Коноплевой, что убийство дело рук одного боевика из семеновской группы, я немедленно потребовал Семенова к себе. Гоц говорит, что Рабинович потребовал не к себе а к Гоцу. Ну, это для нас неважно, может быть, в данном случае поправка Гоца правильна. Ну а что дальше из этого следует? Рабинович рисует такой разговор: я не при чем, я не приказывал ему стрелять. Так говорит Семенов Рабиновичу. А в дальнейшем ходе разговора Семенов говорил: а я очень рад, что так случилось, убили—так и надо. Вообще, ну вас с вашим Центральным Комитетом. Был этот разговор, или Рабинович выдумал? Рабинович его не выдумал, потому что Центральному Комитету разговор этот невыгоден. Значит, разговор этот был. Гражданин Гоц сказал, может быть, он и был, но Рабинович мне этого не рассказал. Я этому не верю. Такого факта, что руководитель боевой организации, если по постановлению Центрального Комитета эта организация не носила никаких террористических заданий, что руководитель этой организации сказал такую штуку, такого факта Рабинович не имел права от Гоца скрывать и не скрыл бы. Значит, они знали... И вот, когда гражданин Гендельман освещает эту версию, он говорит: зачем Семенов выдумал второй разговор с Гоцем, в котором ему было сказано: „подожди“. Это было выдумано для того,

чтобы об'яснить то негодование, которое вспыхнуло против Семенова в кругах Центрального Комитета, когда дело это было раскрыто, а гражданин Гоц говорил, опровергая начисто версию Гендельмана, что никакого негодования не было и не могло быть, потому что не только Центральный Комитет не знал, что Семенов причастен к этому делу, но и не знал фамилии боевика Сергеева [1]). Этому я не верю. Потому что во всяком случае это Рабинович вдребезги разбивает, Гоц знал, как Семенов относится к факту убийства. И они знали, кто убийца. Ракитников, Веденяпин могли не знать, но Рабинович и Гоц знали. А если они знали, то сколько бы здесь не негодовал гражданин Гоц, но факт остается фактом.

Боевая группа Семенова, которая была после этого переброшена в Москву, знала, что в ее рядах находится убийца Володарского, что он продолжает работать в дружине. Как она могла это воспринимать? Только так, что Центральному Комитету нужно отказаться от этого убийства, но вместе с тем, он, конечно, не возмущается, потому что, хотя штука пришлась несколько не во-время, и, как показывают Чернов и Постников, испортила выборы, но вообще, конечно, самый факт террористических актов против лиц, которые с точки зрения партии социалистов-революционеров должны были быть ненавистными народным массам, Центральный Комитет всячески приветствовал. И когда Семенов говорит: „мне сказали — жди", то я ему твердо верю, но я не верю, что ему могли сказать, что террористические акты абсолютно запрещаются. Не верю я потому, что когда дело шло о военных выступлениях на Обуховском заводе, в минной дивизии и прочее, и когда Семенов рвался в бой и ему говорили „стоп",—он подчинялся, а когда вот о терроре ему говорили двадцать раз „стоп"—он не подчинялся. Я думаю, что ему не говорили „стоп", а с ним вели двуличную политику. Его использовали и использовали Коноплеву, а через их посредство использовали и других для инсценировки народного гнева. Ибо партия может вести не только партийный террор, но

---

[1]) Сергеев с.-р., член боевой группы, убивший 20 июня 1918 г. в Ленинграде тов. Володарского, когда последний возвращался с митинга.

иногда интересы партии могут требовать, чтобы террор происходил под видом беспартийного террора.

Здесь, конечно, нам никакой Маркс не поможет в этом разобраться, но можно привести факты, которые нам помогут разобраться, из истории ордена иезуитов. Когда они убили Генриха IV в 1610 году и в 1758 году убили португальского короля Иосифа I-го, то каждый раз святой орден заявлял, что он не принимал постановления о цареубийстве и отрекался от тех членов, которые такое цареубийство совершали. Они говорили,—это все отверженцы. а мы ничего не знаем. Ни португальское, ни французское правительство им не поверили, и вряд ли Советское правительство будет более наивным.

ИЗ РЕЧИ ЗАЩИТНИКА ПО ПРОЦЕССУ ПАРТИИ С.-Р. ТОВ. КОНА [1]).

...Я думаю, что в этом зале не было ни одного человека, который не содрогнулся бы, когда здесь перед нами предстал эпизод, который просто был рассказан,—это покушение на Ленина, которое должен был совершить Усов. Он пришел. Он показал, что он не трус. Он принимал участие в целом ряде эксов, и он от них не отказывается. Он пришел, вы помните тот разговор, который у него был. Помните разговор с рабочими, которые выступали против Учредительного Собрания. А это было для него самое болезненное место,—вы помните то настроение, которое царило среди рабочих, когда Ленин приехал. Вы помните, какое впечатление на него произвела речь Ленина, и вы помните заявление его: „Я не мог их лишить их бога". Он не говорил о себе, что он уже сделался большевиком. Он не сделался им еще тогда, но он видел рабочие массы, которые окружали вождя, и у него, у рабочего, рука опустилась, и он отошел. Вчера тов. Членов останавливался тут на психологии того, который убивает, и того, который сигнализирует.

Да, процесс был длительный, процесс кончился победой Усова над собой, над всеми традициями. И тут ему пред'являют иск: „Как же это ты тогда не пришел и не заявил на нас всех? Как же ты тогда скрылся из виду и не принял меры против нас". Товарищи, так вдруг грубо подходить к этому вопросу нельзя. Когда идешь с людьми в течение целого ряда месяцев, когда убеждаешься, что эти люди завели тебя бог знает куда, но все-таки ты связан

---

[1]) Защищал из II-й группы обвиняемых Ставскую и Усова.

с ними—ты должен еще переработать себя, должен поставить себе жесточайший вопрос, что для человека, преданного революции, важнее: его личные, мучительные переживания или требования революции. Мы знаем людей, которые выступали в рядах революционеров, а с той стороны, с другой стороны в рядах белогвардейцев выступали их отцы и братья. Им разве легко было пустить пулю в лоб отцу,—конечно, нет. Им пришлось бороться и долго бороться, но для революционеров этот вопрос в конечном итоге предрешен: он может месяцами продолжаться, он может стоить страшной душевной муки, но он кончится всегда одинаково. Интересы пролетариата, интересы революции этого требуют—и я должен это сделать.

Усов для себя в первый момент решил этот вопрос просто: он сошел со сцены, ушел к себе в пролетарскую массу, на свой Колпинский завод, он начал работать, он не словом, а делом начал искупать свою великую вину, он сделал одно, именно - он работал вместе с коммунистами, он боролся вместе с коммунистами, он не спрятал свою шкуру, а ушел на фронт, боролся на фронте.

Переходя к другим обвинениям, я должен сказать: они совершили оба [1]) большие преступления. Квалифицировал их и подвел соответственные статьи тов. обвинитель.

Я не буду рассматривать этих статей, я хочу только вам сказать, что Революционному Трибуналу приходится решить в данном случае вопрос не об освобождении от наказания. Если вопрос стоит так, то осудите их. Вопрос ставится по другому: считаете ли вы их достойными сынами пролетариата, достойными вернуться в его ряды, достойными бороться в его рядах, или нет? Если вы их не считаете достойными, осудите их. Я лично считаю, что вы должны своим вердиктом вернуть им не только жизнь, но революционную честь, и за этим я обращаюсь в заключение к Трибуналу.

---

[1]) Т. е. Ставская и Усов.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА ПОДСУДИМЫХ.

Из речи Усова.

...В дальнейшем наша деятельность во имя защиты Учредительного Собрания выразилась в той боевой организации, о которой здесь уже имелись суждения, и на которой я не буду много останавливаться. Но почему именно среди рабочих, среди рабочих-боевиков нет твердого убеждения, нет твердой веры в то дело, которое мы делали? Здесь нам бросалось обвинение, что мы якобы были малодушны. Конечно, можно сказать про нас, что угодно, но я думаю, что этот аргумент, как бы его ни старались бросать с той стороны в нас, он не совсем к нам прилип. В революционной борьбе мы не раз стояли перед лицом смерти, и все эти колебания, и вся эта неуверенность, которые царили в дружине, они именно выражались не в том, конечно, как тут хотели доказать, что мы читали большевистские газеты. Это положение явилось следствием того, что в этот период революции вопрос стал в такую плоскость: революционная борьба, так сказать, все ярче и ярче выражалась в двух лагерях: по одну сторону была партия коммунистов и рабочие, по другую сторону были все буржуазно-реакционные группировки партии социал-революционеров.

Мы, рабочие, в такой атмосфере чувствовали себя, конечно, не на своем месте, и нужен был только один толчок, который бы сразу поставил нас вне рядов той партии, которая уже всецело перешла на сторону буржуазно-реакционной реставрации. И этот толчок был нам дан, был дан именно Центральным Комитетом. Здесь мы в вопросе о терроре опять-таки видим ту определенную тактику обволакивания и даже просто тактику провокации по от-

ношению ко всем партийным низам: нам давали какие-то половинчатые директивы. Теперь для нас, рабочих, здесь на процессе стало ясно, что нас хотели спровоцировать на террор и потом от этого отказаться. Конечно, в первый раз эта тактика обволакивания и отказ Центрального Комитета поставил нас в такие условия, что мы стали подозревать нечестность. Дальше, когда произошло второе покушение и второй отказ Центрального Комитета, дальше мы уже не могли оставаться. Мы, почти все рабочие, в количестве 14 человек от дружины откололись, остался только один.

Мы уже не могли принимать участие не только в этой боевой организации, но и в самой работе партии. Тот обман, который был допущен в отношении нас, безусловно сразу поставил нас вне рядов партии.

Дальше, уйдя из партии с.-р. в конце 18 года, я находился, так сказать, в аполитическом состоянии: я не примкнул к коммунистам и не мог быть уже больше эсером, но впоследствии под влиянием анализа всего происшедшего я пришел к заключению, что если я не могу быть в силу сложившихся обстоятельств—коммунистом, то помогать революции, помогать рабочему классу я, как рабочий, обязан, и я до конца 19 года продолжал уже работу, как беспартийный коммунист. Дальше, когда уже произошла германская революция, когда сами эсеры в лице даже вождей эсеровской партии сознали всю преступность эсеровской политики, для меня стало ясно, что социалистическая революция, в которую мы в то время не верили, она была бы возможна, если бы именно все социал-соглашательские партии не стали вести самой отчаянной борьбы против русской социалистической революции. И, может быть, вся вина, что социалистическая революция не произошла, в громадной степени ложится именно на эти партии.

Здесь на процессе у меня собственно имелись две цели: одна из целей, одна из задач—это рассказать перед лицом всего пролетариата о моей работе в революции и сделать соответствующий отчет. И другая задача—осветить те темные стороны партии эсеров, свидетелем которых я был когда-то. Обе эти задачи я здесь выполнил и могу со спокойной совестью ждать заслуженного приговора со стороны Революционного Трибунала.

Из речи Зубкова.

...Обстановка, в которую мы попали, в этой боевой организации была такова, когда с одной стороны говорят: вот вам санкция Центрального Комитета, вот вам честное слово Гоца, который в глазах наших всегда был крупной фигурой, которому мы всегда верили и ради которого мы, все 15 человек, пошли наверняка на смерть выручать его для того, чтобы не дать расстрелять. Вот что представлял для нас Гоц. Мы жертвовали для него своей жизнью. И теперь нам говорят, что, когда убьешь Ленина или Троцкого, ты не можешь назваться членом партии социалистов-революционеров. Просто скажи, что стрелял из любви к искусству. Как вам нравится такое предложение? Хотя вы социал-демократы и не были террористами,—скажите, не могло ли это бросить тени сомнения и подозрения у нас, рабочих, так мало развитых. Вот откуда у нас взялось сомнение, а вовсе не трусость. Кроме того, получилась какая-то неясность, неопределенность. Здесь много говорилось о том, что у нас хоть и были боевые дружины, но все исполнялось без них. Нет, друзья, я, может быть, неправ, но я считаю так: раньше было много прекрасных имен, которые погибли в террористической борьбе со старым самодержавием. Убить генерала, который был деспотом, тираном многомиллионной русской страны—это было одно дело. Итти с бомбой в момент 18 года и итти на того человека, о котором определенно знаешь, что он не является тираном, о котором определенно знаешь, что он тоже социалист, но только в некотором отношении мы расходимся, и когда знаешь, что ты заслужишь не благодарность страны, а проклятие, когда знаешь, что он опирается хоть и не на весь рабочий класс, но на его часть—невольно трусишь, трусишь не за свою шкуру, трусишь перед собственной совестью, которая в этот момент пробудилась.

Здесь несколько раз также пытались набросить тень на Фанни Каплан. Мало того, что ее пытались обрисовать больной, но даже тень набрасывали на те предсмертные показания, которые имеются в деле, указывая, что, мол, и в показаниях-то она не хотела себя назвать с.-р. Значит

она не с.-р. Значит она не от имени нас действовала и т. д.

Но я должен вам сказать, граждане, следующее: для того, чтобы осуждать и бросать тень на Фанни Каплан, нужно было ее знать так же, как мы ее знали, как знала ее вся дружина. Смысл этих показаний для меня очень понятен. Я их расшифровал, когда познакомился с делом. Почему здесь получается разница, почему в первом показании она говорит, что она—никто и что она ни к какой партии не принадлежит, а во втором показании говорит, что она с.-р.

Вам всем памятен тот случай, когда Фанни Каплан после выстрела выбросила из кармана все свои вещи. По нашему постановлению того времени, идя на такое дело, в кармане нельзя было ничего иметь, кроме тех вещей, которые должны служить орудием. Случайно затерялся и завалялся у нее билет, который гласил: „ст. Томилино", и она выбросила этот билет случайно, и сразу почувствовала, что этим билетом может раскрыть нас, нас, которые находились в Томилине. Вот, что побудило ее сказать в своем первом показании, что я не принадлежу ни к какой партии, ни к какой организации.

Второе показание, понятно, она делала уже зная, что мы успели в этот момент привести себя в порядок и приняли все меры. Вот почему она себя и назвала во втором показании с.-р. В этом не может быть никакого сомнения.

Помимо мелких издевательств над всеми нами и лично надо мной и больших выпадов, я вчера услышал от Елены Ивановой: „я вам все прощаю". Меня это удивило: что я такое сделал перед ними и в особенности перед ЦК за что она меня прощает. Может быть, она прощает меня за то, что вы, цекисты, своим действием за эти последние революционные годы вырвали у меня ту веру, которую я имел с юношеских лет. Может быть, она прощает меня за то, что этими последними действиями вы вколотили осиновый кол в п? с.-р., в ту партию, которая все-таки имеет известное историческое прошлое.. Может быть, она прощает меня за то, что вы меня вовлекли во имя партии, во имя ее идей в эту авантюристическую историю. Может быть, она меня прощает за то, что все эти четыре года я находился вне партии и переживал, нравственно мучился

в этом прошлом своем преступлении. Если за эти дела она меня прощает, то я вам, бывшие друзья, за все это, за представленные мне муки за это время не прощаю и не прощу никогда. И поэтому, бывшие товарищи, я не принимаю вашего прощения. Возьмите его себе. Я вам за это никогда не прощу.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН
ПО ВЫЗДОРОВЛЕНИИ.

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ.

ПРИВЕТСТВИЕ КРАСНОЙ АРМИИ И ТРОЦКОМУ.

Приветствую с восторгом блестящую победу Красной армии. Пусть служит она залогом, что союз рабочих и революционных крестьян разобьет до конца буржуазию, сломит всякое сопротивление эксплоататоров и обеспечит победу всемирного социализма.

Да здравствует всемирная рабочая революция!

Ленин.

„Известия ВЦИК", 12 сентября 1918 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ ПЕТРОГРАДСКОГО И МОСКОВСКОГО СОВЕТОВ ЗИНОВЬЕВУ И КАМЕНЕВУ.

Взятие Казани есть ваша победа не только потому, что это победа рабочего класса над бандами буржуазии, но и потому, что в этой победе решающую роль сыграли героические рабочие Петрограда и Москвы, шедшие в первых рядах и показавшие в самых трудных обстоятельствах пример мужества и несокрушимой верности.

Да здравствуют Петроградский и Московский Советы Рабочих Депутатов!

Ленин.

„Известия ВЦИК", 11—12 сентября 1918 г.

ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ ТОВ. ЛЕНИНА НА ЗАСЕД. ЦК ПАРТИИ.

Нам сообщают, что здоровье тов. Ленина настолько поправилось, что вчера, 16-го сентября, Владимир Ильич впервые принял участие в очередном заседании Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии.

Члены Центрального Комитета, для которых появление Ильича было неожиданным приятным сюрпризом, горячо приветствовали своего вождя и учителя, возвращающегося к любимой работе после вынужденного перерыва.

„Известия ВЦИК", 17 сентября 1918 г.

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. ЛЕНИНА ПОСЛЕ ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ.

Соединенное заседание ВЦИК, Московского Совета и рабочих организаций.

22-го октября 1918 г.

22-го октября состоялось чрезвычайное, соединенное заседание высших органов центральной и московской Советской власти, совместно с представителями рабочих организаций для обсуждения международного положения и в связи с этим положения Советской Республики.

Впервые после своего выздоровления в заседании принимает участие тов. В. И. Ленин.

Когда председатель Свердлов огласил порядок дня и сообщил, что в докладе о международном положении выступит Владимир Ильич—зал огласился бурными рукоплесканиями. На трибуну поднимается тов. Ленин. Он почти не изменился после болезни, но только немного похудел. Заметно, что тов. Ленин еще не вполне свободно владеет левой рукой. Но речь его так же ясна и проста, так же остроумны и ярки его сравнения, так же глубоко убедительны его слова.

Словом, это прежний Владимир Ильич, которого так любит, и так ценит трудовой народ, друг и вождь мирового пролетариата.

При появлении тов. Ленина на трибуне все представители рабочей Москвы поднимаются со своих мест и приветствуют его долго несмолкающими восторженными криками. Летят кверху шапки, рукоплескания и восторженные возгласы, едва стихнув, начинаются снова с возрастающей силой. Бурная овация длится несколько минут.

ИЗ РЕЧИ ТОВ. ЛЕНИНА. [1]).

... Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться, но не сразу революция научается защищаться. Революция была пробуждением к новой жизни миллионов народа. В феврале и марте эти миллионы не знали, за что идут продолжать эту бойню, в которую их погнали цари и Керенские, и цель которой была разоблачена лишь в декабре большевистским правительством. Они ясно понимали, что это была не их война, и нужно было около полугода, чтобы наступил перелом. Теперь этот перелом наступил; он изменяет силу революции; массы, истомленные, истерзанные четырехлетней войной, в феврале и марте требовали мира и прекращения войны; они не в состоянии были поставить вопроса, из-за чего война? Если эти массы теперь создали новую дисциплину в Красной Армии, не дисциплину палки и помещичью, а дисциплину Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, если они теперь идут на величайшее самопожертвование, если среди них сложилась новая сплоченность, то это потому, что в первый раз в сознании десятков миллионов рождается и родилась новая социалистическая дисциплина, родилась Красная Армия; она родилась только тогда, когда эти десятки миллионов людей на собственном опыте увидели, что помещиков и капиталистов они сбросили сами, что строится новая жизнь, что они начали ее сами строить и что они эту жизнь построят, если не помешает иностранное нашествие.

Когда крестьяне увидели своего главного врага и начали борьбу с деревенскими кулаками, когда рабочие покинули фабриканта и начали строить заводы по пролетарскому плану народного хозяйства, они увидели всю трудность перестройки, но они с ней справились, нужны были месяцы, чтобы наладить работу. Эти месяцы прошли, и перелом прошел, прошел тот период, когда мы были бессильны, и мы пошли вперед гигантскими шагами, прошел период, когда у нас не было армии, когда не было дисципли-

---

[1]) Вся речь целиком напечатана в XV томе Собр. сочин. Вл. Ил. Ленина (В. Ульянова). Госиздат. Москва. 1922 г. Стр. 430—442.

ны, создалась новая дисциплина, и в армию пошли новые люди, которые тысячами отдают жизнь...

Это значит, что новая дисциплина, товарищеский союз перевоспитал нас в борьбе на фронте и в деревенской борьбе против кулака. Этот перелом, который мы переживаем, был трудным, но теперь мы чувствуем, что дело налаживается, и мы от социализма неустроенного переходим к истинному социализму. Перед нами главная задача — борьба с империализмом, и в этой борьбе мы должны победить. Мы указываем на всю трудность и опасность этой борьбы. Мы знаем, что перелом в сознании Красной Армии наступил, она начала побеждать, она выдвигает из своей среды тысячи офицеров, которые прошли курс, и тысячи других, которые никаких курсов не проходили, кроме курса войны. Поэтому мы нисколько не преувеличиваем, сознавая опасность, но теперь мы говорим, что армия у нас есть, и эта армия создала дисциплину, стала боеспособной. Южный наш фронт не есть фронт единичный,—это фронт против всего англо-французского империализма, против самого могущественного врага в мире, но мы его не боимся, так как знаем, что ему самому не удастся справиться со своим внутренним врагом. Три месяца назад смеялись, когда говорили, что в Германии может быть революция, говорили, что только полусумасшедшие большевики могут верить в немецкую революцию. Называли не только вся буржуазия, но и меньшевики и левые эсеры большевиков изменниками патриотизму и говорили, что в Германии революции не может быть, но мы знали, что там нужна наша помощь, и для этой помощи мы должны были жертвовать всем, вплоть до тяжелых условий мира.

Несколько месяцев назад говорили нам и доказывали это, но Германия в несколько месяцев превратилась из могущественной империи в гнилое дерево. Эта сила, которая ее разрушила, действует и в Америке и в Англии; она сегодня слаба, но с каждым шагом, которые попробуют сделать англо-французы в России, попробуют оккупировать Украину, как это сделали немцы, – с каждым шагом эта сила будет всплывать все больше и будет более страшной, чем испанская болезнь.

Вот, товарищи, почему главной задачей, повторяю, каждого сознательного рабочего является теперь ничего не скрывать от широких масс, которые могут не знать всей остроты положения, а, наоборот, раскрывать всю правду. Рабочие созрели, чтобы знать эту правду.

Мы должны победить не только белогвардейцев, но и всемирный империализм. Мы должны победить и победим не только этого, но и более страшного врага. Для этого Красная Армия нужна больше всего. Пусть каждая организация Крестьянской Советской России не перестает ставить на первом месте вопрос об армии. У нас есть полная уверенность, что мы с контр-революцией сладим.

Мы знаем, что у нас есть силы, но мы также знаем, что англо-французский империализм сильнее нас, и хотим, чтобы это отчетливо сознавали рабочие массы. Мы говорим: надо усиливать армию в 10 раз и более, говорим о том, чтобы более укреплялась дисциплина, и чтобы сознательные, просвещенные, сорганизованные настоящие вожди в 10 раз более уделяли внимания и заботы этому росту международной революции. Рост этот не органичится теми странами, которые потерпели поражение.

Теперь революция начинается уже и в тех странах, которые оказались победителями, и вот в этом росте Россия уже создала крупную силу. этот рост является для нас попрежнему главной и полной гарантией того, что международный социализм победит.

Протоколы ВЦИК 5 созыва.
Издание ВЦИК. Москва, 1918 г.

1841

Литература о покушении на тов. Ленина.

30 августа 1918 г. Материалы к годовщине покушения на В. И. Ленина. Рабочее изд-во „Прибой". Ленинград, 1924 г.

Вл. Бонч-Бруевич. Покушение на Вл. Ил. Ленина 30 августа 1918 г.

П. Б. Посвянский. Покушение на Ленина 30 августа 1918 г. Под редакцией **Н. Н. Овсянникова.**

Воспоминания очевидцев, газетные материалы 1918 г., некоторые данные из процесса ц. к. партии с.-р., протоколы допроса Каплан и др.

„Новая Москва". 1924 г.

Газета „Правда". Орган ЦК и МК РКП за август—сентябрь 1918 г.

Газета „Известия ВЦИК" за август—сентябрь 1918 г.

Газета „Петроградская Правда" за август—сентябрь 1918 г.

Журнал „Прожектор".
Изд. „Правда" № 14, август 1923 г.

Журнал „Красная Новь" за 1924 г., кн. VI, стр. 148—159.

Процесс ЦК правых соц.-рев.

Газета „Известия ВЦИК", июнь — июль 1922 г.

Обвинительные речи на процессе правых соц.-рев.. „Красная Новь" 1922 г.

Речи защитников и последние слова подсудимых на процессе правых соц.-рев., „Красная Новь" 1922 г.

М. Покровский. Что показал процесс так назыв. „правых социалистов-революционеров." Красная Новь, 1922 г.

Журнал „Пролетарская Революция" № 6—7 за 1923 г. Протоколы допроса Фанни Каплан.

Г. Семенов. Военная и боевая работа партии с.-р. 1917—1918 г.

Госиздат. 1922 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Вместо предисловия 3

На заводе б. Михельсон (ныне им. В. И. Ленина).

Воззвание ВЦИК 30 августа 1918 г. 11
Первые сведения о покушении 12
В городе 12
Очевидцы о покушении 14
Покушение на тов. Ленина 16
Подробности покушения 16
В памятный день. А. Блинков 17
Как ранили Ильича. Иванов 22
В день покушения. Ди-Кей 24
Предательский выстрел. Михельсоновец 26
Раненая женщина 28
Воспоминания шоффера Гиля 30
У Михельсона. Н. Осинский 35
Наш Ильич. Аросев 38
Речи тов. Ленина на митинге 30 авг. 1918 г. на зав. Михельсона . . 41

Болезнь.

Бюллетени о ходе болезни 47
После покушения 52
У раненого Ильича. Беседа с тов. Обухом 53
Беседа с тов. Винокуровым 55
О ранах тов. Ленина. Беседа с тов. Семашко 56
Ильич почти здоров 59
Бюллетень 18 сентября 1918 г. в 8 ч. веч. 59
Из книги В. Бонч-Бруевича о покушении 60
Извлечение пуль из организма тов. Ленина 64
Воспоминания о Владимире Ильиче. В. Розанов 64

Советская Россия и покушение на Ленина.

Кровь стучит в наше сердце 81
Ленин—Каплан, Урицкий—Каннегиссер. Н. Бухарин 84
Что такое для пролетариата тов. Ленин 87

Стр.

Выстрел. Л. Сосновский 90
Заседание Моссовета 3 сентября 1918 г. 92
Соединенное заседание Петросовета с делегатами от рабочих, красноарм. и др. организаций 6 сентября 1918 г. 106
Заседание ВЦИК'а 2 сентября 1918 г. 112
Покушение на Ленина. Г. Зиновьев. 116
О первом покушении на В. И. Ленина 1 января 1918 г. Г. Зиновьев. 118
Первое покушение на В. И. Ленина—М. Ульянова. 118
Родной. И. Р. 119
К моменту. В. Александровский. 122

Друзья и враги.

Друзья и враги 125
Из Стокгольма 127
Телеграмма шведских социалистов 128
Телеграмма из Швейцарии 128
От Петроградского Совета Р. и К. Д. 128

Армия в ответ на покушение.

Штаб N-ской армии 129
С южного фронта 130
От штаба восточного фронта 131
Письмо красноармейцев 132
Красноармейцы 133

Рабочие массы и покушение на тов. Ленина.

Фабрика Богорова 134
Резолюция Петроградского патронного завода 134
„ Волховской ф-ки Кузнецова 134
„ Александровской жел. дор. 135
Дорогое приветствие 136
Левые эсеры о покушении на Ленина 136
От мирной Делегации из Киева 136
Германская печать о покушении 137
Белогвардейцы о покушении на Ленина. Ил. Вардин. 138
Заявление эсеров 6 сентября 1918 г. 141
Несколько воспоминаний по поводу годовщины покушения. Б. Суварин. 142

Кто стрелял в Ленина.

История расследования покушения 149
Из бесед с тов. Петерсом 150
Кто была Фанни Каплан? (из материалов, опубликован. в журнале „Пролетарская Революция" № 6—7 за 1923 г.) 152
Отрывок из брошюры Г. Семенова. Военная и боевая работа партии соц.-рев. 1917—1918 г. 162
Из показаний Лидии Коноплевой 167

Процесс партии правых соц.-революц.

Стр.

Из обвинительного заключения... VII. Террористическая борьба против Советской власти за период 1918 г. 173
Показания рабочего Усова 188
Показания Зубкова 189
Показания Козлова 190

Обвинительные речи на процессе эсеров.

Из речи госуд. обвинителя тов. Луначарского 191
Из речи госуд. обвинителя тов. Крыленко 199
Из обвинительной речи тов. К. Цеткин 210
Из книги М. Н. Покровского. Что установил процесс так называемых „социалистов-революционеров". 220

Речи защитников на процессе эсеров.

Из речи тов. Членова 226
Из речи тов. Кона 244

Последние слова подсудимых.

Из речи Усова 246
Из речи Зубкова 248

Владимир Ильич Ленин по выздоровлении.

Взятие Казани. Телеграммы тов. Ленина — Троцкому, Зиновьеву, Каменеву 253
Первое появление тов. Ленина на засед. Ц К партии 253
Первое выступление тов. Ленина на соедин. засед. ВЦИК, Моссовета и др. организаций 29 октября 1918 г. 254
Литературное о покушении на тов. Ленина 258

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВАЯ МОСКВА“

Кузнецкий Мост, дом № 1.

НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ:

1. **Браславский.** История международного рабочего движения. Стр. 288, ц. 75 к.
2. **Браславский.** История Парижской Коммуны Стр. 228, ц. 1 р. 25 к.
3. **Вышинский.** История коммунизма.
4. **Горев, Б. И.** История социализма. Т. I. Социализм на Западе. Изд. II, стр. 432, ц. 2 р. 50 к.

БИОГРАФИИ:

1. **Ярославский.** Ленин. Жизнь и работа. II изд. Стр. 64, ц. 18 к.
2. **Ацаркин, А.** Карл Либкнехт. Стр. 32, ц. 10 к.
3. **Полонский, В.** Краткая история жизни Михаила Бакунина.

С ЗАКАЗАМИ НА КНИГИ ОБРАЩАТЬСЯ:

МОСКВА, Кузнецкий Мост, дом № 1.

Почтовому Отделу Издательства „НОВАЯ МОСКВА“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НОВАЯ МОСКВА“

Кузнецкий Мост, д. 1.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ.

1.—ЛЕНА. Ленские события и расстрелы 1912 г. Стр. 152, ц. 75 к.

2. ДОЛИНСКИЙ. Кровавое воскресенье (9 января 1905 г.). К двадцатилетию революции 1905 г. Пособие для рабочих, комсомольских и школьных клубов. Стр. 228, ц. 80. к.

3. ЛЮБИЧ. А. 9-е Января. Сборник. Стр. 192, ц. 50 к.

4. Его же. Кровавое воскресенье. Стр. 76, ц. 22 к.

ЮНОШЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ.

1. ЗИНОВЬЕВ. РЛКСМ. Две речи о комсомоле. Стр. 128, ц. 30 к.

2. ЛЕВГУР. Как возник комсомол. Стр. 34, ц. 15 к.

3. ЛЕВГУР. Три поколения. Стр. 40, цена 16 к.

С ЗАКАЗАМИ НА КНИГИ ОБРАЩАТЬСЯ:

МОСКВА, Кузнецкий Мост, д. 1, Почтовому отделу Издательства „НОВАЯ МОСКВА“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОССОВЕТА РК и КД
„НОВАЯ МОСКВА“

КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, Д. № 1.

Международное юношеское движение.

1. **Мюнценберг, В. и Шиллер, Р.**—История юношеского движения на Западе. Изд. II, стр. 240, ц. 1 р. 10 к.
2. **Зиновьев, Г.**—КИМ и его задачи. Стр. 126, ц. 25 к.
3. **Борис Раковщик.**—КИМ. Стр. 66, ц. 20 к.
4. **Шацкин, Л.** Пять лет КИМ'а (1919-1924), стр. 52. ц. 16 к.
5. **Цетлин, Еф.**—4-й конгресс коммунистического Интернационала Молодежи. Стр. 56, ц. 18 к.
6. **Мирошевский, Вл.**—Желтый Интернационал Молодежи. Стр. 72, ц. 25 к.
7. **Далин, С.**—Молодежь в революционном движении Монголии. Стр. 48, ц. 25 к.
8. **Его же**—Молодежь в революционном движении в Корее, с предисловием Ф. Раскольникова. Стр. 128, ц. 35 к.
9. **Его же**—Молодежь в революционном движении Китая. Предисловие К. Радека. Стр. 144, ц. 60 к.
10. **Кэмрад.**—Комсомол Литвы в борьбе. Стр. 112, ц. 35 к.

С заказами на книги обращаться в Почтовый Отдел Изд-ва „НОВАЯ МОСКВА“:

МОСКВА, Кузнецкий мост, д. 1.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач_____

Т. „Ком труда" з. 3..

Цена 1 р. 20 коп.

0-12

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗД-ВА

„НОВАЯ МОСКВА“

Кузнецкий Мост, д. № 1. Телефон 2-08-96.